

*Пока свободою горим,
Пока сердца для гести живы,
Мой друг, отгизне посвятим
Души прекрасные порывы!*
А. С. Пушкин

Историко-литературный альманах ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТИМ

№ 1 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ 1.07 — 30.09.2018

СОДЕРЖАНИЕ

А. Яшин.....	5
Я. Шафран.....	20
Г. Опарин.....	24
О. Хафизов.....	36
М. Придонов.....	47
Б. Рубцов.....	49
М. Остроухов.....	51
С. Редков.....	59
И. Бурцев.....	61
Р. Калупин.....	70
А. Филиппов.....	71
Ю. Кириленко.....	73
О. Каширин.....	77
С. Тимофеев.....	80
Ф. Поленов.....	85

Главный редактор А. Н. ФИЛИППОВ
Отв. секретарь С. Б. ТИМОФЕЕВ

Общественный совет:

Н. Н. ГРАМОЛИНА
В. П. ГРИЦЕНКО
С. Б. ТИМОФЕЕВ
Т. В. ТИХОНЕНКОВА
Е. А. ТОЛСТАЯ
А. Н. ФИЛИППОВ
Ю. А. ШАКИРОВ

**Альманах издается на средства,
выделенные...**

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В ГОД

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Тула, ул. Рязанская, 34, корп. 3
тел. +7(910)70-222-09

Подписано в печать г.

Формат 60×90^{1/8}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5

Тираж 350 экз.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

Тула, ул. Октябрьская, 71-а

Июль

- 3 **195 лет** со дня рождения Николая Николаевича ТОЛСТОГО (1823–1860), графа, писателя, уроженца Ясной Поляны, брата Л. Н. Толстого.
- 150 лет** назад (1868) согласно указу Святейшего Синода учрежден Тульский Богородичный Щегловский общежительный мужской монастырь, ныне Тульский Богородичный Пантелеимонов Щегловский мужской монастырь
- 115 лет** со дня рождения Анатолия Григорьевича МОРОЗОВА (1903–?), сотрудника центрального аппарата НКВД, командира партизанской бригады в Белоруссии, уроженца с. Мясоедово ныне Щекинского р-на.
- 4 **170 лет** со дня рождения Михаила Тихоновича ЯБЛОЧКОВА (1848–1906), историка дворянства, генеалога, члена Московского и Тульского общества любителей садоводства, Тульского и Ефремовского сельскохозяйственных обществ, уроженца с. Плоское Ефремовского у.
- 130 лет** со дня рождения Сергея Ивановича МАЛАШКИНА (1888–1988), писателя, уроженца д. Хомяково Авдуловской вол. Ефремовского у. Во многих произведениях писателя отражены картины жизни родного края.
- 5 **140 лет** со дня рождения Сергея Евсеевича ГАНЬШИНА (1878–1953), поэта, уроженца с. Гремячево Веневского у. В 1923 г. организовал в Москве литературное объединение пролетарских поэтов «Красный гуслир».
- 140 лет** назад (1878) утвержден герб Тульской губернии.
- 6 **185 лет** со дня рождения Александра Александровича ПУШКИНА (1833–1914), генерала от кавалерии, сына поэта А. С. Пушкина. С 1885 г. жил в имении в с-це Малое Останкино Каширского у. (ныне Веневский р-н) Тульской губ. Был похоронен на кладбище в с. Марыгино Веневского у. В 1963 г. прах был перенесен на фамильное кладбище в бывшем с. Лопасня, вошедшем в состав г. Чехова Московской обл.
- 7 **75 лет** со дня рождения Александра Петровича ГАВРИЛИНА (1943), инженера-электромеханика, ученого в области разработки электронно-микрографических систем информационного страхования и обработки документации, кандидата технических наук, лауреата премии имени С. И. Мосина (1992, 1999), заслуженного машиностроителя РФ, чл.-кор. Академии проблем качества РФ и Академии инженерных наук РФ. С 2007 г. возглавляет ФГУП «НИИ репрографии».
- 8 **80 лет** со дня рождения Вячеслава Петровича ВАРФОЛОМЕЕВА (1938–2007), журналиста, литератора, заслуженного работника культуры.
- 10 **155 лет** со дня рождения Сергея Львовича ТОЛСТОГО (псевд. С. Бродинский) (1863–1947), графа, композитора, музыковеда, мемуариста, составителя первого путеводителя по Ясной Поляне, сына Л. Н. Толстого.
- 11 **90 лет** со дня рождения Петра Ивановича ТАТАРИНОВА (1928), инженера-механика по стрелковому оружию, ученого в области обработки металлов, заслуженного изобретателя РФ, обладателя знаков «Изобретатель СССР» и «Лучший изобретатель Министерства оборонной промышленности», лауреата премий имени С. И. Мосина (1968, 1993, 1995, 1999) и премии имени Н. Демидова (1996), члена Тульского областного совета ВОИР, ведущего научного сотрудника ФГУП ГНПП «Сплав», почетного гражданина г. Тулы
- 13 **80 лет** со дня рождения Евгения Николаевича ВАЛИКОВА (1938), ученого в области технологии машиностроения и металлообработки, доктора технических наук, лауреата премий имени С. И. Мосина (1967, 1984) и имени Н. Демидова (1997), чл.-кор. Академии проблем качества РФ, преподавателя Тульского государственного университета.

- 15 **105 лет** со дня рождения Владимира Кирилловича ЩЕРБИНИНА (1913–1950), Героя Советского Союза, уроженца д. Новофедосовка ныне Кимовского р-на.
- 16 **240 лет** со дня рождения Александра Алексеевича ПЛЕЩЕЕВА (1778–1862), театрального деятеля, композитора, придворного чтеца, уроженца с. Чернь.
- 90 лет** со дня рождения Нины Яковлевны ПАНОВОЙ (1928–2009), Героя Социалистического Труда, полевода, уроженки с. Иевлево Богородицкого р-на.
- 18 **185 лет** назад (1833) было издано распоряжение о создании в российских губерниях публичных библиотек, на основании которого создана Тульская губернская публичная библиотека для чтения, ныне государственное учреждение культуры «Тульская областная универсальная научная библиотека».
- 19 **95 лет** со дня рождения Леонида Александровича ГРИШИНА (1923–1992), Героя Социалистического Труда, слесаря-сборщика, уроженца г. Тулы.
- 20 **105 лет** со дня рождения Николая Васильевича ХУДЯКОВА (1913–1996), Героя Советского Союза, уроженца г. Тулы.
- 22 **100 лет** со дня рождения Михаила Филипповича ГУЛЯКИНА (1918–2001), Героя Социалистического Труда, военного врача, хирурга, уроженца д. Акинтьево ныне Чернского р-на.
- 25 **115 лет** со дня рождения Павла Ивановича КОРОБКОВА (1903–1995), оперного певца, заслуженного артиста России, педагога ГИТИСа. С 1980 г. жил и умер в г. Туле.
- 26 **115 лет** со дня рождения Милицы Филипповны ЩЕРБАКОВОЙ (1903–1991), музейного работника, краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР, уроженки г. Тулы.
- 110 лет** со дня рождения Людмилы Алексеевны ДЕМИДОВОЙ (1908–1967), театрального художника, члена Союза художников СССР, уроженки г. Тулы.
- 29 **305 лет** со дня рождения Евдокима Никитича ДЕМИДОВА (1713–1782), мануфактуриста, представителя династии тульско-уральских промышленников, уроженца г. Тулы.
- 80 лет** со дня рождения Альберта Анатольевича КОРОТКОВА (1938), художника, члена Союза художников СССР, уроженца г. Тулы.

Август

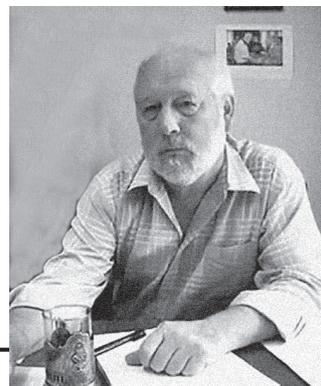
- 2 **290 лет** назад (1728) государственной Берг-коллегией тульскому кузнецу-оружейнику М. П. Мосолову разрешено строить «Водяной железодельный завод» в Московской провинции в Тарусском уезде на речке Мышеге, ныне закрытое акционерное общество «Алексинский завод «Тяжпромарматура».
- 125 лет** со дня рождения Петра Сергеевича АКОЛЬЗИНА (1893–1991), музейного работника, краеведа, создателя и первого директора Богородицкого народного краеведческого музея (впоследствии — государственного), почетного гражданина г. Богородицка.
- 115 лет** со дня рождения Георгия Алексеевича СКРЕБИЦКОГО (1903–1964), писателя, детские и юношеские годы которого прошли в Черском у.
- 3 **135 лет** со дня рождения Матвея Федоровича ШКИРЯТОВА (1883–1945), партийного деятеля, члена РСДРП с 1906 г., члена Тульского военно-революционного комитета и члена Тульского Совета в 1917 г., уроженца д. Вишенки Тульской губ.
- 5 **90 лет** со дня рождения Виктора Михайловича ТУРЛЫЧКИНА (1928), ученого в области геологии, поиска и разведки месторождений полезных ископаемых, кандидата геолого-минералогических наук, почетного разведчика недр, обладателя диплома «Первооткрыватель месторождения», чл.-кор. РАЕН, заведующего отделом геолого-технологических исследований ТулНИГП.
- 6 **125 лет** со дня рождения Александра Викторовича БЕЛЫШЕВА (1893–1974), комиссара крейсера «Аврора», жителя г. Кимовска.
- 7 **170 лет** со дня рождения Владимира Петровича ГЛЕБОВА (1848–1926), общественного деятеля, уроженца г. Тулы. Из дворян Тульской губ. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
- 70 лет** назад (1948) согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР населенный пункт Южный Косогорского р-на получил статус рабочего поселка и стал называться Скуратовский, ныне входит в состав Центрального района г. Тулы.
- 9 **95 лет** со дня рождения Ивана Павловича АЛЕКСЕЕВА (1923–1984), Героя Советского Союза, уроженца д. Каратеевка ныне Воловского р-на.
- 95 лет** со дня рождения Александра Ивановича ГРИГОРЬЕВА (1923), Героя Советского Союза, уроженца с. Богословка ныне Каменского р-на.
- 65 лет** со дня рождения Игоря Николаевича ЮРКИНА (1953), историка, краеведа, литератора, доктора исторических наук, чл.-кор. Академии гуманитарных наук, Русского генеалогического общества (СПб), члена Правления Международного Демидовского Фонда, лауреата премии «За большой вклад в возрождение культуры и нравственности г. Тулы» (1996), Макарьевской премии (2003), ведущего научного сотрудника Института истории и естествознания и техники Российской академии наук, почетного гражданина г. Алексина, уроженца г. Тулы.
- 11 **85 лет** со дня рождения Александры Федоровны МУРАВЬЕВОЙ (1933), музейного работника, краеведа, заведующей научно-экспозиционным отделом музея «Тульский кремль», филиала ГУК ТО «Объединение „Тульский музей изобразительных искусств”».
- 12 **105 лет** со дня рождения Александра Александровича ЕЛЬКИНА (1913–1981), тульского прозаика и поэта, журналиста, члена Союза писателей СССР, участника обороны г. Тулы (1941 г.).
- 105 лет** со дня рождения Александра Александровича КОТОВА (1913–1981), шахматиста, международного гроссмейстера, конструктора, писателя, уроженца г. Тулы.
- 13 **95 лет** со дня рождения Николая Александровича МАЛЕВАНОВА (1923–2007), историка-архивиста, краеведа, автора книг о героях Тульского края, уроженца г. Богородицка. Один из инициаторов и организаторов восстановления парка, заложенного А. Т. Болотовым в г. Богородицке.
- 30 лет** назад (1988) открылся Тульский диагностический центр, ныне Клинико-диагностический центр Тульской областной клинической больницы.
- 14... **105 лет** со дня рождения Ардалиона Николаевича МАЛЫГИНА (1913–1999), партийного и государственного деятеля, генерал-лейтенанта, почетного гражданина г. Тулы, уроженца г. Тулы.
- 15 **95 лет** со дня рождения Алексея Ивановича НОВИКОВА (1923–1991), организатора и первого декана биолого-химического факультета Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого, специалиста в области гистологии и эмбриологии.
- 75 лет** со дня рождения Александра Сергеевича ЯМНИКОВА (1943), ученого в области технологии машиностроения, доктора технических наук, профессора Тульского государственного университета, заслуженного деятеля науки и техники РФ, лауреата премии имени С. И. Мосина (1980), академика Академии естествознания РФ.

- 17 **220 лет** со дня рождения Антона Антоновича ДЕЛЬВИГА (1798–1831), барона, лицейского друга А. С. Пушкина, поэта, издателя. Владел имением в с-це Хитрово (Белино) Чернского у.
- 70 лет** назад (1948) открылся Яснополянский детский дом.
- 19 **120 лет** со дня рождения Геннадия Петровича КОРОТКОВА (1898–1982), генерал-лейтенанта. В годы Великой Отечественной войны в звании полковника командовал 238-й стрелковой дивизией, освобождавшей г. Алексин (1941). Похоронен в Алексине.
- 90 лет** со дня рождения Людмилы Федоровны ТАРАРИНОЙ (1928), ученого в области почвоведения и экологии, доктора биологических наук, профессора Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, чл. Всероссийского общества охраны природы, Всероссийского общества почвоведов.
- 110 лет** со дня рождения Семена Матвеевича СИДОРКОВА (1908–1950), Героя Советского Союза. После войны работал председателем колхоза в Арсеньевском р-не.
- 22 **145 лет** со дня рождения Александра Александровича БОГДАНОВА (наст. фамилия — Малиновский) (1873–1928), врача, экономиста, политического деятеля, ученого-естествоиспытателя, философа. Окончил тульскую гимназию. После ареста в 1894 г. был выслан в Тулу, где руководил рабочими кружками на Тульском оружейном заводе.
- 75 лет** со дня рождения Вячеслава Георгиевича ГРИГОРОВИЧА (1943), ученого в области технологии машиностроения и металлообработки, доктора технических наук, профессора Тульского государственного университета, лауреата премии имени С. И. Мосина (1980).
- 25 **100 лет** со дня рождения Александра Никитовича ГАНИЧЕВА (1918–1983), Героя Социалистического Труда, инженера-конструктора, доктора технических наук, профессора, лауреата Государственной премии (1951, 1976), заместителя генерального директора по научной работе и главного конструктора тульского НПО «Сплав» (1978–1983 гг.), уроженца д. Судаково Ленинского р-на.
- 27 **105 лет** со дня рождения Николая Ивановича АРЧАКОВА (1913–1961), Героя Советского Союза. До войны работал в торговой сети г. Новомосковска.
- 100 лет** со дня рождения Геннадия Дмитриевича ПОТАПЕНКО (1918–1989), Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР, заслуженного шахтера РСФСР. Работал на шахтах Новомосковского р-на.
- 29 **130 лет** со дня рождения Александра Антоновича ФЕДОРОВА (1888–1957), матроса с крейсера «Аврора», впоследствии председателя колхоза в д. Бабурино Щекинского р-на. Долгие годы жил в д. Семеновка Ленинского р-на.
- 85 лет** со дня рождения Валентина Ивановича АБАУЛИНА (1933–1980), спортсмена-шашкиста, гроссмейстера русских шашек. Жил в г. Туле.
- Сентябрь**
- 1 **160 лет** назад (1858) в г. Туле открылся чрезвычайный дворянский съезд по подготовке земельной реформы.
- 145 лет** со дня рождения Михаила Владимировича ГОЛИЦЫНА (1873–1942), князя, уездного предводителя дворянства (1897–1906 гг.), председателя земской управы Епифанского у.
- 105 лет** назад (1913) начала действовать страховая больничная касса рабочих Тульского патронного завода.
- 3 **55 лет** назад (1963) в Туле открылось новое здание цирка на две тысячи мест.
- 7 **150 лет** назад (1868) открылось первое, деревянное, здание железнодорожного вокзала на станции Тула Московско-Курской железной дороги, ныне Московский вокзал. В 1913 г. построено каменное здание. Современный вид здание вокзала приобрело после реконструкции в 1953–1957 гг.
- 105 лет** со дня рождения Акима Георгиевича КОРОЛЕВА (1913–1991), ветерана народного образования, краеведа, уроженца д. Николаевка ныне Кимовского р-на. Один из организаторов Ясногорского районного краеведческого музея.
- 95 лет** со дня рождения Ивана Федоровича РУБЦОВА (1923), Героя Российской Федерации, военного летчика, кандидата технических наук, специалиста по безопасности авиационных и космических полетов, журналиста, литератора, художника, почетного гражданина г. Узловая и Узловского р-на, уроженца д. Воейково Богородицкого у. (ныне в черте г. Узловая).
- 8 **105 лет** со дня рождения Ивана Гавриловича ПРОХОРЯТОВА (1913–1975), полного кавалера ордена Славы, уроженца д. Рублино ныне Одоевского р-на.
- 9 **190 лет** со дня рождения (1828–1910) Льва Николаевича ТОЛСТОГО, великого русского писателя.
- 45 лет** назад (1973) в г. Туле на проспекте Ленина открыт памятник Л. Н. Толстому. Авторы памятника скульптор В. Буякин, архитектор А. Колчин.
- 10 **95 лет** со дня рождения Виктора Александровича ПАСТУХОВА (1923), полного кавалера знака «Шахтерская слава», почетного изобретателя СССР, почетного гражданина г. Тулы и г. Лученец (Чехословакия), уроженца г. Тулы.
- 85 лет** со дня рождения Евгения Васильевича ХРУНОВА (1933–2000), Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР, уроженца д. Пруды ныне Воловского р-на.
- 11 **115 лет** со дня рождения Ивана Федоровича ТРУСОВА (1903–1957), писателя, редактора, уроженца с. Красное ныне Плавского р-на.
- 80 лет** назад (1938) согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР рабочий поселок Узловая получил статус города.
- 13 **190 лет** со дня рождения Федора Григорьевича ГИЛЛЕНШМИДТА (фон Гилленшмидт) (1828–1903), основателя первого в России частного Тульского патронного завода и ряда других предприятий, связанных с патронным производством.
- 140 лет** со дня рождения Михаила Александровича КЕДРОВА (1878–1945), вице-адмирала, участника русско-японской и Первой мировой войн, профессора Высшего технического института (г. Париж). В октябре 1920 г. возглавил белый Русский флот на Черном море. После Гражданской войны жил во Франции, активно участвовал в общественном движении русских эмигрантских организаций.
- 105 лет** со дня рождения Людмилы Георгиевны МОЛЧАНОВОЙ (1913–1988), писательницы, члена Союза писателей СССР. Работала в Тульской обл.
- 14 **125 лет** со дня рождения Ивана Петровича ПРЯХИНА (1893–1970), ученого-лесоведа, уроженца Пушкарской слободы Крапивенского у., ныне Щекинский р-н. Создатель уникального лесопитомника в Воловском р-не, старший научный сотрудник госзаповедника «Тульские засеки», автор книги «Тульские засеки».
- 115 лет** со дня рождения (1903–1984) Сергея Семеновича ПЕТРУХИНА, инженера-механика, профессора Тульского политехнического института, ученого в области конструирования и производства металлорежущих инструментов, заслуженного машиностроителя РСФСР.

- 15 235 лет** со дня рождения Никиты Ивановича БУТЫРСКОГО (1783–1848), критика, поэта, профессора Санкт-Петербургского университета, действительного статского советника, уроженца Епифанского у. Учился в Тульской Духовной семинарии.
- 17 115 лет** со дня рождения Михаила Алексеевича ОСОКИНА (1903–1955), композитора, педагога, преподавателя Музыкальнопедагогического института им. Гнесиных (1949–1960 гг.), заведующего кафедрой истории и теории музыки Московского института культуры (1963–1965 гг.), уроженца г. Крапивны.
- 110 лет** со дня рождения Порфирия Ивановича ЧУСОВА (1908–2003), Героя Социалистического Труда, слесаря-сборщика Тульского машиностроительного завода им. Рябикова (1930–1969 гг.), уроженца г. Тулы.
- 70 лет** со дня рождения Геннадия Витальевича КОВАЛЕВСКОГО (1948–2005), протоиерея, настоятеля Свято-Сергиевского храма г. Тулы, первого проректора Тульской Духовной семинарии.
- 19 110 лет** со дня рождения Константина Степановича СЕДОВА (1908–1943), Героя Советского Союза, уроженца д. Березово ныне Дубенского р-на.
- 105 лет** со дня рождения Ивана Акоповича ТУМАНЯНА (1913–1985), врача-хирурга, организатора здравоохранения, заслуженного врача РСФСР. С 1954 г. по 1973 г. был главным врачом Тульской областной больницы, руководил созданием нового больничного комплекса.
- 20 120 лет** со дня рождения Марка Яковлевича ВЫГОДСКОГО (1898–1965), доктора физико-математических наук, профессора Тульского политехнического института, автора более 30 работ по истории математики, геометрии, учебников и учебных пособий, широко известных в России и за рубежом.
- 95 лет** со дня рождения Александра Ильича КСЕНОФОНТОВА (1923–1979), музейного работника, уроженца г. Епифань. Был директором музея-усадьбы «Ясная Поляна» с 1964 г. по 1970 г. Автор ряда статей и книг о Ясной Поляне.
- 21 100 лет** со дня рождения Дмитрия Александровича МЕДВЕДЕВА (1918–1992), Героя Советского Союза, уроженца г. Узловая.
- 23 215 лет** со дня рождения Валериана Михайловича ГОЛИЦЫНА (1803–1859), декабриста. Жил под полицейским надзором в с. Архангельском-Хованщине Епифанского у.
- 24 180 лет** назад (1838) в г. Туле создан Комитет по устройству города, ведавший отводом мест для построек, общей планировкой и другими вопросами.
- 25 120 лет** назад (1898) открылось Богородицкое сельскохозяйственное училище, впоследствии — совхоз-техникум, ныне Богородицкий совхоз-колледж им. И. А. Стебута.
- 26 160 лет** со дня рождения Михаила Николаевича БЕКЛЕМИШЕВА (1858–1936), генерал-майора, конструктора и командира первой российской боевой подлодки, уроженца с. Божениново Алексинского у.
- 27 75 лет** со дня рождения Валерия Викторовича БЕКЛЕНИЩЕВА (1943), инженера-механика, доктора технических наук, доцента, лауреата премий имени С. И. Мосина и имени Н. Демидова, профессора Тульского государственного университета.
- 65 лет** со дня рождения Владимира Миновича ВОЛГИНА (1953), ученого в области технологии машиностроения и металлообработки, доктора технических наук, доцента Тульского государственного университета, лауреата премий имени С. И. Мосина (1983) и Тульского комсомола (1984).
- 28 110 лет** со дня рождения Ираклия Луарсабовича АНДРОНИКОВА (Андроникашвили) (1908–1990), писателя, литературоведа, мастера устного художественного рассказа, народного артиста СССР. В 1918 г. отец артиста был приглашен читать курс истории философии в Тульский педагогический институт и вся семья переехала на жительство в небольшую деревню под Тулой.
- 95 лет** со дня рождения Льва Яковлевича БРУСТИНА (1923–1998), театрального художника, заслуженного художника РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР (1971). Работал главным художником Тульского драматического театра им. М. Горького, художником-постановщиком в Тульском театре юного зрителя, Сталиногорском (Новомосковском) драмтеатре.
- 29 250 лет** со дня рождения Джона ДЖОНСА (1768–1835), английского мастера, руководившего механическими мастерскими на Тульском оружейном заводе.
- 125 лет** со дня рождения Дмитрия Васильевича РОБУСТОВА (1893–1965), врача-хирурга, организатора здравоохранения, заслуженного врача РСФСР, работавшего в тульской городской больнице им. Н. А. Семашко.
- 75 лет** со дня рождения Бориса Владимировича СУХИНИНА (1943), инженера-механика, ученого в области разработки систем обработки информации и управления, доктора технических наук, профессора Тульского государственного университета, заслуженного деятеля науки и техники РФ, чл.-кор. Академии электротехнических наук РФ, чл. Международной академии информатизации, Академии навигации и управления движением, Академии информатизации образования, директора ТФ ФГУП «КБ машиностроения».
- 30 115 лет** со дня рождения Михаила Андреевича ПАНКОВА (1903–1989), Героя Советского Союза, уроженца с. Нагиши Епифанского у. Тульской губ. (ныне Скопинский р-н Рязанской обл.)
- 20 лет** назад (1998) создан Тульский филиал Интерпола (Международная организация уголовной полиции, штаб-квартира — Лион (Франция)).
- 150 лет** назад (1868) открыто пассажирское движение на Московско-Курской железной дороге, проходившей через г. Тулу.
- 145 лет** назад (1873) вступил в строй действующих Тульский сахарорафинадный завод, ныне открытое акционерное общество «Акционерная фирма „Туласахар“».
- 145 лет** со дня рождения Вячеслава Дмитриевича ЛЯПУНОВА (сент. 1873 (по др. сведениям — 5 (18) сент.) 1905), поэта-самоучки, уроженца с. Страхово Каширского у.
- 110 лет** назад (1908) в Туле открылось музыкальное училище с программой консерватории Императорского русского музыкального общества, ныне Тульский колледж искусств имени А. С. Даргомыжского. Основатель училища — К. В. Сорокин, выпускник Московской консерватории, пианист, дирижер.
- 75 лет** назад (1943) в Туле сформирован Киевско-Житомирский механизированный корпус.

Алексей ЯШИН

Главный редактор ордена Г. Р. Державина Всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор Тульского государственного университета.

СОВЕСТЬ СОЮЗНИКА

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.*

Николай Рубцов

У всех нас в памяти тот скандал в средствах массовой, как сейчас говорят, информации, когда на одном из митингов в Москве героический наш генерал-полковник Альберт Михайлович Макашов в сердцах, не сдержавшись, назвал публично всю ту шушеру, что крутит-вертит страной последнее десятилетие, нехорошо. Понятно, что из 150-миллионного населения России это слово регулярно употребляют в быту, так сказать, миллионов сто сорок пять, но бывший командующий Поволжским военным округом употребил его именно публично! — А это уже не комильфо, не бонтон в демократическом слогане, за что Альберт Михайлович и подвергся вседемократическому остракизму; только депутатская неприкосновенность и остерегла его от судилища или какой иной казни. Недели две эти самые СМИ-ТВ полоскали имя нетактичного генерала, заполняя паузу, случившуюся в общероссийской жизни: как назло, ни тебе аварий с самолетами, лодки подводные не тонут, башня в Останкино стоит прямо, словно на рекламе виагры... Непорядок, да и только.

Уже с подачи криворожего телеведущего и косорылой телекомментаторши совсем было собрались от имени лиц демократической национальности в международный суд в Гааге (это

где наркоту официально разрешено продавать и гомики официально же браки друг с другом регистрируют) телегу на Макашова писать, да тут политический сухостой в стране закончился: самолеты как горох с небес на землю грешную посыпались, чечен за ружье опять взялся, старший брат Билл, тот, что в настоящем Белом доме, не на Краснопресненской, с Моникой непотребно развлекается, что-то на младшего брательника Бориса осерчал... Словом, все ТВ-каналы мигом наполнились бесконечными показами похорон, интервью с героическими боевиками, показом трусиков Моника с дактилоскопическим описанием обнаруженного на них. Про генерала-жидоеда и вовсе забыли; тем только и спасся наш неосторожный трибун (однако следующие думские выборы в демократическом Самаре-городке проиграл).

А мой бывший коллега по инженерным занятиям в НПО «Меткость» Серега Зябликов, пока на экранах телевизоров без конца показывали нарочито искаженное посредством компьютерной графики злобой лицо опального генерала, все порывался отбить Макашову на думский его адрес телеграмму, в которой содержалась бы рекомендация Альберту Михайловичу отвести от себя все нападки, процитировав то ли Бернарда Шоу, а может и остряка Бисмарка: «Есть понятия: еврей, иудей и жид. Еврей — это национальность, иудей — религия, а жид — профессия!»

— Понимаете, — горячился Серега, закусывая в моей и Андреяныча компании бутербродами с сыром дежурные, «после работы»,

сто грамм в забегаловке «У сквера», что рядом с ДК Комбайнового завода, — стоит Макашову процитировать публично эти слова со ссылкой на классика, как эти телехолуи и замолкнут: ведь всем станет понятно, что имел он ввиду не столько евреев, а весь тот интернациональный сброд, что развалил и растащил страну, следуя своей жидовской, то есть воровской профессии!

Надо заметить, что мы с Андреянычем подкапывали после работы на третьем номере трамвая от своей «Меткости» к ДК Комбайнового завода — первой цивильной, городской остановке после окраинного леса, где располагалось наше режимное НПО, а Серега, как человек уже вольной профессии, объездивший, как называл он себя сурово-самокритично, заранее созвонившись с нами, подъезжал из своего дома в Глушанках, что около областной больницы, рейсовым автобусом или трехрублевым «автолайном» — если был еще трезв, либо же на попутной или специально зафрахтованной «тачке» — если уже был под хмельком и в душе его бушевал ухарь-купец.

Так вот, еще какой-либо год-полтора тому назад, встретившись на площадке перед ДК в пятничный послерабочий ранний вечер, мы шли на пепелище, где уже двадцать лет, что работали в «Меткости», отмечали уик-энды: в местную стекляшку — кафе «Рыбное», что располагалось метрах в трехстах от ДК, если идти вдоль сквера по улице имени Сергея Мироновича Кирова. Но полтора года тому назад как-то получилось, что месяцев пять место это мы навещать перестали: кафе-стекляшку закрыли на ремонт. Переместились в более близкую закусную-бутербродную «У сквера». А год назад кто-то из коллег и вовсе ошарашил: «Рыбное» перестроили, стены-окна заложили кирпичом, облицевали и теперь это... баптистская церковь!? В нашей жизни мы уже отвыкли чему-либо удивляться, погоревали и окончательно устроились «У сквера».

Серега горячился, швырял на прилавок буфетчице смятые купюры, среди которых виднелись и «зеленые», разойдясь, требовал с витрины стойки бутылку наилучшего коньяка,

бутербродов с икрой. Понятно, что когда мы покинули гостеприимное заведение, было уже поздно. Серегу мы уложили в остановленную «тачку», а сами сели в «автолайн» до центра. Идея с телеграммой так и не материализовалась. Потом Серега каялся, сволочью себя называл, что-де не помог Альберту Михайловичу (после пятой рюмки).

Меня вся эта история немало повеселила, а вот Николай Андреянович, как уважительно звали заматеревшего инженера молодые специалисты, был человеком, склонным к размышлениям и обобщениям, то есть способным из любой, мало что значащей для обывателя, фразы сделать философский вывод, преломляя эту фразу на конкретных людей и события. Понятно, что озвученный Серегой афоризм Шоу или Бисмарка не остался без рефлектирующего внимания моего коллеги по инженерному труду.

— Стала ведь расхожей фраза: «Нет плохих народов, а есть плохие и хорошие люди в каждом народе», — рассуждал Николай Андреянович как-то под закат лета все в той же компании и в том же уютном заведении «У сквера». — В сущности это так и есть, хотя я вовсе не большой апологет «Хижин дяди Тома» мисс Гарриэт Бичер-Стоу, тем более что мы сейчас узнали: что есть в массе своей негры в Америке. А вот попробуй скажи эту фразу вон тому парню, что со шрамом и с буфетчицей Мариной заигрывает; я его немного со стороны знаю — через общих знакомых, он после первой чеченской войны три месяца в Бурденко лежал... Так он за эти слова мне, хотя и тоже отдаленно знакомому, особенно после выпитой поллитровки, так и бока слегка намять может!

Все дело, ребята, в ситуации. Допустим, при советской власти, наверное, все мы в Прибалтике побывали: командировки там, санаторий в Юрмале, автобусная многодневная экскурсия в Таллин, тогда еще с одним «н» на конце... Разве плохо мы о чухне и лабсдухах говорили? — Вот-вот, совсем неплохо, только какую-то мелочь порой вспоминали: мол, дед, бывший эстонский эсэсовец, глухо проворчит, повстречав компанию подвыпивших туристов

«из России». А национализированный юнец отвернулся и промолчал на вопрос, заданный по-русски... И это все. А сейчас? — Даже в желтой демпрессе подчас прибалтов огульно фашистами назовут! А восстановится (дай-то, бог!) наша власть в Прибалтике — так снова спокойно будем в Юрмалу ездить отдыхать. Все дело в обстоятельствах, а не в народе.

С евреями, коль скоро о них уже десять с лишком лет с утра до вечера талдычит телеящик и каждый номер любой газеты пишет (благо и то, и другое в их руках), дело намного сложнее: они по рукам связаны сиони-стами и практически не вольны в своих действиях. В СССР контроль мирового сионистского кагала за советскими евреями был сведен к минимуму, потому и были нашими друзьями эдики и семены, уважали мы самых мудрых и спокойно-интеллигентных своих соседей абрам-исаичей и михал-соломонычей. Весь наш негатив против них и вовсе укладывался в еврейские анекдоты (которые они сами и сочиняли) и необидное злословие и досаду по поводу их житейской взаимовыручки, которой у нас, русаков, не было и нет. А теперь? Да что говорить... — Николай Андреянович махнул рукой. Серега правильно понял этот жест и разлил по стаканам остаток из принесенной им же коньячной посуды.

Далее захмелевший Николай Андреянович стал выводить туманную теорию о влиянии цивилизации и древности народа на его позитивные качества, которые в этом случае непременно сохраняются, невзирая на любые обстоятельства. В качестве примера он заговорил о джентльменских принципах англичан, а я, загоревшись идеей, тут же напомнил о английском морском офицере, историю которого некогда рассказал нам, то есть мне и Андреянычу, отставной политработник Шулейко. Серега еще раньше слышал этот занимательный рассказ от нас. Только тогда беседа протекала в ностальгическом «Рыбном».

Случилось вспомняемое в самом начале перестройки, будь она не к ночи помянута. Миновал ровно год со дня опубликования знаме-

нитого антиалкогольного указа Меченого. Год этот прошел весело: народ осваивал очереди за талонной водкой, на службе — с поощрения партторгов и прямого начальства — часами наблюдал по телевизорам, установленным прямо в отделах и цехах, словесные битвы демократов с партноменклатурой. Однако организмы, привыкшие к отдохновительному портвешку и пиву после работы, а то и к водочке — идеальному аннигилятору стрессов, так быстро не перестраиваются. Инерция в них большая, а тут и сам ритм подпитки нарушился: раньше та же поллитровая-литровая доза принималась по сто-двести грамм в течение недели-другой, а теперь, отстояв, да еще на морозе или под холодным осенним дождем два-три часа, озлобившись, каждый «организм» глушил возникший в толкучке стресс уже зараз бутылкой, а то и двумя.

Первым непорядок со здоровьем к началу июня отметил Серега, человек отменного здоровья, худощавый, моторный.

— Что-то у меня мотор ни с того ни с сего колотиться под утро начинает? Опять же брюхо тянет, хотя бы и две недели перед этим не пил... Наверное, горбатый консенсус приказал отраву в водяру добавлять, чтобы народ скорее подох, страну китайцами и неграми заселить, а управлять ими из Нью-Йорка и Тель-Авива, — жаловался он в характерной жестковатой манере выпускника славного Московского авиационного института, где учился в одной группе и пил пиво в «Пиночете» с Мишей Задорновым.

Вторым забил тревогу Николай Андреянович: неизвестные ранее миазиты, хондрозные уколы в поясницу стали навещать дотоле здоровый организм уроженца Севера, где человек с рождения закаляется. Я же лицемер — но сочувствовал, про себя предательски хихикая: дескать, меня-то пронесло! Но бог — коллективист в своей сущности и не любит неравенства, потому в конце июня меня стукнуло, да так, что приятели мои не на шутку испугались. А именно: в одно, вовсе не прекрасное, утро проснулся с небольшой, но какой-то туповато-тошнотворной болью в правом боку, без аппетита поел, однако домашним ничего не

сказал и поехал на службу. Но с каждой минутой боль усиливалась, в глазах начало мутиться. Хорошо, автобус имел маршрут мимо нашей поликлиники, с трудом сошел, дотащился, а в регистратуре уже и говорить не мог, только морщился, разевал рыбой рот, тыкал себе в правый бок. Регистраторша что-то сообразила и дала талон к хирургу.

Кабинет хирурга располагался здесь же, на первом этаже, а по раннему времени нихворых бабок, ни хулиганов с легкими переломами у двери не наблюдалось. Молодой хирург был явно с перепоя, но уже успел опохмелиться стопкой медицинского, потому и мысли его текли в одном направлении:

— Вчера пил? Колбасой несвежей не закусывал?

Я все (чистосердечно) отрицал, поэтому эскулап послал на второй этаж сдать анализы крови и мочи.

Из последних сил поднялся, но в «анализаторской» к исцелению еще не приступали, одна пожилая санитарка переставляла соты с мочевыми банками. Увидев мое состояние, она расспросила о недуге, вскрикнула: «Да у тебя, милоч, камень из почки вышел!» — И за руку повела, сама торопясь и сострадавая, в кабинет к урологу, пробила меня через негодующую очередь, доложила врачу о диагнозе. Тот с уважением согласился, мигом вкатил мне укол и велел тотчас идти-ползти в туалет и тужиться на унитазе сколь есть мочи.

Действительно, через пяток минут боль исчезла, моча полилась, навроде как вышибив закупоривающую пробку. «Купировалась», — заулыбался врач, к которому я вошел уже с легким страданием на лице: острая боль прошла, но тупая резь в правом боку еще с месяц отдавала.

— Песочек у тебя, дорогой, вышел. Сегодня сходишь на рентген, все анализы сдашь, вот тебе направления и больничный, а завтра во вторую смену ко мне.

Назавтра врач подтвердил свой диагноз (точнее говоря, диагноз старой санитарки), успокоил: песчинка единичная пока была, но — он заулыбался — процесс пошел, теперь тебе

следует повнимательнее к здоровью своему относиться, диету определенную соблюдать (вот я расписал на листке, возьми), раз в год хорошо на курорт ездить, минералочку пить. Кстати, у нас в области как раз курорт урологического, в числе прочего, профиля есть и очень замечательный. А почему именно сейчас этот «процесс пошел»? — Так, дорогой мой, сорок лет — один из основных критических возрастов человека, все хвори обостряются, предупреждение, так сказать, шлют: смотри, поаккуратней, а то хуже может быть!

— Так что же, теперь мне всю жизнь под дамкловым мечом ходить, приступов ждать?

— Отчего же, ведь не камень, а песочек, это почитай у каждого мужчины бывает. Здесь главное — профилактика, легкое санаторное лечение-поддержка, отвары пить, диета щадящая опять же. Словом, подобрать режим питания и, так сказать, образ жизни — и все будет хорошо, даже и не очень обременительно.

Оптимизм доктора передался и мне, даже пересказал ему гипотезу Сереги относительно нарушения ритма приема винной порции и влияния этого на здоровье. В шутливой форме, конечно. Однако умный доктор в целом идею поддержал:

— Конечно-конечно, с одной стороны, критический сорокалетний возраст, с другой — нарушение регулярности, так сказать, «приема вовнутрь». А отсюда и изменение режима почечной фильтрации, застой мочи и так далее. Больничный я на три дня продлю, еще раз показаться надо и повторно ряд анализов сдать.

Самое интересное, что Николаю Андреевичу тоже посчастливилось попасть к умному врачу, то есть доктору-мужчине, и тот его мизиты-хондрозы точно так же объяснил, как и мой уролог (я с ним потом не раз и не два в «Рыбном» встречался, где он и консультировал меня), а главное — все тот же местный курорт хвалил.

Серега же к врачу не пошел, ибо полагал всех «клистирников» агентами сионизма. Уважал он только тех молодых ребят со «скорой помощи», которые за наличку выводили из

запоя его соседа — сильно пьющего отставного полковника-летчика с иконостасом боевых наград за все локальные войны и конфликты 60-х — 80-х годов. Позднее, когда Серега стал буржум-рантье, эти же «скорые ребята» пользовались и его самого.

Стоял необычно жаркий июль, точнее — его самое начало. Я вернулся на работу после недельного больничного. Вечер не принес прохлады, когда мы сидели в «Рыбном», отмечая мое выздоровление. Мне, как организму с осложнением, взяли два стакана редкостного в наступившие времена, но явно лечебного вермута. «Он с травами, почки стимулирует», — заботился обо мне Андреяныч.

Что делать? Мы с Андреянычем, как имевшие на руках предписания врачей о пользе санаторного лечения, автоматически, согласно конституции, могли рассчитывать на летние путевки в оздоровительные учреждения. Мысли наши все более и более склонялись к тому самому, рекомендованному врачами, курорту.

Мы и раньше о нем слышали, но пугало его какое-то тоскливое название, опять же в глубинке области... Дескать, приедешь, а там деревня деревней, палата на десять человек, на голом месте бараки стоят, скука. Однако опытные женщины, профессиональные больные из отдела, нас разуверили: хорошо там, лес, сразу две реки, добираться просто: сел на автобус — и прямо до ворот за два с половиной часа!

Решились мы с Андреянычем здоровья ради, а Серега грубо отказался.

— Видал я в гробу вашу деревню! Ни баб, ни вина, да еще со всякими процедурами белохалатники заматают. Нет, я как всегда без подруги (так он именовал спутницу жизни) в Сочи махну, сниму там хату, телку с пляжа возьму, буду мотор молодым вином лечить. А вы, мужики, поезжайте, у вас-то дело крупняк, серьезное, потом мне расскажете, может на следующий год все втроем махнем!

На том и порешили, а наутро мы с Андреянычем, получив благословение от начальника сектора и добрые напутствия и практические рекомендации от сослуживцев, двинулись в профком.

Все мои предубеждения относительно «деревни в дыре» снялись сразу после того, как мы с Андреянычем сели в десять утра в комфортабельный автобус на автостанции. Наши жены махали вслед руками, оставаясь в душном городе. Веселое июльское солнце пробивалось сквозь матерчатые шторы на окнах, веселила музыка из чьего-то магнитофона. Немошных и калек в автобусе не наблюдалось; преобладали молодцы нашего возраста, некоторые, видно, знакомые по прошлым поездкам на курорт, подмигивали друг другу и кивками показывали на вторую половину контингента едущих лечиться-оздоравливаться: матерых, молочно-восковой спелости женщин от тридцати до сорока пяти лет, одетых по последней туристической моде, отменно загорелых.

Повеселели и мы, даже откупорили четвертинку из талонных запасов, не привлекая внимания, пригубили за начало отдыха, лечения тож.

Допинг прибавил нам красноречия и уверенности в себе, поэтому, понравившись стреляющей острыми глазками, видной из себя регистраторше, мы получили номер с удобствами на двоих в новом, только что построенном корпусе — самом престижном.

Сам курорт нам понравился, имел он вовсе не провинциальный антураж, народ собрался со всей страны с преобладанием земляков (даже пару-тройку знакомых встретили) и москвичей... Но более всего удивился Николай Андреяныч: возвращаясь с первого же обеда и вставляя ключ в замок своего номера, он заметил боковым зрением, как из соседней двери вышел, по-хозяйски осматриваясь, никто иной, как хорошо ему знакомый отставной полковник Шулейко Борис Никифорович, бывший — в годы войны — сослуживец, точнее говоря, политотдельский начальник, его отца Андреяна Матвеевича, а теперь и почти что сосед; жил он в собственном доме на окраинной улице Севастопольской, а на параллельной улочке, состыкованной с Севастопольской садами-огородами, проживали в собственном же доме родители Николая Андреяновича и младший брат с семьей.

Понятно, что на соседних этих улочках, даже не вода кумовства, все друг друга знали. А Николай Андреянович тем более знал Шулейко по рассказам отца. Раньше они при встречах здоровались.

Борис Никифорович, представительный и ширый хохол в самом начале восьмого десятка, смотрелся в щегольской легкой курортной паре из натурального льна, загорелый, с добрым, снисходительным выражением лица, прямо-таки отдыхающим директором крупного завода, а лет ему на взгляд даже самые опытные женщины более шестидесяти бы не дали. Сами убедились позднее: на вечерних танцах Шулейку с восторгом приветствовали, передавая друг другу от танго к вальсу, матери сорокапятилетние, что называется «кровь с коньяком», красотки.

Отставной черный полковник (как человек флотский, хоть и сухопутный, на службе он носил черный мундир) внимательно пригляделся к новым соседям, оценивая их «вес», а отсюда и дальнейшее поведение свое. Но его выводы опередил Николай Андреянович.

— Добрый день, Борис Никифорович! Рад встретить вас. Мы вот тоже с коллегой решили подлечиться...

— А-а, Николай! — заулыбался добрейший полковник, — да-а-а, вот так встреча. Что-то редко тебя вижу у нас в Криволучье, впрочем, слышал — примаком у жены в центре живешь. Однако, родителей не забывай, почаще заходи! Как там Андреян? Сколько ему сейчас? — Да-да, он же с 17-го, на два года моложе меня, стало быть, семьдесят вот-вот стукнет. Мы-то с ним с 37-го знакомы, Финскую и Отечественную сломали... Ну, я на процедуры, еще побеседуем, а вы устраивайтесь, отдыхайте. Лечиться вам, конечно, еще рано, а профилактику, так сказать, провести оч-чень даже нужно. Ведь какие дела в стране разворачиваются! — Шулейко с восхищением помотал головой, — государству сейчас очень даже потребуются здоровые, умные люди. Перестройка потребует полной самоотдачи...

Шулейко явно вспомнил боевую политотдельскую молодость и возмужалость, но вдох-

новенный его монолог оборвала отчаянно, по-курортному красивая и раскрепощенная дама лет сорока, вышедшая из двери номера напротив нашего:

— Борис Никифорович, — лукаво и нараспев произнесла она волнующим голосом, — мы с вами на озокерит опоздаем!

Отсалютовав нам, бравый полковник шаловливо подхватил красотку под локоток и увлек к выходному холлу этажа.

Несколько дней мы с Андреянычем адаптировались к неспешной курортной жизни, благо до сих пор проводили отпуска семейно на шумном юге, либо в не менее веселых домах отдыха на Оке и Волге. Поскольку же нашлись и отдаленные знакомцы, познакомившие нас со скупающими без дела подругами своих курортных приятельниц, то вторая половина дня (первая — в процедурах, которых нам с коллегой прописали великое множество, а и мы к лечению внимательно отнеслись) протекала весело. Именно поэтому мы очень даже скоро израсходовали «на прописку» весь наш НЗ талонной, привезенной с собой водки, а для дам — захваченную пару бутылочек вина.

Поэтому, когда проснувшись поутру от бившего в глаза восходящего солнца, включив местную трансляцию, мы услышали поздравление диктора с Днем Военно-морского флота, что случается во второй половине июля месяца, то очень даже огорчились. Николай Андреянович, родившийся в семье военного моряка и выросший в геройском городе Полярном — базе Северного флота, даже известную присказку переиначил: «Год не пей, а в день ВМФ укради и выпей!» Я также не сторонний человек боевому нашему флоту: окончил в Ленинграде инженерный институт с военно-морской кафедрой, имел воинское звание (к сорока годам) капитан-лейтенанта запаса, два раза на Балтику на сборы откомандировывался — на минных тральщиках.

Проконсультировавшись у местных бабок, продававших около питьевой минеральной галереи отдыхающим мед и овощную зелень (курорт располагался на территории передового

в области совхоза, руководимого братом нынешнего губернатора), совсем упали духом. Бабки жаловались, что на время посевной-уборочной районные власти даже законную талонную отменили, «а самогон вам, миленькие, никто и не продаст, участковый наш собирается в милицейское училище поступать, выслуживается, потому озверел совсем, с утра до вечера бегаёт, все вынюхивает, даже провокаторов подсылает».

Невеселые пришли мы с процедур, а тут, для пущей тоски, тучи набежали и дождь до ночи зарядил. Вот и валяемся мы на кроватях после ужина, танцы по причине погоды отменены, со злости на литературные темы вялый разговор завели: ведь не пойдешь к знакомым девушкам-дамам в праздник (а День ВМФ и с Ильиным днем совпал) с пустыми руками! Вспомнив о девушках, начитанный от диссидентской литературы Андреяныч зло посмеялся над своей новой знакомой, тоже начитанной. Та утверждала, что по созвучию фамилий она является дальней, но — родственницей живущей в эмиграции в Париже знаменитой поэтессы Ирины Одоевцевой; в самиздате, точнее говоря, в полуслепых «эровских» копиях, только что появилась в стране мемуарная книга поэтессы «На берегах Невы»; заметим, в те годы даже женщины с высшим образованием не пропускали ни одной литературной новинки.

— В столицах, так там с началом перестройки и демократии уже все поголовно, особенно из товарищей евреев, себя потомственными дворянами объявили, — язвительно бурчал Андреяныч, — и наша провинция туда же поперла! Там сахаровская супружница Боннэр себя грузинской княжной нарекла, а наши тоже решили не отставать!

— А что, эта самая парижская Одоевцева тоже не из Одоева, — скаламбурил я.

— Козыряй! Ее подлинное ФИО — Рада Густавовна Генрике. А псевдоним, столь ей полюбившийся, дал знаменитый поэт Николай Гумилев, когда в двадцатом году готовил к печати ее первый сборник стихов «Двор чудес».

— Да-а-а, какая-то эпидемия мимикрии у нас в стране и во все времена. Слушай, а вот зеки как-то умеют чифиром чайным хмельть?

Неизвестно, до чего бы мы договорились, но в дверь раздался внушительный стук, вслед за которым в решительно отворенную дверь вошел сам Борис Никифорович Шулейко с добрейшей улыбкой на широком, отменно загорелом лице.

Мы раскрыли от изумления рты и как-то неосознанно вскочили с досадных кроватей, опустив руки по швам домашних шаровар: Шулейко был одет в летний вариант морской полковничьей формы.

— Почему не веселы, молодцы, — подмигнул бравый вояка и явно заинтересовался моей тельняшкой:

— Во флоте служил?

— Капитан-лейтенант запаса, товарищ полковник, по военной кафедре.

— Тогда тем более — почему грустим? А-а, понятно, — Шулейко снова, но уже хитровато, подмигнул, — перегибает, перегибает наше руководство с антиалкогольной кампанией! Но день-то сегодня святой, поэтому попрошу, товарищи офицеры запаса, проследовать в мою каюту!

В соседней каюте полковник Шулейко проживал один; это вообще был на курорте один из немногих, только-только начавших появляться одноместных номеров, да еще с телевизором и холодильником. Полная роскошь! Не дожидаясь вопросов, Шулейко охотно объяснил, накрывая стол, что-де он теперь уже не руководит режимной службой на механическом заводе, а по рекомендации облвоенкома, бывшего младшего своего сослуживца, назначен начальником областной же детско-юношеской военно-морской школы.

— ...Должно быть знаете? — На Менделеевской, в здании напротив Кремля. Передаю вот опыт службы и жизни подрастающему поколению, воспитываю будущих нахимовых и ушаковых. Так что форму не только лишь ради праздника с собой взял, а это теперь опять моя повседневная одежда...

Стол меж тем уставлялся тарелками с заранее нарезанной колбасой и отменно-розовым салом. Меня хозяин послал в «санотсек» помыть

огурчики-помидорчики, а Андреянычу поручил открыть шпроты и сардины. Под конец сервировки, значительно кивнув нам, достал из холодильника литровую бутылку, наполненную чем-то янтарным.

— Своя, тройной перегонки, на травах и корешках настоенная. Хохол, даже если в кораблекрушение на необитаемый остров попадет, без сала и горилки не останется! Ну-с, за наш праздник, — Шулейко бережно налил по половине стакана, — за наш, теперь уже океанский флот, чтобы ему по семь футов под килем всегда было!

Уютное же получилось застолье! В ярко освещенной комнате (а за окном дождь барабанит, слякоть...), с поместительным холодильником-самобранкой, а как хохотал Шулейко, раскрасневшийся, после второй поменявший летнюю форменку с погонами на тельняшку! Душевная велась и беседа, благо словоохотливый полковник всю историю войны на Севере видел и знал воочию. Николай Андреянович вспомнил-таки о несостоявшемся отцовом ордене Георга.

— Э-э, — оживился Борис Никифорович, — с этими «георгами» одни истории, одна другой чуднее. Андреян вот заслуженный, как-никак «Эдинбург» с золотом затерявшийся обнаружил, не получил, а были и такие, кто получил, а потом отказывался!

— Как так, — изумились мы оба враз.

— А вот так, — Шулейко разлил под рассказ еще по трети стакана, — довелось мне в конце сорок третьего в Полярном присутствовать на одном интересном застолье. Пришел очередной конвой союзников; грузовые транспорты-«либерти» проследовали в Мурманск на разгрузку, а корабли охранения, как то было принято, остались дожидаться транспорты, но уже с апатитовой рудой, для обратного хода в Екатерининской гавани Полярного. Как и положено, организовали в Доме офицеров ужин по высшему разряду, сам командующий на полчаса зашел: наши командиры кораблей, политработники и их капитаны.

Я сидел рядом с кавторангом Лоцилиным, известным на Северном флоте командиром

лодки С-38, а по правую его руку посадили командира британского противолодочного корабля — чина сейчас не припомню — Стивена Доббла. Говорили они меж собой по-английски, я в нем не маракую, но мне потом Федор Тихонович, когда был у нас в политотделе, все пересказал. А разговор у них потому оживленный под конец ужина завязался, что оба командира во время Финской кампании несли дежурство в Баренцевом море. Тебе, Николай, отец, наверное, рассказывал, что Северный флот во время финской полагался действующим, поскольку Финляндия до войны (по декрету Ильича) имела выход к Баренцеву морю — такой коридор между нашей и норвежской границей.

Правда, финны никакого флота на Севере создать не успели, одни пограничные катера, но — враг рядом, наш флот наготове. А теперь — о чем разговаривали Лоцилин и Доббл.

Капитан 3-го ранга Федор Тихонович Лоцилин прибыл на Северный флот с Балтики, где до того служил со времени окончания Ленинградского училища подводного плавания, за месяц с небольшим до начала Финской кампании, а за год до этого получил первое капитанское звание, уже без приставки «лейтенант». Прибыл не ленинградским поездом в Мурманск с чемоданом, как многие его коллеги по будущей службе в Арктике, направляемые в те дни из Кронштадта, Либавы, Севастополя, Владивостока и даже из Каспийской флотилии для спешного укрепления основного флота страны в грядущей войне... Нет, Федор Тихонович, основательный в жизни и хозяйственный мужик, и прибыл прямо в Полярный, в Екатерининскую гавань со всем своим хозяйством, то есть с экипажем и собственно кораблем — новенькой подлодкой С-38, только что сошедшей со стапелей в Гамбурге и переправленной во вновь (первый раз — при царе) обустройстваемую базу КБФ в Либаве. Лодка эта в числе нескольких десятков других была передана СССР Германией в рамках торгового договора-приложения к пакту Молотова-Риббентропа; один из множества мудрых ходов Иосифа Виссарионовича: сам фюрер помог

доукомплектовать боевыми кораблями, в том числе лучшими в то время в мире германскими U-ботами¹, Северный флот.

Тогда же Федор Тихонович получил и второй свой боевой орден, выполнив ответственное и опасное боевое задание, доверенное почти что свежеепеченному кап-три. Дело все в том, что лодку не стали везти, как обычно, по Беломорканалу, а отправили своим ходом вокруг Скандинавии, да еще с западным крюком в сторону Шотландии и все это по театру боевых англо-германских действий. Задачу Лоцилину ставил сам командующий Балтфлотом: по ходу следования вести сбор данных об обстановке, особо интересуясь Флотом Метрополии. Зачем это так понадобилось командованию — Федор Тихонович понял только с началом финской...

Путь был опасен, да и время года штормовое. На дизеле шли только по ночам, а в светлое время суток разъярившееся Северное море захлестывало перископ. Два раза и глубинные бомбы рвались по курсу — ведь не под флагом шли! Только обогнув западную оконечность Норвегии, пошли открыто, без погружений — здесь уже господствовали немцы. Орден дали Лоцилину заслуженно, не забыли и экипаж, который теперь с полным правом в Полярном считали боевым.

С началом войны с Финляндией командование учло опыт Лоцилина в разведдействиях на море, поэтому С-38 редко можно было видеть у пирса Полярного. Объектом внимания, в первую очередь, были финские порты на Баренцевом море. Поскольку же боевых кораблей у противника на севере не было (весь их флот во главе с флагманом-крейсером «Ильмаринен» оставался на Балтике), не хватило финнам средств на второй свой флот, все ушло на линию Маннергейма, — то наблюдение велось, по преимуществу, за английскими кораблями, в свою очередь, постоянно дежурящими у финского берега. Англия на ближайшее время не рассматривалась в качестве возможного союзника, но, всячески поддерживая Финлян-

дию, была готова на любые провокации. Такую диспозицию давало советским морякам командование.

Это уже позже, в Отечественную, расхожим станет понятие «вооруженного нейтралитета» — в применении к Японии, но нынешнее поведение британских кораблей как раз и соответствовало этому понятию. Понятно, что до прямых конфликтов не доходило, но наши лодки у скандинавского финского берега предпочитали ходить на перископной глубине, только дождавшись ночи, убедившись, что в пределах видимости нет кораблей с английским георгиевским флагом, подвсплывали и следовали на недалекие свои базы. Лодка С-38 тож.

Постепенно и дежурившие у финского берега британские надводные корабли (с подлодки было сложнее) становились «знакомцами», а акустики С-38 уже с большей вероятностью различали их характерные шумы. Так было и в тот пополуденный час, когда С-38, завершив свои маневры, собиралась, убрав перископ, отойти от берега миль на пять-десять, всплыть и следовать на траверс Рыбачьего и далее домой, в Полярный. Благо зимний «пополудень» в Арктике уже был самой настоящей ночью.

Однако наступившая темнота, поспешно убранный перископ, а главное — нешуточное волнение на море, позволили прозевать английский противолодочный корабль, относительно небольшое судно, даже не имевшее титульного названия, а только бортовой номер. В советском ВМФ аналогичные корабли относят к классу ниже среднего; по тоннажу и вооружению, конечно. И у англичан это явно был не фрегат. Краснофлотцы такие свои корабли в обиходе зовут «охотниками».

Если здесь, в этой ситуации, и была ошибка командира Лоцилина, то лишь сверхминимальная, ибо предыдущая оперативная обстановка никак не позволяла думать, что обратный курс лодки пересечется с английским кораблем, непонятно почему и зачем вышедшим из небольшого фиорда справа от финского порта; ранее никто не замечал, что этот глухой фиорд, где даже маяка на входе не было, кем-то посещается, кроме как маленькими рыбацкими баркасами — да и то не в зимнее время.

¹ Производное от U-boat — англифицированной версий немецкого слова U-Boot, являющегося в свою очередь сокращением от Unterseeboot, и означающего «подводная лодка»..

Кроме того, сама обстановка была не в пользу лодки С-38: трехбалльное волнение на море слепило перископ (почему его и убрали ввиду ненужности), а для акустиков создавало фон, заглушающий шумы надводного корабля. Наоборот, акустики корабля английского имели возможность обнаружить и запеленговать лодку, хоть и убравшую перископ, но шедшую еще на перископной глубине: здесь и законы физической акустики работали на них. Наконец, даже самый сверхбдительный командир расслабится, выходя из зоны разведки, заранее зная, что здесь только английские надводные корабли, а англичане знают: здесь могут быть только советские лодки, а маньяков-убийц среди командиров тех и других не держали...

Федор Тихонович, расстегнув китель, заполнял вахтенный журнал — на берегу старпом на основе этих записей напишет по установленной форме донесение. Он писал, сверяясь с принесенной штурманом картой; только что он отдал приказ уйти вниз от перископной глубины; то ли интуиция сработала, а может и совпадение обстоятельств случилось, но в тот момент, когда лодка сошла на табельную глубину, принаитованный к полу столик, на котором Лоцилин писал, ошутимо вздрогнул, глухой звук пустой бочки заполнил отсек рубки. За ним раздался второй — громче, а дальше пошла серия взрывов «глубинок» со все усиливающимся стуком по пустой бочке. Однако и последний взрыв, самый близкий, до лодки не дотянул: взрывы (это потом подтвердили акустики) шли на перископной глубине и чуть лево по борту; это их и спасло.

...Еще гремели первые взрывы серии глубинных бомб, а старпом — по кивку капитана — отдал по связи приказ «стоп машина». Лодка по инерции скользила в водах, раскачиваясь от взрывных волн.

— Всплывать, разбираться? — первым нарушил молчанье старпом сразу после последнего взрыва серии: число их хорошо было известно.

Старпом предлагал действовать по инструкции в ситуации ошибочной атаки; другой версии здесь не просчитывалось. Однако чутье,

еще ни разу не подводившее Федора Тихоновича, говорило о другом.

— Замрем. Дальше видно будет.

Капитан шел на свехриск, это было заметно и по выражению лиц старпома, штурмана и залетевшего в рубку вахтенного офицера. Командир молчал, сцепив руки над рабочим столиком.

— Свяжитесь с акустиками.

Вахтенный выскочил из рубки. Время тянулось. Включилась громкоговорящая связь: акустики докладывали, что удалось прослушать ход надводного корабля, делающего маневр, но явно замедляющего ход. Сообразительный акустик работал только на прием. Штурман, не дожидаясь распоряжения капитана, по данным акустиков уже делал расчет.

— На момент нашего и противника останова будем находиться на расстоянии семи-восьми кабельтовых. Противник влево по борту и выдвинут по курсу на два кабельтовых.

Прошло полчаса. Лодка замерла. То же самое акустики свидетельствовали и о корабле. Они же докладывали, что волнение на море несколько утихло, фон заметно уменьшился.

— Наверное, пошел заряд¹, — подтвердил капитан.

Напряженность ожидания (и мольба в душе: пронеси, Господи!) не располагала к оценке случившегося. Пошел второй получас, к концу которого ожила связь от акустиков:

— Товарищ командир! Противник пришел в движение!

— Хорошо. Постарайтесь сориентироваться в его курсе. Доложите.

У всех: капитана, старпома, штурмана и вновь объявившегося вахтенного — на лицах читалось: может пронесло? Действительно, минут через десять акустик по громкой связи доложил, что корабль, набирая ход, удаляется строго по курсу норд-вест-вест, расстояние до него уже превысило полторы мили. Лоцилин задумался на секунду, чему-то махнул рукой и подошел к перископному посту,

¹ Название кратковременных, интенсивных ливневых осадков в виде снега (или снежной крупы) из кучево-дождевых облаков, часто со снежными шквалами».

отдав приказ на подвсплытие. Остальные подтянулись поближе.

Лоцилин осторожно вывел перископ на самую малую высоту, но волны, хотя и намного меньше предбывших, захлестывали оптику. Вывел повыше и еще выше. Действительно, шел заряд, но уже стихал; именно белесая пелена стихающего снегопада, косо сносимая у самой водной поверхности ветром, и позволила рассмотреть в темноте ночи силуэт удаляющегося английского «охотника».

Коротко сообщив обстановку столпившимся за спиной офицерам (тогда говорили — командирам), капитан не отрывался от перископа минут двадцать, даже когда акустики сообщили, что корабль ушел из зоны акустического контакта; он внимательно, по секторам, просматривал морскую поверхность.

Еще с час лодка стояла, повиснув в толще воды, замершая, беззвучная. Лоцилин снова поднял перископ: в окончательно наступившей темноте нигде не виднелось бортовых огней. Акустики вновь доложили об отсутствии ходовых шумов.

Лоцилин отдал команду идти на базу на средней глубине погружения.

...Только выйдя в конце 60-х годов в отставку (последние годы служил в Севастополе командиром учебного отряда подводников), накрепко осев с семьей в родном Краснодаре, открыл Федор Тихонович съехавшимся на его 60-летие однополчанам, тож пенсионерам, среди которых были бывшие старпом и штурман С-38, великую свою тайну:

— А знаете, мужики, — разгоряченный вином и воспоминаниями Федор Тихонович полуобернулся к сидящим справа от него старпому и штурману, — ведь тогда, в сороковом, когда англичане нас едва не потопили, я чуть было весь ход мировой истории в XX веке не повернул?!

— Ну, батя, ты и хватанул, — восхищенно сказал его старший сын, тоже флотский офицер, капитан третьего ранга, прибывший со Средиземноморской эскадры на юбилей отца, каперанга в отставке, кавалера двух орденов Ленина и полного иконостаса других.

А супруга Федора Тихоновича озабоченно посмотрела на батарею коньячных бутылок во главе стола. Кто-то притих в недоумении, а старпом со штурманом переглянулись: похоже, они уже были близки к разгадке странного заявления своего боевого командира.

— Мы вот тогда на базе, в Полярном, в штабе, да в присутствии командующего, не один час ломали головы: что случилось? Почему англичане по нам лупанули? Вроде как никакой логики в их действиях. Провокации им на тот момент тоже были ни к чему... Сошлись же, вы помните, на том, что и курсы наши пересеклись случайно, а бомбы, — вы же все знаете, точнее, помните устройство бомбометателей у наших «охотников»; у англичан — то же самое: бочки-бомбы эти всей серией лежат на помосте наклонном на корме, а слева у низа помоста — рычаг. Рванул его на треть оборота — и все бомбы посыпались. А тут темнота, волнение на море трехбальное, бежал какой-нибудь салага по корме, поскользнулся на обледенелой палубе, инстинктивно схватился за торчащую рукоять — и посыпались родимые!

Нетрудно объяснить и то, почему взрыватели у них были установлены на перископную глубину: это и у нас практиковалось; в походном положении, когда противник не обнаружен, взрыватели и должны быть на такую глубину установлены, ибо статистика боевого опыта гласит, что внезапная встреча с вражеской лодкой наиболее вероятна на перископной ее глубине, а при направленной охоте уже и устанавливается нужная глубина, — объяснял хозяин голосом и интонацией, приобретенными за время командования учебным отрядом в Севастополе.

— ...Вот такой вариант вроде как все объяснял, да и командованию стало спокойнее. Тем более, что потерь нет и все шито-крыто, тихо то есть, без огласки (с нас подписку взяли), ибо конфликты тогда не нужны были ни англичанам, ни нам. А вот во мне какое-то шестое или шестнадцатое чувство говорило — и заговорило сразу после бомбежки — не все так просто, здесь — умысел, что, кстати, как вы знаете, и подтвердилось через несколько лет. Ну, это я вам уже рассказывал.

— Георги́ч, — обратился Ло́щи́лин к старпому, — ты помнишь, что сразу после бомбежки я не стал всплывать? Вот-вот, потому как чувствовал, что глушили нас намеренно. А всплыли — англичанам и деваться бы было некуда: раз начали, так и кончать, причем сразу, пока мы в штаб по радио донесение не отправили. Пару-тройку снарядов из носового орудия, почти в упор — и прощай С-38!

А вот когда подняли перископ, увидел стоящий «охотник», то мысль первая была: на самых малых оборотах двигателя, чтобы ихние акустики не засекали, развернуться для атаки и дать полный залп, веером, на таком расстоянии не промажешь, хоть одна торпеда, да попадет в цель — и «охотник» в щепу! Потом всплыть, подойти и из пушки расстрелять всех, кто остался на плаву: на шлюпках, если успеют спустить, на спасательных кругах и в спасжилетах. Причем мысль эта была не предположительная, но — руководство к действию: если они нас, так и мы их!

Уже готовился отдать команду двигателям и в торпедный отсек, да не покидало сомнение, все более и более довлеющее: если акустики на «охотнике» и не засекут разворот лодки, что тоже сомнительно — ведь там прислушивались к результатам своей атаки, то торпедный залп то точно идентифицируют, тотчас сообразят что к чему и успеют дать радиogramму в свой штаб. Что тогда будет?! То, что меня наши славные особисты к стенке тотчас поставят (англичане оправдаются, дескать, бомбы по халатности салаги-рядового за борт сбuzовали, совпадение, что наша лодка «в нужное время и в нужном месте» оказалась, да еще и приплетут, что мы уже тогда готовились торпедировать их...) — плевать мне было! А вот то, что ты, Георги́ч, остальные офицера и треть команды, как исполнившие приказ сошедшего с ума командира, а лучше — провокатора и тайного агента всех спецслужб мира, включая аргентинскую, за мной последуете... это-то меня только и остановило.

А все же, торпедируй мы англичан — что бы было? Ведь с самого начала финской войны британцы едва сдерживались, чтобы на стороне

Финляндии не выступить: каких-то там голосов в парламенте не хватало. А тут... тут и голоса бы несомненно сыскались, а история совсем по другому раскладу, самому невероятному, пошла. А вы говорите: роль масс в истории решающая, а роль личности — подчиняющаяся!

Капитан британского противолодочного корабля, бортовой номер 207, Стивен Доббл получил в середине дня шифровку из оперативного отдела штаба: зайти в неприметный фиорд (незнакомое название он сверил с картой) справа от финского порта, в районе которого корабль курсировал в дежурном порядке: прослушивал море на предмет появления с целью разведки русских подводных лодок. При пеленгации последних — финских, равно как и любых других субмарин здесь быть не могло — Доббл по инструкции должен был садиться им «на хвост», демаскируя их и тем самым вынуждая всплывать или уходить восвояси в подводном положении. В штабе же полагали, что лодки могли заходить и в тот самый фиорд. Правда, за каким чертом? — Этого штабисты в шифровке не поясняли.

Доббл мысленно выругался, ибо со вчерашнего дня сильно простудился, хотя вроде бы и по привычке к самой в мире дикой погоде зимней Арктики, а потому рассчитывал уже через час-другой спокойно выпить чаю с виски и отоспаться. Мрачно, с хрипом и кашлем, отдал команду, перепоручив штурману сверку с курсом. Более всего Доббл ярился на русских, которые в один присест предали Англию и всю Европу зараз, снюхались с фашистами и напали на беззащитную Суоми. Здесь следует отметить, что жена Доббла по происхождению была полушведкой-полуфиннкой. Далее вроде как и пояснять не требуется: какие чувства обуревали Стивена, молодого еще капитана, но несколько мизантропа по своему характеру, патриота и потомственного военного моряка со времен Трафальгара.

Обследовали скоренько фиорд, где, конечно же, никого не было; последние плавсредства сюда заходили, скорее всего, осенью с селедочными неводами, а военные корабли — во

времена викингов. Отдал команду на обратный путь и приказал коку принести горячего чаю с лимоном. Однако на выходе из фиорда, переключив курс на норд-вест-вест, корабль вошел в зону трехбалльных волнений, а чай оказался вовсе и не горячим, что Доббла опять-таки вывело из себя. Он собрался было вылить свое раздражение на штурмана, но включилась связь с акустиками: те запеленговали ход подводной лодки, шедшей на сближение курсом почти наперерез.

Еще молодой, но достаточно опытный уже капитан тотчас оценил невероятно удобную для атаки тактическую ситуацию, а в памяти всплыло заплаканное, с гримасами лица жены — сразу после прослушанного по радио (он тогда был в отпуске, дома) экстренного сообщения о нападении Советов на Финляндию с воследовавшим жестким комментарием премьер-министра...

— Готовиться к атаке, — приказал он штурману, — скорректируй курс, пусть акустики связь не отключают и постоянно докладывают; минеров на боевой пост, — это уже вахтенному офицеру, зашедшему в рубку.

— Кэп! Но здесь ведь только русские подлодки могут быть?

— Отставить. Выполняй команду, — приказал Доббл вахтенному.

Через четверть часа, когда курсы «охотника» и лодки, шедшей на перископной глубине, совпали, а акустики доложили, что подлодка чуть вправо от киля корабля, капитан дал команду резко вправо руля, а вслед за тем — команду атаки на минный пост, после чего корабль так же резко отклонился влево, уходя от неглубоких разрывов, даже в трехбалльное волнение моря покачавших корпус «охотника».

— Стоп машина! — новая команда Доббла.

Пройдя несколько кабельтовых, корабль остановился. Акустики фиксировали полную тишину, только фон моря, впрочем, уже успокаивающегося; надвигался снежный заряд. Прошло полчаса, на заметно снизившемся фоне никаких сигналов акустики не отмечали. Все было кончено. Лодка не всплыла, как должна была сделать в этой ситуации, остав-

шись на плаву. А если бы всплыла — ничего бы не оставалось как добивать... Капитану стало неуютно. Не глядя на штурмана и вахтенного, Доббл отдал команду идти в порт, а сам, передав корабль старпому, ушел в свою каюту, попросив вахтенного послать к нему кока с чаем. К чаю он выпил стопку виски. Противная простудная ломота несколько притупилась. Вызвал по внутренней связи радиста и продиктовал шифровку в штаб.

Через месяц Стивен Доббл был награжден орденом Георга. Советы о потопленной лодке промолчали. Понятно, что и Адмиралтейство тоже не афишировало подвиг капитана противолодочного корабля бортовой номер 207.

В конце сорок третьего года, пробившись через бурные в декабре Норвежское и Баренцево моря, потеряв от немецких пилотов и ихних же U-ботов четверть судов с грузом и два корабля охранения, очередной конвой PQ¹ прибыл в Мурманск. Грузовые «либерти» стали под разгрузку, а часть кораблей охранения (основная охрана возвращалась в Англию, передав конвой кораблям Северного флота) пришвартовалась у пирсов Полярного.

Был как раз канун католического рождества. Желая сделать приятное союзникам, традиционное застолье в честь прибытия конвоя начштаба распорядился провести в этот же день, а не как обычно, дав командам англичан отдохнуть сутки-другие. О чем и сообщил капитанам прибывших кораблей штабной адъютант, скоренько побывавший с визитом, с неременной стопкой бренди, у капитанов эсминца, двух противолодочных кораблей и вспомогательного корабля-плавбазы. Все офицеры приглашались к 21.00 в Дом командиров флота, а об остальной команде, как пояснял адъютант, позаботится гарнизонное начальство Полярного.

Изображавший букву «П» стол на полторы сотни персон, как обычно, сервировался в фойе ДКФ по соседству с концертным залом, где перед началом ужина гостям показали последние военные кинохроники. Кстати говоря, в этом самом

¹ PQ — арктические конвои времён Второй мировой войны со стратегическими грузами и военной техникой из США, Канады и Великобритании.

ДКФ, но уже называвшемся Домом офицеров флота, до переезда семьи на «большую землю», в Т., отец Николая Андреяновича работал старшим электромонтером, да и сам Андреяныч, учась последние два года в школе, страшаясь конкурса в институт, по вечерам, после школы тоже трудился электриком-осветителем при том же концертно-театральном зале...

Сочли за знак внимания к ним союзники и елку с мигающими гирляндами, что стояла в центре фойе, в проеме той самой буквы «П» банкетного стола; елка по довоенной традиции ставилась за неделю до Нового года. Англичанам эти тонкости не поясняли.

Рассаживанием за столом руководил все тот же шустрый адъютант; не мудрствуя лукаво, он сажал по принципу: два мальчика — две девочки, очевидно, запомнившегося из пионерского детства, то есть — два союзника, затем два наших и так далее. Впрочем, здесь был и толковый расчет: каждый мог одновременно общаться со своим и с чужим, а если учесть, что в пару с нашим боевым командиром адъютант усаживал и политработника, то расклад и вовсе был восхитительным. Правда, боевые наши моряки говорили по-английски, чего не скажешь о политотдельцах, но — очень хорошо вовсе и не хорошо!

Но и на этом забота адъютанта не заканчивалась, он и по характеру общения пары подбирал: своих хорошо знал, союзников оценивал по выражению лица и кратким беседам за рюмкой бренди, когда обегал их корабли с приглашением. Самым мрачным из англичан ему показался капитан Стивен Доббл, командир противолодочного корабля; его он и посадил одесную известного на флоте весельчака кавторанга Федора Тихоновича Лоцилина, командира геройской подлодки С-38, а для поднятия тонаса огорченного чем-то англичанина подсадил к ним еще большего живчика — политотдельского майора Шулейку, который мог и паралитика до хохота довести, и трезвенника упоить до положения риз. Закончив свой вдохновенный труд, адъютант стушевался. Слово для первого тоста взял командующий.

Потом было много тостов хозяев и ответных — гостей. Пили за героических союзников, за доблестный Северный флот, отдельно и стоя — за Сталина и британского монарха. Начальник политуправления флота предложил выпить за скорейшее открытие второго фронта; союзники несколько сконфузились, а мрачный, хотя уже и в сильном подпитии, Доббл что-то проворчал неодобрительное о Черчилле и Рузвельте...

Постепенно общие тосты сошли на нет, языки развязались, разговоры пошли по группам и группкам, Лоцилин все пробовал разговорить откровенно пьяного, не выходящего из мрачного состояния духа Доббла. Шулейко помочь ничем не мог, ибо в школе и политехникуме осваивал немецкий. За два часа застолья только и выяснил Федор Тихонович, что равный ему по званию и годам военной службы английский капитан впервые был с конвоем в СССР, а до этого охотился за германскими лодками в составе Флота Метрополии в северной Атлантике, командовал же новейшим противолодочным кораблем почти крейсерского класса, а до того — небольшим «охотником».

Лоцилин пробовал было разговорить хмурого соседа на морские темы; известно, что моряки о море столь же охотно говорят на берегу, как и рыбаки о рыбалке (в пивной, например). Доббл скупно отвечал, видно по всему было, что в мрачных своих мыслях он где-то далеко, может в семье что? Или наградой какой обошли? Вспомнив о наградах, Федор Тихонович погладил свой иконостас на кителе, где, не считая медалей, присутствовало несколько орденов, которые в первые годы войны довольно скупно давали: от простенькой «звезды» до первого своего ордена Ленина — за потопленные в один выход в море немецкий эсминец и два транспорта крупного тоннажа с военной техникой и живой силой.

Поинтересовался у английского капитана, также имевшего несколько наград, в том числе офицерский орден Георга высокой степени: за что получены? Доббл еще более сник и даже сделал инстинктивный жест рукой, как бы

прикрывая «георга». Зоркий кавторанг это отметил и деликатно переменял тему беседы.

Англичанин временами коротко поглядывал на своего соседа; по всему было видно, что здоровяк и весельчак русский капитан ему нравится. Как будто решившись на что-то, Доббл быстро налил и выпил, не чокаясь, подряд две стопки водки, на секунду-другую задумался и огорошил Лоцилина:

— Сэр, мне очень плохо, мне стыдно. Я вижу, как ваша великая страна и армия почти-что в одиночку противостоит фашистам. Пройдя в составе конвоя Норвежское и Баренцево моря, я был потрясен храбростью ваших моряков и летчиков, которые в буквальном смысле закрывали своими бортами наши транспорты и корабли охранения. Мне невероятно стыдно: ведь этого «георга», — он с ненавистью, скосив вниз глаза, посмотрел на орден, — мне дали за потопление... русской лодки!

Федор Тихонович, поняв что Доббл не шутит, не иносказательно говорит, посерьезнел. Доббл же, развернувшись со стулом к соседу, быстро-быстро, словно опасаясь, что русский капитан гневно сверкнет добрыми своими глазами, встанет и уйдет, стал рассказывать о своей атаке русской подлодки во время финской войны, о тайной гибели последней, о том, что им двигало тогда... а вот теперь они союзники, соединенные пролитой кровью, вместе бьющие страшного и сильного врага. Этот орден жжет ему грудь, душу, кажется, что вот-вот китель обуглится в месте крепления награды...

— Капитан! — перебил его Лоцилин, — но в финскую войну у нас не было потерь в подводном флоте. Это не военно-политическая маскировка; я сам в то время служил в этих местах, лодки все до единой знал, все они и в Отечественную войну вступили целехоньки. А, кстати говоря, капитан, не припомните обстоятельств того инцидента, дату поточнее?

Немного поуспокоившись, но еще не веря словам русского капитана, Доббл подробно, с датами, чуть ли не часами, с названием порта и фиорда, рассказывал о злоключениях про-

тиволодочного корабля бортовой номер 207. Командир же подлодки С-38 внимательно слушал. На лице его попеременно отражалась вся последовательность навязанных воспоминаниями чувств.

— Знаете, капитан, чтобы рассеять ваши последние сомнения и, как говорят у нас, снять грех с души, я вам скажу невероятное по стечению обстоятельств: лодкой, которую вы бомбили, командовал я.

Через месяц от описываемой беседы в банкетном фойе ДКФ города Полярного, уже благополучно — не считая развороченного форштевеня в надводной части от непрямого попадания авиабомбы — вернувшийся с обратным конвоем командир противолодочного корабля Стивен Доббл поутру вошел в здание штаба, хотя его и не вызывали, и вручил дежурному офицеру полотняный конверт с упакованным орденом Георга и пояснительным письмом. На конверте стоял адрес Адмиралтейства с указанием имени первого лорда этого ведомства. Затем зашел в буфет офицерской столовой при штабе, попросил кельнера налить ему стаканчик бренди, улыбнулся, облегченно вздохнул и удивил буфетчика фразой по-русски: «За наших доблестных союзников!»

— Вот так-то, ребята, мы хоть и верным курсом идем, — Шулейко заговорщицки подмигнул собеседникам, — но история не всегда уместается ни в краткий, ни в полный курсы; реальная жизнь то норд-ост-ост дает, а теперь, похоже на то, и к весту склоняется. Помяните слова кадрового политработника!

Ошеломленные услышанным, мы с Николаем Андреяновичем молча следили за правой рукой Бориса Никифоровича с бледной татуировкой морского якоря, разливавшего по последней.

— За наш Флот! Семь футов ему под килем! — громогласно провозгласил Шулейко и, не закусывая, округлым своим баритоном затынул родную североморскую: «...растаял в далеком тумане Рыбачий».

© Алексей Яшин

Яков ШАФРАН

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат ряда литературных премий. Зам. главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», гл. редактор альманаха журнала «Приокские зори» — «Ковчег».

МЫ С КУЛИКОВА ПОЛЯ

* * *

*Мы с Куликова Поля,
С Донским стояли в сечь.
С Пожарским — смерть иль воля!—
Чтоб Родину сберечь.
Мы воины Петровы,
Что шведам дали бой.
Державные основы —
Храни, гордись и строй!
Потемкин и Суворов,
И славный Ушаков
От Керчи до Босфора
Вели нас на врагов.
Из Новой мы России, —
Чтоб с юга нас не взять, —
Которую крепила
Екатерина-Мать.
Мы с Бородинской битвы —
Нашествия племен.
И от штыка с молитвой
Бежал Наполеон.
Мы — там, где Севастополь,
С Брусиловым в прорыв,
Фашистов с марша — в топот,
Их план в снега зарыв,
Под Курском, в Сталинграде,
Армады сокрушив.
В блокадном Ленинграде
Победный зрел мотив.
Мы беды выносили,
Стремя к победам ход.
По вере и по силе
Великий мы народ.*

*Так разве и поныне
Нам не преодолеть
На нас идущи стыни,
На нас идущу мреть?!*

* * *

*Мне мила страна родная:
Веси, села, города.
Их от края и до края
Обойти мечтал всегда,*

*Их красе молиться вечно,
Их душе душой внимать...
Жаль, что время быстротечно,
Жаль... Прости, Отчизна-Мать.*

*Только зорким оком сына
Успеваю замечать,
Что земля почти пустынна:
Пашни-жатвы не видать.*

*Но цветут сады и травы,
И роятся пчелы здесь.
Значит, силы твои здравы,
Значит, вновь воспрянет весь.*

*И стоят в России храмы
В сушу слякоть и мороз,
Словно ей врачует раны
Вездесущ Иисус Христос.*

* * *

Россия неласкова к людям.
Щадить? — Кто б ее пощадил!
Суровости в ней не убудет
В таком напряжении сил.

Россия веками не знала
Покоя от войн и труда.
Но разве она забывала
Детей непутевых когда?

Идущих когда-то по кромке,
Спасавшихся тем ото зла,
Любовью скупой и негромкой
Она берегла, как могла.

Заблудшие души пред Богом
Ответят за все и сполна.
Но мать не прогонит с порога,
Хоть даже сурова она.

Россия неласкова к людям.
Щадить? — Кто б ее пощадил!
Порой и героя забудет.
Но сын разве сердце остудит? —
Ведь Мать больше жизни он любит,
Как даже себя не любил.

* * *

Родники чтобы наши жили
Не печалью окрестных сел,
Мы с тобою должны быть двужильны
Там, куда нас Господь привел.

Чтобы словом, конкретным делом
И молитвою пред алтарем
Возродить нам на свете белом
Или дерево, или дом.

Чтоб поля не смотрели с укором,
Что мы им отслужили помин,
Чтоб везде по родным просторам
Век не видеть нам горьких картин.

И пока не цветут колодцы,
А живую полны водой,
И озера пока не болотца,
Быть земле нашей вновь молодой!

К нашим детям душа вернется,
И нас снова полюбит Бог.
Тот, кто верит, не ошибется —
Родники наши в том залог!

* * *

*24 ноября 2015 года турецким истреби-
телем был сбит российский бомбардиров-
щик Су-24. Катапультировавшийся под-
полковник Олег Пешков был расстрелян
террористами с земли.*

Во вред себе и выгоде во вред.
России — зло, а господам — презент.
И безразлично, что придет вослед.
Безумный шаг? Неумный президент?..

Опасен злобу затаивший враг.
Еще опаснее коварный друг.
Наш самолет — на острие атак:
А вдруг сломается Россия, вдруг?

Турецкий залп — и самолет в огне.
Но катапульта все же шанс на жизнь.
А дальше — «на войне, как на войне»:
Держись, солдат, в борьбе с врагом держись!

Вот там уже виднеется вдали
Позиция своих, сирийский флаг...
Но снова залп, на этот раз с земли —
Коварен злостный и жестокий враг.

Погиб пилот, но в вечности — герой.
Погиб, но в мире стало меньше зла.
Не потому ли над родной страной
В помин его звучат колокола.

* * *

Земля в дыму. Идет война в Донбассе.
 Нацисты вновь на Русь идут ордой.
 Бывает кто-нибудь еще опасней,
 Чем брат предавший,
 больше — не родной?!

Земля в дыму — горят поля и хаты,
 Снаряды рвут на части города!
 Ребята русские, украинцы — солдаты:
 Но кто для славы, кто-то для суда.

Земля в дыму. Тот дым тяжел и горек —
 Цветущий край с трудом я узнаю, —
 Одни несут с собою смерть и горе,
 Другим — свободу отстоять свою.

Земля в дыму! Она века не знала
 Орды опасней, злее и страшней.
 Предавший брат — жесточе нет вандала.
 А мстящий им — нет война слабей!

Земля в дыму, товарищ ополченец,
 И смерть снарядом залетает в дом!
 По-братски рядом русский и чеченец,
 И украинец — кончить сей содом!

БОМБОУБЕЖИЩЕ

День и ночь смешались
 В лампочке под потолком.
 Осень зябко жалась
 В угол в погребе сыром.
 В банках снедь — немного,
 Весь запас семьи большой.
 Детский плач. Тревога.
 Грохот, вой — обстрел дневной.
 Как детей укутать?
 Холод — смерть, и солнце — смерть.
 Жизнь — одна минута.
 Как любовь вместить суметь?
 Жизнь была? Иль снилась?
 Грохот, вой — обстрел ночной.
 Сыщется ли милость
 Для земли моей родной?!

* * *

Три ствола поднимаются ввысь.
 Будто маслом писалась картина:
 У единого корня срослись —
 Значит, дерево это едино.

И руками за руки держась,
 Три сестры хороводят под ними.
 И звучит по округе не джаз
 Из далекого штата Вирджиния,

А поет там большая семья, —
 Хоть кому-то и домом Боруссия, —
 Три сестры: «Ридна мати моя...»,
 После — «Песня моя, Белоруссия».

И потом, под тенистым шатром,
 Стол накрыв разносолами русскими,
 Заведут «Степь да степь кругом...»
 Так, что станут просторы узкими.

Их родства не разъять, как ни злись,
 Как с народами кто что ни делай —
 Только вместе, и только ввысь
 Русь Великая с Малой и Белой!

© Яков ШАФРАН

ГЕННАДИЙ ОПАРИН

В настоящее время руководит Пироговским филиалом Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Лауреат международной премии Санкт-Петербургского Фонда профессионального образования им. Неболсина, дипломант международной Новой Пушкинской премии «За музейный подвиг». Член Тульского отделения Союза журналистов России.

ЛОШАДЬ ДЛЯ ФИННА

Памяти моего тестя Николая Григорьевича, морского пехотинца Великой Отечественной войны, посвящается

Удивительные мы, русские. Изнутри видим себя большущим таким народом, широким и громогласным. Россия. Даже в названии одной «С» нам мало, подавай две и не жмись, а то три просить будем. А ведь можем. И попросить, и потребовать, и даже получить. И не две, а сразу три — «ЭС-ЭС-ЭС» — и ещё одну громкую рычащую «ЭР». Впечатляет? А то! Грозно? Ещё как! Только вот одна интересная вещь... А куда это подевались гласные? Получилось, что все гласные как-то куда-то напрочь были изгнаны согласными. Даже крайняя топоробразная «Р», хоть и рычащая, а на все сто согласная. СССР. На взгляд из сегодня, нам там было молодод, дерзко и временами даже бессовестно уютно. Я служил тогда на Крайнем Севере, в далёком чудесном посёлке Туманном. До самого края материкового Севера мне оставалось всего сорок два с небольшим километра извилистой грунтовой, петляющей вокруг изумрудных сопок и чистых голубых озёр серо-коричневой дороги. Крайний Север тогда был не таким уж крайним (и вообще, на нашей круглой Земле край — это просто метафора). Крайний — тогда он был очень близок к центру. Куда ближе, чем сейчас. Нет, не по расстоянию, а по возможностям. Расстояния нас, живущих в России, никогда не пугали, не останавливали: могу — значит, иду, еду, лечу.

И чем дальше, тем лучше.

Билет на самолёт стоил примерно столько же, сколько и место в купейном вагоне скорого поезда — около шестнадцати рублей (мой рот непроизвольно растягивается в ухмылке при мысли пересчитать это всё на доллары по тогдашнему курсу), и слетать или съездить туда-сюда мог позволить себе даже обычный студент обычного вуза на свою обычную (не повышенную) стипендию в сорок советских рублей. Причём оставив себе на не шикарное, но и не голодное житьё ещё целых восемь небедных рублей до следующей стипендии.

Это я про то, что в гости к нам ехали охотно, особенно молодёжь и особенно летом. Ехали погостить, а заодно, часто даже неосознанно, провести сравнительный анализ быта, коммунальной перспективы, размеров заработной платы и цен, а там, чем чёрт не шутит, может быть, и махнуть «за туманом». Ну, это в основном молодёжь до тридцати пяти. Даже из моей родной Сибири...

Старшие приезжали просто погостить на новом месте, понянчить внуков, если уже завелись, и своими глазами увидеть семейный лад или разлад своих «деток» в их отдельно свитом гнезде. Это женщины... Мужики поднимались с насиженных мест от невозможности дальше «тянуть резину» и держать оборону в переносе поездки, давно запланированной супругой. А ещё, может быть, чтобы сменить обстановку и обрести чуть больше степеней свободы.

В гостях — не дома, в гостях даже самая глумливая над природными мужскими вольностями женщина не каждый раз и не по каждому поводу шикнет на мужа или напрочь запретит первую положенную, вторую необходимую и третью благословленную рюмку. Случалось нередко, что, садясь за прощальный стол, первый тост поднимали по привычке: «С приездом!», а после третьей:

«Ну, перестань ты. Ну чего ты считаешь, пятая или десятая. Не каждый день в гости к дитям ездим, не за углом небось живём, и домой нам не две остановки ехать. Ну, давай! С приездом!»

На третий год моей службы в бригаде морской пехоты ко мне приехала не просто тёща, учитель и классный наставник в одном лице, ко мне приехали тёща с тестем. С многолетним и бессменным отчимом моей одноклассницы и жены.

Почему тещу, за крайне редким исключением, ставят в протоколе визита впереди тестя, а не наоборот? Одну из причин я уже указал выше, это всегдашняя русская, исключительно женская настойчивость в инициировании поездки, а вторая в том, что тёща, приехавшая с инспекторской проверкой, — почти всегда ответственнее, хлопотнее и страшнее подневольно или праздно приехавшего тестя. А ещё потому, что почти каждый тесть в зятях ходит намного дольше зятя и куда лучше зятя знает, что такое тёща.

Как и положено молодому хозяину, я провёл для «ветерана» обзорную экскурсию по полярному гарнизону и показал местные достопримечательности. Потом пренебреженно обозначил границы безопасной отдалённости от дома, маяки, ориентиры и приметы для прокладки обратного курса в случае одиночного плавания.

Тесть Григорич был человек непростой, как всегда молчаливый, временами замкнутый. Он даже на огороде работал без традиционного дачного трёпа, суеты и частых перерывов на «то попить, то покурить», крестьянил от души, на совесть, по собственному разумению, без понуканий и нравочений — просто и продуктивно, допуская тещу только к поливу и сбо-

ру урожая. Он уже давно был на шахтёрской пенсии, но из проходческой бригады уходить не торопился. Съезжать с привычной за много лет «подземной» зарплаты на «стипендию по старости» ему явно не хотелось. Бригада не гнала, начальство не торопило — значит, тесть был ещё при нужном опыте, хорошей силе и, по шахтёрским меркам, трезвой голове.

В свои уже поздние визиты в дом бывшей одноклассницы и бывшей учительницы, в качестве школьного товарища одной и ученика другой, я очень хорошо запомнил Николая Григорьевича, баюкавшего крохотного годовалого внука Саньку, ребёнка тёщиного старшего сына, служившего лейтенантом стройбата где-то в далёкой Монголии. У Саньки приключилась астма, и мама с папой по какой-то причине решили оставить кроху в Союзе, на попечении свекрови и Григорича. Помнится, даже моей девушке приходилось пропускать занятия в московском вузе, когда с племянником, по причине занятости на работе, оставаться было некому.

Григорич тогда с шахтёрской отвагой и какой-то трогательной, почти материнской нежностью и чисто «старшинской» заботливостью укачивал на руках больного, плохо засыпавшего внука, проходя с ним по комнате сотни периметров и диагоналей. Наверное, именно тогда я впервые почувствовал в нём душу, затаившуюся за суровой, далеко не сентиментальной внешностью.

И соловьи... Ещё учась в школе и гуляя с одноклассницей Леночкой по дороге вдоль леса, я очень удивился, услышав о том, что ночью они с мамой и отчимом ходили в лес слушать соловьёв. Внешний вид мужа классной руководительницы никак в моей голове не хотел совмещаться с соловьём, этим крохотным певцом-романтиком.

Звучало забавно...

Поводя приобретённого женитьбой родственника по трём внутренним сегментам девяти пятиэтажных домов Туманного и пройдя по внешнему кругу мимо пожарки, метеостанции, бани и гаражей, я привёл его к гордости своей строительной мысли и хозяйственной

деятельности, утехе моего сибирско-кулацкого самолюбия — к собственноручно построенному на берегу речки Туманки сараю. Это был архитектурный феномен с первым (честное слово, не вру и не преувеличиваю) в посёлке личным погребом для хранения всяких нужных семейных продовольствий, удовольствий и мужских секретов.

Когда я только начинал «стройку века» — а начинал я её с котлована для погреба и обкладки его кирпичом, — местные мужики горячо обсуждали разумность и целесообразность моих не свойственных для этой местности строительных подходов. Одни уверенно и авторитетно заявляли, что я придурок и что погреб мой вместе со всем содержимым промёрзнет насквозь, другие говорили, что я молодец и всё делаю правильно, третьи предлагали не умничать и поглядеть, что из всего этого получится.

Когда картошка, завезённая мной с осени и засыпанная в специально сколоченный деревянный, не касающийся ни пола, ни стен короб, перезимовала без потерь, а банки с соленьями, вареньями и компотами не подумали замёрзнуть и даже летом сохраняли первозданную свежесть и прохладу, все сказали, что именно так они и думали. В общем и целом, мне было чем перед тестем погордиться.

Мой строительный дебют тесть осмотрел основательно, но ни корить, ни хвалить не стал и только одобрителем покачал головой.

Как всегда, первая бутылка закончилась неожиданно и на самом, как всегда, интересном месте.

— А что, она у нас одна, что ли?

— Одна. Я думал...

— Чё-то ты неправильно думал.

— Да завтра с утра на зарядку с ротой...

— Да до завтра ещё сто раз всё выветрится...

Зарядка — это ведь не в забой спускаться.

— Да, это не в забой... У нас тут всё под боком, вы посидите, а я быстренько до магазина добегу. Одна нога...

— Выкать полковнику своему будешь. Я с тобой пойду, иначе ты по молодости ещё одну и возьмёшь.

— А сколько ещё надо?

— Вот я и говорю... Пошли молодого за бутылкой водки, он сдуру одну и принесёт. Нет, я с тобой.

На моё счастье, водка в магазине как раз ещё была, но на «две водки» денег у меня с собою не было.

— Лариса! Какая ты сегодня красивая. Похудела чего-то. Не влюбилась? Почему это не в кого? А я? Ну и что? Выгонит? Вот и я своей говорю: «Брось на дорогу — ведь полчаса не проваляюсь». Лариса, выручай. Запиши до полочки две «Сибирской». Две, потому что вдруг не хватит, а вы закроетесь... Хорошо, не забуду, как только — так сразу. Да. Вот познакомься... Мой любимый тесть. Из Тулы. Почему? Да потому что один единственный, другого пока, слава богу, нет. Поэтому и... Конечно, как отец родной. Прошу тоже любить, а лучше жаловать.

Под хорошую закуску «ещё две» нам оказалось в самый раз.

Потом мне стало не до гостей: наряды, стрельбы днём, стрельбы ночью как днём (а так как день полярный, ночью даже лучше, чем днём), вождения, опять наряды...

Лето. Домой я приходил оглохший и внутри помещения практически ничего не слышавший. Раздевался, мылся, ел, ложился спать. Или раздевался, мылся, ложился...

Или раздевался... Или не раздевался? С тестем и тёщей я виделся эпизодически.

В редкие часы домашней жизни, когда я готовился к наряду, тесть как-то очень внимательно осматривал и даже ощупывал мою форму: парадку с кортиком, п/ш, х/б и особенно танковый летний комбез.

— Достань мне такой.

— Тебе-то зачем?

— Надо. На дачу буду ходить. И обязательно с такой вот эмблемой. Сможешь?

— Обещать не буду, попробую.

— Ага, попробуй.

Как-то раз, стоя в наряде, с разрешения зампотеха я долго водил тестя по парку боевых машин.

— А это что у вас там? Танки?

— Ага. Т-55 МБ. А там дальше — это САУ и самоходные «Ноны».

— А они тоже морская пехота?

— Конечно морская...

— И танкисты?

— А как же. И «реактивщики», и «противотанкисты», и... В общем, все морская пехота.

— А у нас наша была только пехота. Ну, кто, там, с кораблей или с флотских экипажей. А танкисты и, там, артиллеристы — это другая контора.

— А ты где служил, Григорич?

— А где и ты. В «пихоте». В морской...

— А я и не в курсе был.

— Теперь в курсе.

Так я впервые узнал, что тесть мой почти всю Великую Отечественную войну провоял в морской пехоте. Ну надо же... Точно, рыбака рыбака чует издалека. А вот некоторыми подробностями своей военной биографии он поделился только на прощальном «междусобойчике», в сарае, за литром «честного флотского шила». Его мы пили за разговором, по глоточку, до самого «декретного» утра, при незаходящем полярном солнце.

Все рассказы Григорича были про времена невесёлые, но звучали без надрыва, спокойно и временами даже потешно.

— Ты знаешь, я ведь тоже, как ты, сибирский? Только, правда, не знаю, откуда точно. Дядечка какой-то военный подобрал меня на вокзале и отдал в приют. В Омске. Меня и записали как Фоменко, по этому военному. Так что я хохол по случаю. А так всю жизнь «финном» дразнят, за мою белобрысость. Видишь, и голова, и брови — всё белое. Ничего, привык. С самого детдома. А может быть, у меня отец и правда был какой-нибудь пленный финн?

— Дядь Коль, а я и не знал ни про пехоту, ни про детский дом, ни про Сибирь. А насчёт финна... У нас в Сибири всё может быть, и финн запросто может... Как ты здесь теперь правду узнаешь...

— Ну, зато ты теперь, бог даст, много узнаешь чего ещё.

— Тогда расскажи.

— А ты давай это... наливай... А то расскажи ему, на сухую.

— Да пожалуйста. Сколько хочешь.

— Сколько я хочу, у тебя нету.

И он, глотнув, ухнув и нежно поставив на столик солдатскую кружку, вспоминал голодное детдомовское детство, чужие огороды и вороватого завхоза. Рассказывал про красивую хорошую учительку из «гимназисток-декабристок» и про доброго конюха-пьяницу, красного партизана на деревянной ноге.

— Я лошадой люблю. Они получше нас будут. Мне когда руку осколком перебило, командир роты говорит: «Иди, старшина, сам в тыл, в медсанбат. Потихоньку дойдёшь. Мне некого с тобою послать, сам знаешь, каждый человек на вес золота, а ты на своих ногах и при памяти». Ну, я и пошёл. Шёл-шёл, шёл-шёл, а дальше не помню. Видать, крови много потерял, ну и упал без памяти в сугроб. А буран, меня и занесло снегом.

— Ну, и как дальше?

— А дальше... Дальше боеприпасы на передовую везли, ну, лошадь меня и учуяла. Встала как вкопанная и не идёт дальше. Как её ни лупили, а она — ни в какую. Ну, вышли поглядеть, чего она встала, меня и нашли. Откопали — и в госпиталь. А если бы не лошадь, замёрз бы на хрен... Вот такая умная животино. Я с тех пор в сарае всё время чего-нибудь лошадиное держу: уздечку, там, подседёлок, хомут или ещё чего. Всегда хоть что-то, но есть. Вот так. Ну, чё заснул? Наливай.

— Ага. Только ты закусывай давай, а то свалишься — тащи тебя до дому на себе. А потом ещё от тёщи по шапке за тебя получай. Ешь давай.

— Ты сам смотри не свались, салага. Давай кусочек хлеба, а то закуски надо беречь.

— Закуски полный погреб — ешь не хочу. Ты бы лучше водку поберёг.

— Был бы один — поберёг бы, а с тобой не буду. Чем больше я выпью, тем лучше ты перед Ленкою своею будешь выглядеть. Понял?

— Какой ты заботливый, дядь Коль. Дай Бог тебе здоровья и долгих лет жизни.

— Ладно. Бруснички из погреба ещё достань. Ну и этой... как её... оленятины.

— Оленины, дядь Коль.

— Я и говорю. Слушай, раз просил... Приехали мы как-то в Новосибирск за пополнением. Город хороший, и домов каменных много.

И вокзал хороший. С Лениным и со Сталиным. Площадь большая, и народу — тьма. А все из тайги, дикие мужики. Они на лампочку, чтобы потушить, дули. А все здоровенные такие. Целая площадь, плюнуть некуда. Ну, а паровоза ещё никогда не видели, токо пароход. Ну, а он подходит, паровоз, с паром, как положено. Эти чалдоны сибирские выпучили глаза, смотрят. Чё за чудище такое? А я сдуру возьми да крикни, а голос сильный был, старшинский: «А ну, разбежись, мужики! Он щас разворачиваться будет! Подавить может!» Они с испугу как кинутся. Помяли некоторых. Руки кому-то переломали. Человек двадцать рёбра сломали, носы поразбивали, «фонарей» понаставляли. Ну, это уже никто не считал. А на меня сразу показали. Мол, он виноват. Ну, я же не со зла, я же не ожидал, что они людей-то подавят, а всё равно забрали в комендатуру. За хулиганство и беспорядок, а ещё за то, что чуть не сорвал погрузку. Грозились под суд отдать. Я даже сдрейфил. Ну, старший политрук, спасибо, отбил. А то бы мог загреметь вместо фронта на лагерные нары или в «штрафники». Ну, это как кому на роду написано. Пронесло. Спасибо старшему политруку. Дай Бог ему здоровья. Если, конечно, живой. А так...

— Ну ты даёшь, дядь Коль.

— Ну а чего? Что было, то было.

— Да ты просто какой-то хулиганистый и недисциплинированный краснофлотец.

— Не краснофлотец, а главный старшина. Ты не путай божий дар с яичницей. Понял?

— Ну-ну, товарищ главный старшина.

В хлопотах на службе и нарядах «через день на ремень» ежемесячный «День морского пехотинца», то есть день получения денежного довольствия, пришёл неожиданно, как-то приятно и вдруг. Вырезав и отдав начфину талончик из расчётной книжки, я получил заметно прибавившуюся за два с половиной года службы зарплату.

Всё-таки хорошее это дело, «полярки». Наступило время платить по счетам, которых, впрочем, можно было бы и избежать. Водка в эти моменты кажется какой-то блажью и постыдной слабостью. Да, вот уже действительно, берёшь чужие и на время, а отдаёшь свои и на-

всегда. Я не был жмотом и скупердьяем, а вот этот момент отдачи жене на хозяйство не всех полученных денег всегда вызывал внутреннее неудобство и стыд, ощущение хоть и мелкой, но измены. Но тут ничего не поделаешь, за грехи, даже мелкие, всегда приходится платить. Хорошо ещё, когда деньгами.

— Лариса, здравствуй. «Я вам денежку принёс — за квартиру, за январь...» — начал я цитатой из одного казавшегося в детстве очень смешным и известного всему населению Советского Союза фильма. — Я тебе должен за две бутылки «пшеничной». В общем, получи и распишись.

— Нет, Геночка, не за две, а за семь.

— Это как?

— А вот так. Ты просил своего тестя любить и уважать как себя? Просил?

— Ну да. Просил. И что?

— Так вот, он заходил ещё пять раз и получил уважения ровно в количестве пяти бутылок. Три «пшеничных» и две «сибирских».

— Вот ё... Ладно. Всё понял, держи ещё. Большое тебе нечеловеческое спасибо. Сдачи не надо. Пока. Да, и ещё... Ты можешь больше не любить моего тестя. В смысле, конечно, люби и уважай, но водку в долг на меня не записывай. А то мне домой после получки нести будет нечего. Ну, и дай мне одну за наличный расчёт. Спасибо, Лариса, спасибо, красавица. Пока...

Да, молодец Григорич. Ну, что ты скажешь, настоящий морпех. Правду говорят, старый воин — мудрый воин. Вот родственничек.

На следующий день я неожиданно ощутил возникшую между мной и тестем полосу отчуждённости.

— Ты что, дядь Коль, такой смурной? Недоспал? Ты же знаешь, лучше переест, чем недоспать.

— Это ты сказал той рыжей, чтобы мне водку не давала?

— Э-э... Дядь Коль, я ей сказал на меня в долг не писать. А запретить тебе водку продавать — я не имею никакого права. На это у тебя жена есть. Да и вообще, кто я такой, чтобы чего-то запрещать ветерану, орденоносцу да ещё и главному старшине?

— Да иди ты... Чё, не знаешь? Деньги все у Кондратьевны в кошельке. Как я у неё возьму? Да ещё на водку. Стал бы я на тебя в долг писать? Делать мне больше нечего.

— Дядь Коль, ты на меня не обижайся, только мне перед моей тоже как-то неудобно. Она отчёта не спрашивает, но видит, что денег-то я принёс намного меньше. Ну, хочешь, я тебе шила у ГСМщика попрошу? Литр! Чистого! У нас сейчас на ГСМе отличный старлей армянской наружности, фамильности и специально-сти, но по-русски душевный офицер. А главное, не жлоб. Наверное, ещё не научился.

— Да не надо мне никакого твоего спирту... Ну, если хочешь, возьми литрушку. Так, для настроения.

— Добро. Договорились. Да, я тебе комбез танковый офицерский достал. Носи на здоровье. Ага?

Следующая встреча с тестем состоялась у меня только в начале следующего года уже на его территории, но в моем личном отпуске. Отправляясь в очередной выезд на свою вторую родину, в Венёвский район Тульской области, я точно знал, что от пяти до семи дней проведу под батиным «запорожцем». Судьба. Поэтому брал с собой какую-нибудь спецовку и в тот раз привёз комплект только что полученного нового х/б с беретом и матросские юфтевые сапоги с укороченными голенищами.

В главный майский праздничный День Победы «запорожец» по понятным причинам откладывался на потом, и новое х/б с беретом и сапогами наслаждались отпускным бездельем на дне моего чемодана.

Девятое мая. Демонстрация, приготовление праздничного застолья и прочая приятная, но слегка напрягающая суэта. Побритые лица бати и тестя, удушающий запах тройного одеколona и впившиеся глубоко в шею воротники белых нейлоновых сорочек. Праздник.

Тесть мой Николай Григорич очень живенько, без всяких предосторожностей, с хорошим нажимом проходил щёткой по идеально чистому, только что вынутому вместе с плечиками из шкафа пиджаку.

Почему без предосторожностей? А потому что ветераны войны и Вооружённых Сил обычно чистят свои пиджаки очень аккуратно, чтобы по халатности не повредить какую-нибудь очень важную юбилейную медаль. А Григорич?

Григорич наград не носил вообще, даже колодок. А потому чистил идеально чистый пиджак широкими сабельными жёстами. Не для чистоты, для порядку.

— Слышь, дядь Коль! А чего ты награды свои никогда не носишь? Или нечего? А то — «главный старшина, орденoносец»... А ну представь к смотрю!

— Отстань, Гена. Видишь, делом занимаюсь.

— Чего отстань? Если заслужил, носи и гордись.

— Вот заслужишь, тогда сам — носи и гордись. Понял?

— Нет, Григорич, не понял.

— Значит, молодой ещё. Дурак.

— Э... Ты на старших по званию хвост-то не задирай, старшина! А то построю сейчас в три шеренги.

— Построишь?! Строитель.

— Понял, ветеран. Вину осознал. Пойдём, махнём по рюмке, пока стол собирают.

— Вот это правильно. Вроде дурак дураком, а соображаешь.

— Григорич, ты меня не «дурачь». Пользуешься возрастным приоритетом и ветеранскими льготами. А то бы давно уже по загровку отхватил.

— Ладно, пойдём. Меньше болтай, прапорщик.

После двух рюмок залпом и еще трёх беглым огнём мы вышли на лестничную площадку покурить.

Эта лестничная площадка со своим полумраком и каким-то особым запахом сталинских квартир до сих пор вызывает в моём сердце щемящее, испуганно-счастливое чувство с примесью авантюризма, с тех самых школьных лет, когда я дожидался там своей девочки, боясь её мамы-учительницы.

Закурили...

— Слышь, Григорич, а давай тебя на демонстрацию оденем морским пехотинцем. Всё как надо, всё по форме. Только без погон. Прикинь,

всё у нас с тобой в наличии имеется. И право ты имеешь честнее некуда. Давай, Григорич? Сбациаем настоящий парад! Прикинь, как тёща одуреет от одного твоего вида. А?! У меня и берет есть, а краба мы с Володькиной курсантской фуражки снимем. Ну, давай, дядь Коль?!

И тут, благодаря то ли праздничному подъёму, то ли выпитой беглым огнём тётки Валиной самогоновки, Григорич вдруг выдал:

— А чё?! А давай! Сколько той жизни осталось?!

— Во-о! Вот это по-нашему!

И мы пошли в спальню оформляться. В смысле — облачаться в форму, в новое (муха не сидела) х/б.

Форма пришлась тестю в самый раз. Правда, брюки были чуть-чуть длинноваты, но под сапоги это не имело совершенно никакого значения. Тельняшка, штаны с пуговицами по бокам, куртка с карманами — всё сидело просто безупречно. А моя ненаглядная всегда умела так правильно уложить вещи в чемодан, что х/б гладить было совсем не нужно. Несколько складок от продолжительного хранения и непривычка к ношению формы добавляли Григоричу трогательности новобранца.

— Ну вот! Смотришься совсем как новый юбилейный рубль. Давай побрякушки будем цеплять.

Григорич достал коробку с наградами, открыл. И мне стало сразу нестерпимо стыдно за «побрякушки». Орден Красной Звезды, две солдатские «Славы», «Отечественной Войны II степени». Это если не считать медали... А как ты не будешь считать одну за «БЗ» и две «За отвагу»...

— Да... У тебя такой иконостас... Да просто бляха... Ну ты даёшь, дядь Коль!

— Ну, чего есть, того есть. Чужого не держим.

— Ну ты... Ну ты удивил, Григорич! Держи краба!

Развеска героического прошлого заняла немало времени. И вот когда всё было почти симметрично и примерно по уставу раскреплено на груди, тесть вдруг встревоженно спросил:

— Ты значок «Ворошиловский стрелок» не видел?

— Щас посмотрю. Да, есть. А зачем он тебе? Вроде и так красоты и почёта выше крыши.

— Нет, «Ворошиловского» обязательно прицепи, это моя первая награда. Ещё с детдома. Понял?

— А то... Понял, цепляю.

— Вот-вот. Цепляй получше, чтоб не потерялся.

На берет х/б перецепили с курсантской фуражки жениного брата военно-морскую кокарду («краба») и натянули в утирочку на тестеву красную, обрамлённую белым лысину. Готово.

Морпех из Григорича проступил очень отчётливый.

Меня изнутри распирала такая гордость и причастность, как будто всё, что было у него на груди, касалось меня лично и очень непосредственно.

— Ну вот, дядь Коль, хоть на парад, хоть по девкам!

— А чё? Можно и по девкам!

Шторы зашевелились, и из-за них хоть и шутиливо, но заметно обиженно и сердито раздавалось:

— Это кто тут по девкам собрался?

Неожиданно появилась моя тёща, мама Галя, она же мой учитель черчения и рисования, да ещё и классный руководитель. Два храбрых морских пехотинца вдруг как-то разом постыдно вздрогнули и заметно ужались. На несколько секунд мы сделались двумя почти нашкочившими котами. Но это всего на несколько секунд.

— А чё нам, молодым и красивым, по девкам не пойти?!

— Ща-а-ас оба пойдёте! Под трибунал на «губу». Супчики.

Тёща скороговоркой вышла из-за тяжёлых портьер, подняла глаза и остановилась как вкопанная. Было очень заметно, что увиденное на Григориче пробрало и её.

— И откуда у тебя столько? Коль?

— Оттуда. От верблюда.

— А я и не...

— Но вот теперь знай. Давай, налей нам с прапорщиком по рюмке. Нет, по полстакана. Нет, давай по полному. И пойдём на демонстрацию.

И мы пошли. Николая Григорьевича никто из встречных, даже знавших его уже «сто лет», сразу не узнавал.

Через пару шагов, уже сообразив себе, кто это, останавливались и, оглянувшись, продолжали какое-то время стоять, удивлённо глядя нам вслед.

На главной площади посёлка тесть, раскрасневшись и разухабившись, с кем-то наотмашь здоровался, звеня орденами и медалями, с кем-то душевно обнимался, кого-то дружески похлопывал по плечу. И как-то незаметно, по какому-то волшебству, как кот Бегемот в «Мастере и Маргарите», удалялся от нашей семейной компании всё дальше и дальше. Как я ни старался удержать его в визуальном контакте, но, пару раз отвлёкшись на разговоры с роднёй, вскоре совсем потерял из виду.

— Да нет, никуда он не денется. Григорича здесь каждая собака знает, лишь бы не завалился где... Ну и то, приведут, не потеряется — не иголка.

Мама Галя говорила это встревоженно, вроде как уговаривая саму себя и успокаивая нас. И изо всех сил старалась казаться совершенно не встревоженной, ну и даже безразличной.

— Да нет, ничего не будет, придёт. Куда он денется?

И он пришёл. Ночью, в половине второго, уже почти трезвый, средней тяжести похмельный и виноватый, как старый сбжавший с цепи пёс. Я ещё не спал.

— Ты чё не ложишься, полуночник? Не спишь, что ли?

— Дядь Коль, да с тобой здесь спиться можно через пару-тройку дней. Ты где лазил, ветеран морской пехоты? Мне целый день тётке в глаза смотреть было стыдно. Вроде как я сбил тебя с панталыку.

— А кто его знает, где я был? В лесу с ребятами посидели, своих помянули, потом ещё в гараже у кого-то посидели. «Яблочко» под гармошку плясал на площади. Потом? Потом ещё где-то был.

— А я вот по твоей милости целый день в немилости. Это ведь я надоумил тебя форму надеть. Вот и попал в контры, в молчаливые. Ну, что теперь уже...

— Есть у нас ещё по рюмке?

— Да, конечно, есть.

— Тогда наливай. Только Кондратьевну не буди.

— Ты думаешь, она спит?

— А чего, нет?

— А ты бы заснул?

— Я — другое дело. А она...

Потом он снял куртку с наградами и накинул на тельняшку дачную куртку от шахтёрской спецовки.

— Пойдём во дворе посидим, покурим. Ты это, бутылочку-то с собой прихвати, пригодится.

Мы вышли во двор и не спеша прогулялись до выхода на Школьную улицу. Темнота уже начинала плавно редеть, но в свете уличных фонарей всё ещё казалась непроглядной. Молодая листва, освещённая люминесцентным светом, мерцала каким-то нереальным неоновым глянецом. Было очень тепло и теперь уже тихо. Посмотрев направо, потом налево, мы, не сговариваясь, через левое плечо повернулись кругом и так же не спеша (а куда нам теперь торопиться?) пошли во двор, на ставшую мне ещё с тех самых далёких школьных лет безговорочно родной скамейку.

Стаканов мы с собой не брали. А потому глотали прямо из горлышка. Мне не хотелось. Но в хорошей компании, говорят, и уксус пьётся. Тесть выглядел усталым и опустошённым, как заветренное, сморщенное яблоко, забытое кем-то когда-то и теперь сиротливо лежащее на пыльном столе в дачной беседке.

— Ты чё, дядь Коль, перебрал?

— Да ну тебя! Чё тут перебирать. Перебрал...

— Ладно, хлебни глоточек, полегчает.

— А чё не два?

— Да хоть пять. Хоть всю...

— Что я империалист, что ли, в одну харю жрать?

— Тогда не жри... В одну. Как там твои друзья-товарищи, ветераны?

— А чё их осталось? На пальцах посчитать.

— Да ладно... По Молодёжной улице целая колонна шла.

— Да какие это ветераны? «Сорок четвёртого-пятого весны призыва». Ветераны.

— Что, все прямо «сорок пятого весны»?
— Нет, не все. Твой батя да ещё с десяток. Батя твой, дед, он совсем с тридцать девятого в армии, с самого Перемышля с польского отступал по лесам. Вот те, с сорок первого да с сорок второго. Они-то горя хлебнули. А остальные так — салажня, трофейные батальоны.

— Ну, это кому как повезло.

— Это да. Кому что Бог послал.

— А тебе чего послал?

— Мне? Мне... В Сталинграде пополняли, когда нас совсем мало оставалось. Под Курском девять человек от батальона полного состава уцелело. Вот так... Потом белорусские болота. Потом ранило. Хирург — золотой человек, руку не стал пилить, по косточкам собрал. Говорит: «Куда он без руки, да ещё без правой. Одной левой — ширинку и то не сподручно расстегнуть». Долго не срасталась рука-то. А он всё резал и чистил. Теперь глянь... Видишь, насколько правая короче левой. Вот так-то оно. Я после госпиталя решил немного сачкануть и попросился поступать в военное училище — не взяли. Из-за руки не взяли. Зато при училище служить оставили. Так и служил старшиной.

— А потом?

— Потом, не знаю почему, меня перевели в охрану. Наверное, потому что стрелял хорошо. Я с курсантами всегда стрелял. Сколько хочешь патронов бери. Руку набивал. Правую. Она короче, значит, до глаза ближе. Даже с похмела не мазал. Потом на турнике тренировался всеми вечерами. А ещё джиу-джицу меня один дальневосточник научил. Ему не с кем тренироваться было, поэтому и научил.

— И чего ты охранял, дядь Коль?

— Не чего, а кого.

— Ну, и кого?

— К кому тебя бы и близко даже не подпустили. Вот кого. И меня потом тоже близко бы не подпустили.

— Ну чё ты резину тянешь, говори...

— Самого Леонида Ильича Брежнева! — сказал он восторженно, полушёпотом и даже поднял указательный палец правой руки.

— Да ладно, заливаешь!

— А чего мне заливать? Его самого, ну и, конечно, семейство. Всё как положено.

— Ух ты! И ты его прямо вот так, как меня, видел?

— Как тебя. Почти каждый день.

— Ну, и какой он?

— Он, полковник Брежнев, хороший был мужик. Простой такой. Обедать садится — всех зовёт за стол: и секретаря, и охрану. Нас. Ну, это когда жены его не было. Но если жена на месте, и близко не подпустит. Нет, не вредная такая баба. Но себя высоко несла.

— Как знамя?

— Да ну тебя... Наливай.

— А мне некуда тебе наливать, бери да пей. Ну, и чего там дальше?

— Леонид Ильич тогда в Молдавии был первым секретарём ЦК. Мы с ним по всей этой Молдавии покатались.

Где на машинах, где на лошадях. Тогда всё проще было. Пара лошадей, кучер, начальник и мы вдвоём в охране.

— И что, никогда ничего не случилось?

— Ну почему не случилось? Было пару-тройку раз. Нам не привыкать, а он сам — воробей стреляный. Ни разу не струхнул, сразу за пистолет...

— А чего было-то?

— Чего было? Стреляли по нам.

— Не попали?

— Видишь, живой? Значит, не попали. Однажды две пули в сиденье застряли. А ещё раз моему напарнику фуражку с головы сбили. Наверное, так хотели... Было бы надо — так попали. Солдаты лес тогда прочесали под гребёнку.

— И долго ты его охранял?

— Прилично. Пока его заместитель не застрелился.

— Ух ты! А это как?

— А так. У них там чё-то не ладилось. Москва копала и под Брежнева. Может быть, и не просто так копала, дыма-то без огня не бывает... Ехали мы как всегда, сопровождали заместителя в район. Он возле речки говорит: «Ну-ка останови мне здесь. Пройдусь». И пошёл... Ну, мы за ним. А он говорит: «Не ходите за мной. Хочу, — говорит, — один побыть». Наедине с собой, значит. Ну, мы и не пошли. Он к речке спустился. Вдруг слышим — бах! Мы — туда. А он лежит, в голове — дырка... Сбоку.

— И чего?

— А чего ещё? Под суд хотели отдать. Следователь все жилы вытянул. А за что? За то, говорит, что с ним не пошли. А как пойдёшь, если он приказал не ходить? Вот так-то. Он ведь и в уборной мог себя стрелкнуть. На речке оно, правда, как-то больше по-людски. А то в уборной пахнет, да и мухи.

— Ну, и дальше?

— А что дальше? Судить нас не стали, а из охраны поперли.

— И что?

— Поехал с дружкой в Тульскую область шахты строить. Сперва в Липках был, а потом сюда приехали. Здесь квартиры обещали, поэтому и приехал. Общежитие надоело. Пьянки, драки, поножовщина... Только очухался — на смену в шахту... Вот так. А тут женился. Девки... А кличка ещё с детдома осталась — Финн. Это за белобрысость... А может быть, и правда я — финн? А, Ген, похож?

— Финнов с такими красными мордами, наверное, не бывает.

— Бывает, сам видел.

— Ну, значит, ты финн, дядь Коль. Какая хрен разница? Финн — не финн... Допивай её... Пойдём уже спать.

— Ты иди, а я ещё посижу.

— Ну нет. Ты, не дай Бог, опять куда-нибудь попадёшь. Как говорится, или в дерьмо, или в Красную Армию. Вставай, хватит сидеть. Идём, давай.

— Ну, пошли.

— Не «пошли». Посылают сам знаешь куда. А пойдём, как нормальные белые люди.

— Ну, пойдём...

Мы с Григоричем хорошо друг к другу относились — без подмахивания, но с пониманием. Может быть, потому что виделись нечасто? А ещё, может быть, потому что оба из Сибири. Или потому что из морской пехоты?

А страна наша потихоньку дряхлела вместе со своими вождями, силы из неё выветривались, как снег под сильным сырým ветром. Выветривались совесть, гордость за державу, продукты с магазинных полок. Таяли оставшиеся месяцы моей службы. Подходило время решать — служить дальше или уходить в народное хозяйство. В глазах сограждан, благодаря продажным язы-

кам «мелкотравкинских демократов», мы превращались из защитников Родины в ставшее ненужным оружие агрессии или даже просто в нахлебников. Значит, на гражданку...

В крайний военный отпуск мы с женой решились наконец-то вместе посетить мою великую историческую родину, мой «фатерланд», землю обетованную, населённую в чём-то похожими на меня людьми, — Кемеровскую область и Алтайский край.

Долго ехали на поезде мимо сменяющихся за окном удивительных в своём разнообразии пейзажей. Бродили по древнему Барнаулу, смотрели с высокого берега на великую сибирскую реку — Обь. Проехались по Чуйской долине, полюбовались горным Алтаем. Поклонились родине Шукшина — большому сибирскому селу Сростки, поболтались на речных трамвайчиках и даже нашли место, где нас с искренней радостью встретили, пообещали работу и коттеджное жильё с окнами на легендарную Катунь. Место с волшебным названием — совхоз «Усть-Катуньский». Чудо? Волшебство? Да, но...

Ехать в далёкий от Тулы Алтайский край моя любимая тёща и учительница, мама Галя, не могла, да и не хотела. Куда срываться в чужие края? Вот если бы на родную ей «сталинградчину», в Камышин например, — это пожалуйста, там тепло, арбузы, дыни, Волга и родня.

В результате отстаивания каждым из нас личной природной самости я с семейством оказался в крайне-географически-западной Калининградской области.

Но через пару лет под давлением объединённых сил нашей кровной родни с обеих сторон, продав свои полхутора, мы с семейством снова вернулись в Тульскую область.

Только вот за пару недель до нашего возвращения из Восточной Пруссии, из Капустина Яра, вернулся один из старших братьев моей жены — капитан стройбата, попавший под безжалостный каток всеобщего сокращения Вооружённых и невооружённых сил. И поселился временно, до получения заслуженной жилплощади, вместе с мамой Галей и Григоричем.

Твёрдый, оговорённый расчёт перебиться какое-то время в тёщиной с тестем «сталинке» неожиданно лопнул, как самый несерьёзный мыльный пузырь. Мы с семейством, какое-то

время помучив себя и бату, пожил в его квартире, а потом решили, что куда приятнее и полезнее для всех уйти на съёмную. Что-то не ладилось как-то, что-то не ладилось совсем. Работа, слава богу, была, и мы, в конце концов, не бедствовали.

И вдруг, как гром среди ясного неба, известие: Григорич ушёл из дома. Как?! Почему?! Видно, двум хозяевам в одной сталинской квартире жить было некомфортно, как-то совершенно по-сталински.

Мы с Григоричем иногда виделись. Из шахты он ушёл и, получая пенсию, подрабатывал грузчиком в торговом центре. При встречах выглядел он неплохо, бодрился, но от всей его фигуры веяло каким-то давно забытым и плохо скрываемым сиротством.

— Здорово, дядь Коль! Ну, как сам?

— Пстой, я щас внукам конфет принесу.

— Да ладно, дядь Коль, не надо, у них всё есть.

— Это тебе не надо. А им всегда надо. Пстой, тебе говорят.

— Стою.

— Ну, вот и стой.

Через несколько минут он возвращался с упаковкой хороших конфет.

— На. Передай внукам. От меня. Чё ты раньше Серёги не приехал? Эх ты!

— Кто ж знал, что так получится?

— Кто знал, кто знал... Надо было знать. Надо было тебе раньше. Вам надо было с Ленкой раньше. Понял? Да чего теперь... Давай, что ли, по глотку?

— Давай.

— Ну вот. Молодец. А то — не буду, не буду, некогда... Пошли, что ли?

— Не «пошли», а идём. Посылают, дядь Коль, сам знаешь куда.

— Знаю. Уже послали...

— Да ладно тебе.

— Это тебе ладно. А мне... Ну, пойдём, а то, не дай Бог, машина придёт с товаром. Тогда будет ни до чего.

И мы шли с ним за магазин, садились на ящики и «по-быстрому» неторопливо за разговором выпивали бутылочку портвейна. Молдавского. Розового. Ну, или две.

Под плавный сырок «Орбита». То есть вкусно и в меру. Былых задушевных разговоров уже не получалось. Было у меня какое-то смутное, но постоянно щемящее чувство вины перед этим непростым и неласковым, но очень хорошим человеком. За что? Наверное, за то, что я не приехал раньше. А если бы приехал?

Но думать о том, что могло бы быть, если случилось бы, совсем не хотелось, а говорить об этом не хотелось и подавно. Неловко и скромно попрощавшись, я уходил от Григорича, каждый раз с хорошими конфетами для внуков и всё тем же чувством вины.

Потом затлели, вспыхнули и вновь разгорелись кровавые конфликты внутри ещё совсем недавно единой, братской и нерушимой общности. Потом она, эта самая нерушимая общность, вдруг неожиданно развалилась на несколько интернациональных национально-удельных княжеств. В разных местах начали постреливать.

А потом разразилась такая канонада, что и регулярным войскам приходилось туго. Меня снова призвали служить. Только служить я пошёл уже не в морскую пехоту, а в спасательную бригаду МЧС командиром «собачьего взвода», то есть кинологического подразделения, предназначенного для поиска взрывчатых веществ и людей, от них пострадавших.

Мы с семейством получили служебную квартиру и переехали жить за сто двадцать километров от всех вместе взятых родственников. Вскоре моя любимая учительница и тёща тоже ушла из дома, сняв квартиру у своих хороших знакомых. Видимо, и двум хозяйкам в одной «сталинке» существовать стало невозможно. На съёмной квартире у мамы Гали было тепло, уютно и чисто, как в хорошо ухоженной советской гостинице среднего пошиба. Половички-скатёрочки, коврики-салфеточки... и плохо, но тщательно скрываемая грусть в глазах мудрой и доброй учительницы.

Вскоре сокращённый из строительных войск (надо же было придумать такое сочетание) женин брат получил положенную по закону квартиру в районном центре и через некоторое время, освободив тёщину «сталинку», переехал со всем семейством. Мама Галя вернулась в свой исконно родной дом. И всё, казалось бы,

пошло по заведённому годами порядку... Но Григорича здесь уже больше никогда не было. Дом осиротел, и только в праздничные дни по-старинному гомонился набивавшимися под самую завязку родными людьми. И те вскоре разлетались по своим гнёздам, оставив пустоту — в пространстве стен и душе отзывчивой на общественное житьё хозяйки, душа которой нуждалась в каждодневной заботе о ком-то из близких людей. Вот бы...

Прошло ещё немного времени, и произошло новое необъяснимое «с дальнего налёта» событие: тётчин старший сын, сокращённый когда-то из «войск» и получивший в древнем городе Венёве завидное жильё и, казалось бы, устроенный семейный быт, вдруг ушёл из дома и поселился в своём рабочем кабинете. Похоже, такой исход становился «железным» несгибаемым правилом, и, похоже, пока без исключений. Я с пониманием в который раз вспомнил тестя...

В несчастые приезды я ещё иногда встречал Григорича. Выглядел он, несмотря на то что через силу бодрился, с каждым разом всё неухоженнее и неухоженнее, но дорогие конфеты внукам передавал непреклонно. А потом он ушёл из магазина.

Какое-то время мы с тестем не виделись, и мне его почему-то не хватало. Может быть, потому что из Сибири? Или из морской пехоты?

Как-то раз я решил зайти в его новое жилище. Узнал, где живёт. Пришёл. Позвонил. Открыла какая-то неопрятная женщина со слегка безумными глазами.

— А Николая Григорьевича можно увидеть?

— А зачем?

— Родственник я.

— Чей?

— Муж Лены.

— У Лены другой муж.

— А я другой Лены.

— Какой?

— Говорю же — другой!

— А... Сейчас.

И дверь закрылась. Минут через десять вышел обрюзгший старик. Григорич... Долго смотрел на меня...

И не узнавал. Он был совсем не похож на себя и, наверное, уже мало кого мог вспомнить, замкнувшись навсегда в своём с детства сиротском одиночестве. Как позже рассказала мне мама Галя, за полгода до этого один очень злой человек ударил дядю Колю по голове чем-то очень-очень тяжёлым. Свидетели были, но показания давать отказались из-за боязни связываться с этим жестоким даже к близким людям человеком. Мне очень хотелось вмешаться. Но злоумышленником оказался человек тоже уже достаточно преклонных лет. Только не воевавший. По «брони».

А ещё через год я задним числом узнал, что моего, так и не ставшего бывшим, тестя схоронили.

Да, круг его яркой, временами непутёвой и бессрочно детдомовской, скрытой за молчаливостью жизни замкнулся тем, с чего и начался, — внутренним одиночеством, от которого избавиться человека могут только по-настоящему близкие и любящие люди. К сожалению, рядом с ним их не оказалось.

Его уже давно нет. Главного старшины морской пехоты Великой Войны, бывшего телохранителя «Великого Генсека», детдомовца, до конца жизни так и не ставшего по-настоящему взрослым. Во мне продолжает жить чувство вины, моей вины перед этим непростым, неласковым, неоткрытым, но очень ранимым и добрым не напоказ человеком, совсем немного приоткрывшим мне свою душу. Вспоминая Григорича, я до сих пор чувствую себя существом менее достойным, чем та спасшая его когда-то фронтовая лошадь.

Р. С. Великий мы народ, русские. Великий и широкий. Только случается, что за своей величиной и широтой забываем о самом главном — о простой человечности, о необходимости понять и поднять свой «глас несогласья» перед несправедливостью. Оставляем всё на Высший суд. Может быть, это от тяжёлой недоброй судьбы, выпавшей на нашу долю? А может быть, судьба у нас такая оттого, что такие мы? А?..

© Геннадий ОПАРИН

Олег ХАФИЗОВ

Научный сотрудник музея-заповедника «Куликово поле». Живет в Туле. Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Москва», других российских и зарубежных изданиях. Автор множества сценариев документальных фильмов на военно-исторические темы и четырех книг, в том числе дилогии о Ф. И. Толстом-Американце «Дикий американец», «Дуэлист». Рассказ «Колонна Брюллова» входит в серию «Однажды в Евразии», объединенную образом Куликова поля.

КОЛОННА БРЮЛЛОВА

*Время обнимать, и время уклоняться
от объятий...*

Екклесиаст

В конце XX века у нашего городка появился немецкий город-побратим — маленький, но с очень длинным двойным названием, которое я сначала не мог запомнить, а потом забыть, хотя этот город с нами разбрался. Оттуда к нам на день города приезжал духовой оркестр — такой нарядный, толстый и старательный, какой только может быть в кукольном немецком городке. Затем в нашем музее открылась выставка их картинной галереи. И, наконец, прибыла делегация ветеранов Второй Мировой войны, для того, чтобы обустроить и освятить участок старого городского кладбища, называемый «немецким».

Заброшенное «немецкое» кладбище было местом наших приключенческих вылазок в детстве и романтических прогулок — в юности. Позднее я узнал, что оно было, в сущности, не немецкое, а католическое. Здесь хоронили, в основном, горожан польского происхождения, а во время Первой Мировой — военнопленных австрийской армии. В Отечественную войну и после нее здесь, вероятно, тоже погребали не только (и не столько) немецких солдат, убитых в боях за наш город, сколько военнопленных из окрестных лагерей. Как следует из надписей на надгробных плитах, в большинстве это были венгры, перемершие, словно от эпидемии, в конце сороковых годов.

Я работал в городской газете и пришел на кладбище, чтобы осветить это мероприятие.

Могилки к этому времени были прополоты, холмики поправлены и украшены деревянными крестами, между ними проложены дорожки. На табличке по-немецки и по-русски значилось, что здесь похоронены военнослужащие германской армии 1941—1945 годов. Немецкие ветераны и их близкие приехали на двухэтажном туристическом автобусе с зеркальными стеклами и пошли через мемориал советского Безымянного солдата, который ремонтировали к празднику. Один ветеран был калека, но другие выглядели бодро в своих стерильных белых панамах, шортах и носках.

Немцы возложили цветы на наши и немецкие могилы. Пастор в обычном темном костюме, с белым стоячим воротничком, произнес речь и прочитал по-немецки «Отче наш». Кто-то всплакнул. После минуты молчания мы отправились назад к автобусу, и я стал приглядывать себе собеседника для интервью.

На одного из немцев невозможно было не обратить внимания. Он был на голову выше меня — под два метра ростом, прямой и спортивный. Личико у него было востренькое, румяное, с ярко-голубыми глазами — жизнерадостными и, как бы это сказать, рьяными. Весь его вид как бы приглашал: давай, поговори со мною, я только этого и жду. Так, наверное, выглядел Тур Хейердал. По возрасту он, однако, казался ровесником моего отца, которому не хватило одного года для участия в последнем военном призыве, и я усомнился, что он мог воевать под Москвой.

Я обратился к нему по-английски, и он, как любой немец, отчетливо говорил на этом языке. Звали его Вольфганг. Он был директором картинной галереи, искусствоведем, специалистом по древнерусскому искусству, автором научных трудов по русской иконописи.

— Я свободно читаю по-русски и понимаю большую часть слов, но не решаюсь говорить, — рассказывал Вольфганг. — С экспедициями я объездил все монастыри русского Севера и, простите мою нескромность, знаю о древнерусском искусстве побольше некоторых русских коллег. И вообще — я большой русофил.

Глядя на баскетбольную фигуру этого русофила, я подумал, что он мог в былые годы положить немало наших отцов. И, наконец, спросил:

— Вы выглядите молодо. А вы тоже принимали участие...

— О да, — отвечал Вольфганг с меньшим оживлением. — В сорок первом я был лейтенантом саперного батальона. Мы находились неподалеку от того места, где происходило знаменитое сражение с татарами в Средние века.

— Roboishche? — подсказал я.

— Oh, yes, the Roboishche! — обрадовался немец. — Если вы зайдете в мой номер, то я покажу вам кое-что ин тересное, имеющее отношение к тем событиям, и расскажу любопытную историю, которая со мной произошла.

Мы сели рядом в автобусе, и я, по пути в гостиницу, показывал ему достопримечательности, избегая при этом военных тем, хотя, применительно к нашему оружейному городу, это затруднительно — не твердить же без конца, что здесь жил Лев Николаевич Толстой?

Мы поднялись в номер. Вольфганг достал из шкафа большую папку, проложенную листами кальки, в каких хранят рисунки, и положил передо мною на стол. Печально вздохнув и пробормотав что-то по-немецки, он раскрыл папку и начал передавать мне одну за другой акварели, выполненные с отменным вкусом и изяществом. На акварелях были изображены русские церкви в разное время года. На некоторых не было крестов или куполов, фундаменты заросли бурьяном, сквозь бреши в стенах виднелось небо, на крышах росли кривые деревца — и от

этого они выглядели еще печальнее, еще милей в окружении скромного русского пейзажа. Листы акварелей пожелтели и были местами подмочены, но краски сохранили всю первоначальную свежесть и воздушность, так что у меня, что называется, глаза на лоб полезли при виде даты в их нижнем углу: 1941.

Впрочем, среди рисунков попадались не только храмы, но и руины городов, и немецкие солдаты на марше в грязных белых масках-халатах, заросшие и веселые, и тела русских артиллеристов, разбросанные перед изуродованным орудием.

— Это ваши работы? — спросил я от удивления по-русски, и Вольфганг, как ни в чем не бывало, отвечал на английском:

— О. да. Я возил в своей машине маленький этюдник и, при возможности, писал виды старинных русских церквей в тех местах, которые мы... оккупировали. Я также собирал в заброшенных храмах и домах иконы, которые казались мне наиболее древними и ценными в художественном отношении, чтобы с оказией переправить их домой, но все они сгорели вместе с моей квартирой при отступлении. Должен с сожалением заметить, что, в большинстве случаев, не мы привели все эти церкви в такой плачевный вид...

— Это мы знаем, — отвечал я.

— Ах, вот, я уже боялся, что не взял его с собой, — воскликнул Вольфганг, бережно доставая из папки рисунок знаменитого чугунного монумента в честь великого московского князя, ставшего, так сказать, одной из визитных карточек нашей страны.

— Вы и здесь побывали? Я читал в детстве, что нога немецкого оккупанта не ступала по священному полю.

— Как видите, ступала — совсем недолго, — печально отвечал Вольфганг. — И об этом я хотел вам рассказать.

Мы беседовали больше часа, и я записал наш разговор на кассету. Однако в газете было слишком мало места для такой длинной истории. И вот, спустя много лет, я восстановил ее по памяти, что-то дополнил из других источников, а что-то и присочинил, как положено писателю.

— В юности я был долговязый, нескладный, в очках, — рассказывал Вольфганг. — За глаза солдаты называли меня «студентом», ворчали, что я занимаю место в машине своими «дровами» — то есть, иконами, и удивлялись, как можно использовать драгоценные минуты отдыха на рисование каких-то развалин, вместо того, чтобы перекусить, подремать или перекинуться в карты, как все.

Впрочем, сослуживцы, пожалуй, и гордились тем, что в их части служит настоящий художник, который учился в академии, как гордятся солдаты и заключенные, когда в их сообщество попадает профессиональный, хотя бы и не очень известный футболист, музыкант или актер. Они сами выискивали для молодого командира подходящую натуру и тщательно оберегали его покой во время сеансов живописи. И горе было тому невеже, который бы нарушил этот ритуал пустыми приставаниями. Оригинальное увлечение Вольфганга было известно по всей дивизии и не было тайной для командира батальона, которого мой собеседник называл на русский манер "kombat".

— Однажды в декабре комбат вызвал меня и поручил задание «по благу», как выражаются русские, — рассказывал он.

— Это от немецкого «das blatt» — просьба на листочке бумаги, — возразил я.

— Мне и в голову это не приходило: век живи — век учись! — удивился Вольфганг. — Как видите, у наших народов много общего.

Итак, от местных жителей комбат узнал, что километрах в двадцати от поселка, который они занимали, находится древний храм. От храма к холму, на котором установлен памятник, якобы ведет подземный ход, в котором русские укрывались от татар во время нашествия Чингисхана, или татары спасались от русских во времена Ивана Грозного — черт их разберет. Вольфгангу надлежало обнаружить этот подземный ход, если он действительно существует, и выяснить его пригодность для военных целей. Если подземелье для этих целей непригодно, его следует взорвать или засыпать. Мы не татары, от нас не спрячешься. Если позволяет расположение, в храме оборудовать долговременную огневую точку для контроля дороги и соседней деревни. Ах, да, памятник взорвать.

— Взорвать памятник? — переспросил Вольфганг.

— Памятник представляет собой тридцатиметровую металлическую колонну и служит прекрасным ориентиром для артиллерии, — отвечал комбат. — А, кроме того, ценность вашего рисунка на аукционе после этого значительно повысится.

— Вам поручили взорвать исторический памятник! — воскликнул я.

— А что вас удивляет? — возразил Вольфганг. — Любой военный начальник поступил бы так же. При помощи такого ориентира можно было держать под обстрелом дорогу и деревню. Я же интересовался не колоннами, а храмами, и с энтузиазмом отправился на задание, чтобы пополнить мою коллекцию экзотических видов.

Погода была морозная, но солнечная. Снег сверкал так ярко, что я, помнится, прикрепил на очки темные фильтры в виде таких крышечек. Было градусов двадцать по Цельсию, но я отлично утеплился и нисколько не мерз. Как это говорят у вас в Сибири: мерзнет не тот, кому холодно, а тот, кто плохо одет? На мне были белые валенки с калошами, рукавицы, овчинный полушубок и шапка-ушанка. Словом, я выглядел не как офицер вермахта, а, скорее, как mouzhiк из колхоза. Мороз мне даже нравился, а миллионы алмазных пылинок так сверкали и переливались в воздухе, что дух захватывало от красоты.

Небольшая немецкая колонна обгоняла табор беженцев: сани, набитые узлами, поверх которых сидели дети, старый дед, ведущий под уздцы такого же старого коня, и несколько баб, закутанных и замотанных настолько, что невозможно было различить их возраст и внешность. Последней тащилась женщина городского вида — в пальто и шляпке. Женщина везла за собою на санках девочку лет четырех. При виде немецких машин беженцы пугливо посторонились и замерли, как вкопанные. Вдруг Вольфганг попросил шофера притормозить и выпрыгнул в сугроб.

Как художник, он не раз замечал у некоторых русских детей такие типы лиц — несомненно европейские и даже, так сказать, арийские, — какие можно увидеть на сусаль-

ных рождественских открытках. Но, если на открытках они кажутся несколько вычурными, слащавыми, то в жизни, среди грубости войны, такая красота была поразительна. У белокурой девочки, которую везла за собою дама в шляпке, были такие огромные, скорбные, иконописные глаза, что Вольфгангу захотелось сделать ей что-нибудь приятное. Он полез по хрустящим сугробам навстречу девочке, путаясь в полах своего тулупа, люди шарахались от него, как от зачумленного, и проваливались в кювет, старик снял шапку.

— Мне и в голову не приходило, что, возможно, в их глазах мы выгядим вовсе не так привлекательно, как в своих собственных, — признавался Вольфганг. — Наконец, смешав весь строй этих несчастных и перепугав их до полусмерти, я добрался до прекрасной девочки и подарил ей шоколадку. А после того, как я таким же образом, мешая всем, вернулся к машине и забирался в кабину, я услышал детский плач. Как только я отошел на достаточное расстояние, мать отняла у девочки шоколадку и выбросила в снег.

— Может, она думала, что вы дали яд? — предположил я.

Вольфганг набрал воздуха, чтобы ответить на мою реплику, но нахмурился и ничего не сказал. После минутного молчания он продолжал.

Храм показался ему невероятно древним. Именно такие простые, грубые храмы с мощными башнями и узкими окнами-бойницами должны были, по его мнению, строить в жестокие времена монгольского нашествия. Каково же было его удивление, когда он узнал, что на самом деле эта церковь была построена в двадцатом веке, а освящена уже в 1918-м году, после прихода к власти большевиков. Притом автором ее проекта был тот самый архитектор, который строил мавзолей Ленина в Москве.

Как все храмы, какие ему довелось рисовать с начала кампании, этот был запущен, загажен и местами разобран, но, поскольку он находился в отдалении от населенных пунктов, то его, по крайней мере, не использовали в качестве склада. Зато в военном отношении он представлял собою идеальную придорожную крепость — этакий огромный каменный танк

с двумя башнями, амбразурами и стенами такой толщины, что их можно было разнести только прямым попаданием тяжелого снаряда.

Вольфганг осмотрел помещение и набросал его план. Он распорядился устроить жилье в алтаре, отделенном от главного зала ширмой с дверцами. Железные ворота храма необходимо было снять или выломать, чтобы в дверном проеме установить орудие. Чугунные решетки на окнах — срезать автогеном, чтобы вести огонь из ручного оружия и пулеметов во всех направлениях. На звоннице устроить наблюдательный пункт.

Солдаты приступили к работе, когда унтер-офицер доставил из деревни «языка» — местного попа. Это был дородный млажавый мужчина с длинными волосами и бородкой, в обычном суконном пальто с меховым воротником и барашковой шапке корабликом. Он впервые видел немцев и разглядывал их с каким-то изумлением, как страусов или папуасов. Вольфганг допросил попа при помощи унтер-офицера Гюнтера-Расторопски, свободно говорившего по-русски.

— Этот Гюнтер-Расторопски был самым «старым» в нашем отряде — немного за тридцать, — рассказывал Вольфганг. — Он родился и жил в России и закончил русскую школу. В России его считали немцем, а в Германии — русским. Это был очень своеобразный тип, который никогда не улыбался, но говорил при этом уморительные вещи, и поэтому невозможно было разобрать — то ли он невероятно остроумный, то ли дурак. Он был для меня незаменим, поскольку не только говорил на русском не хуже (а, пожалуй, и лучше) чем на немецком, но и, главное, знал, как обращаться с простыми русскими людьми, и мог достать все, что угодно, и где угодно.

Вольфганг через унтер-офицера стал спрашивать попа про подземный ход, но тот никак не мог уразуметь, о чем речь. Татары, Чингисхан, Иван Грозный... Он решил было, что немецкий офицер увлекся местным фольклором и хочет найти сокровища татарского хана, спрятанные в подземелье.

— Если вы ищете драгоценности, то их здесь нет. Всю ценную утварь описали и вывезли в прошлом году, после закрытия храма, золото

с окладов смыли, а остальное выбросили и пожгли, — рокотал поп густым актерским баритоном.

Наконец, Гюнтер-Расторопски вспомнил подходящее слово «катакомба», и попа осенило. Он повел немецких военных на улицу и, за углом, раскопал из-под снега низкую окованную дверцу. Крутые ступеньки вели в просторный подвал, заваленный мусором до самого потолка. Из этого топливного подвала, где раньше хранились дрова, по стенам храма расходились шахты для передачи горячего воздуха от печей. И их, при некотором усилии воображения, действительно можно было принять за лабиринты.

— В детстве мы считали, что в этих ходах древние люди спасались от татар, — сказал поп. — Но взрослый человек сюда не поместится. Да и с какой целью?

— Передавать донесения? — предположил Гюнтер-Расторопски без малейшего намека на улыбку.

Вольфганг отпустил попа домой и стал осматривать подвал с фонарем в надежде найти какую-нибудь диковину. Он надеялся, что советские начальники могли увезти в Москву какое-нибудь огромное блюдо только из-за того, что оно блестит, но выбросить на свалку икону шестнадцатого века, поскольку она темная и «некрасивая».

Ничего любопытного в подвале не обнаружилось, если не считать детских рисунков, фигурок из глины, макета и карты-плана какого-то сражения. Очевидно, после закрытия храма здесь размещалась историческая выставка или музей. На одном из рисунков были изображены рыцари, скачущие навстречу друг другу с копьями наперевес. Один, явно «плохой» рыцарь был в синих шароварах, зеленых туфлях с загнутыми носами и меховой шапке с хвостом, а другой, «хороший», в алом плаще и золотом остроконечном шлеме. У «хорошего» была русая борода, у «плохого» — черные усики. Вольфганг свернул картину в рулон, чтобы повесить ее на стене, и захватил с собой из горы макулатуры книгу на немецком языке с оторванным переплетом — справочник для архитекторов конца XIX века.

— Отправляясь на задание, я предполагал, что памятник представляет собой советскую

безвкусицу, посвященную вождям мирового пролетариата, — рассказывал Вольфганг. — Каково же было мое изумление, когда я увидел этот колоссальный минарет, словно заброшенный в чистое поле по прихоти безумного джинна «1001 ночи», и рассмотрел вблизи все его изысканные медальоны, рельефы и надписи, достойные лучших европейских мастеров классицизма. Оглушенный, не замечая щипков мороза, я несколько минут любовался этим сооружением и не мог понять (да и теперь, признаться, не понимаю), как должен был мыслить человек, затеявший это сооружение и бросивший миллионы рублей на фараонов труд в том месте, где им может любоваться, в лучшем случае, какая-нибудь отбившаяся от стада коза, да подвыпивший сторож с двустволкой.

— Возможно, он рассчитывал на вас? — вырвалось у меня.

Оказалось, что в теле колонны имеется чугунная дверца, как в топке паровоза. Изнутри же она представляет собой полую трубу, как бы набранную из огромных чешуй. Достаточно было небольшого взрыва, чтобы нижний ярус этой конструкции разлетелся, и вся она осыпалась, как столбик домино. Вольфганг приказал заложить изнутри взрывчатку, а сам, пока не поздно, побежал за этюдником.

— Мне особенно дороги работы, написанные в каких-то необычных условиях, — рассказывал он. — Глядя на такую картину, я вспоминаю, прежде всего, те обстоятельства, при которых ее писал. И вдруг все прошлое вспыхивает передо мной в малейших деталях, я чувствую тот же азарт, головокружение, и даже аромат мороза и дымка от полевой кухни в моих ноздрях.

К счастью, солдаты были настолько опытные, что и сами прекрасно знали, что и как им делать наилучшим образом. К тому же, они старались не беспокоить своего юного гения в минуты его творческого экстаза без крайней необходимости. Вольфганг был настолько увлечен, что не замечал, как то и дело немеет его нос. Вода в баночке и на кисти мгновенно замерзала, и он отогревал ее специально заведенной для этой цели спиртовкой. Он не чувствовал голода и отказался идти к обеду, после чего

Гюнтер-Расторопски на цыпочках подал ему еду на каком-то церковном приспособлении, напоминающем барный столик. Унтер-офицер и оказался первым ценителем картины.

— Очень похоже, — похвалил Гюнтер-Расторопски после того, как они выпили по глотку жгучего рома и закусили салом. — Точно, как в русском учебнике истории.

— Вы изучали этот памятник в школе?

— Не этот памятник, а битву русских и татар, которая здесь произошла.

— Вот как? Что же они не поделили? И чья взяла?

Они закурили по сигарете. В конце концов, для человека в тулупе, который периодически выпивает, пресловутая русская зима оказывается сущим пустяком. Вдруг Гюнтер-Расторопски посмотрел на Вольфганга внимательно, набрал в руку пригоршню снега и, пригнув командира левой рукою за затылок, правой стал втирать ему в лицо колючий снег.

— Какого черта! — Вольфганг пытался отбиться от цепкого унтер-офицера, но это было бесполезно.

— Так делают русские, когда отмерзает нос, — объяснил он, подал Вольфгангу платок и приступил к своей исторической лекции.

— Александр Македонский был великий полководец, — начал он. — Представьте себе, что его армия в одних сандалетах, плиссированных юбках и жестяных жилетах прошла пешком от Египта до Ташкента — и вы поймете, что я имею в виду. Но они не просто шли, они сражались с варварами, не имея ни танков, ни самолетов, ни даже легкого стрелкового вооружения. Их секрет прост. Александр Македонский строил своих солдат в несколько длинных рядов, называемых «фалангой». Первый ряд держал в руках копья длиной полметра, второй — один метр, третий — два, и так далее, до пяти метров, так что наконечники пик из заднего ряда торчали перед щитами переднего ряда. Представляете? На врага маршировал этаким железный ёж, и голые дикари, накалываясь на копья, издыхали, как бабочки. Персидский кайзер пытался пускать на фалангу слонов, но и это ни к чему не привело. Уколовшись о копья, слоны побежали назад и растоптали своих дрессировщиков. Именно так старине Алексу

удалось склототить самую большую державу в мире, в которую входили Египет, Турция, Иран, Ирак, Индия и Узбекистан, не говоря о Греции. Однако Македонский злоупотреблял алкоголем и вскоре скончался от белой горячки, не успев насладиться своими завоеваниями.

Печально вздохнув, Гюнтер-Расторопски плеснул в кружки еще рома.

— Все это очень мило, но при чем здесь татары? — справился Вольфганг.

— А при том, что по сравнению с Чингисханом этот Александр был просто маменькин сынок. Чингисхан был таким завоевателем, у которого сам Цезарь подбирал бы окурки, Ганнибал чистил картошку, а Наполеон стирал кальсоны. Чингисхан, это...

И Гюнтер-Расторопски прибавил какое-то запутанное русское выражение, среди которого Вольфгангу пока было известно только слово «мать».

— Чингисхан завоевал Китай, который, между прочим, больше, чем вся Европа и США вместе взятые. Он завоевал Сибирь до Ледовитого океана, весь Индокитай до самого Цейлона, Корею, Персию, Индию и множество еще таких стран, которых и название не выговоришь. Проще было сказать, что он еще не завоевал, и это были Россия и Германия. Однако, перед самым нападением на СССР, Чингисхан, к сожалению, скончался от ранения ядовитой стрелой.

— Стало быть, его здесь не было?

— Минуту терпения. У Чингисхана был сын Батый, весь в папашу. Он напал на Россию точно так же резво, как мы, но с восточной стороны, и через пару месяцев все было кончено. Батый взял Рязань, Москву, Смоленск, Киев, Минск, Харьков, Севастополь, Одессу, взял бы и Ленинград, но его тогда еще не построили. Все эти города Батый разрушил, а их население истребил. Затем он разгромил Венгрию, Болгарию, Румынию, Польшу и остальную мелочь и остановился лишь после того, как его встретили наши рыцари, у которых все, вплоть до причиндала, была спрятано под броней. Такого вооружения у Батые, конечно, не было. И ему пришлось возвращаться.

Русские, тем временем, организовали партизанское движение и сильно мешали татарам в тылу. Их возглавлял царь Москвы Дми-

трий — Дмитрий Первый, потому что, кроме него, у русских были еще Лжедмитрий, Лжедмитрий II и, возможно, Лжедмитрий III. Надо было что-то делать, но Батый к тому времени скончался, и русскую проблему пришлось решать его сыну Мамаю.

— Вы, кажется, говорили, что Москва была разрушена, а все ее жители убиты. Откуда же взялись в таком количестве партизаны?

— Не знаю, герр лейтенант. Для меня это было загадкой в детстве и остается сейчас, когда я нахожусь примерно в том же положении, что и фельдмаршал Мамай. Я только излагаю факты, а факты — упрямая вещь.

Мамай пришел сюда из Польши тем же самым маршрутом, что и мы: Брест, Киев, Смоленск, Калинин, Вязьма и так далее. Казалось, до Москвы рукой подать, но тут им в тыл из того самого леса бросается целая дивизия бородатых типов с крестами, топорами, косами и такими зверскими воплями, что и у самого хладнокровного солдата сыграло бы очко. Мамай драпанул. Это было здесь, на том самом месте, где мы с вами стоим.

Гюнтер-Расторопски бросил окурок на снег, растоптал его и, подбежав к колонне, стал выразительно переводить надпись на ней:

“Dem Sieger über die Tataren, dem Großfürsten Dmitri Iwanowitsch Donskoi — die dankbare Nachkommenschaft. Achtzehn hundert acht und vierzig Jahr anno Domini”.¹

В это время со звонницы, где находился наблюдательный пункт, ударила пулеметная очередь. Среди кроткой тишины, в которой был слышен треск сучьев, лопающихся от мороза в дальнем лесу, грохот выстрелов был таким бешеным и оглушительным, что ром выплеснулся из кружки Вольфганга на снег, и целое люфтваффе ворон каркающей тучей взлетело со всех куполов и деревьев.

Часовой объяснил, что стрелял по «казаку», скачущему туда-сюда по опушке леса. У него не было приказа открывать огонь, но этот «казак» так долго и нагло разъезжал у него под носом, словно издевался или напрашивался на пулю. И часовой решил его проучить.

¹ Нем. «Победителю Татар Великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому — признательное потомство. Лето от Рождества Христова 1848»

— Казаков не существует. Ты прикончил Деда-мороза, — мрачно заметил Гюнтер-Расторопски.

— Никак нет, это был настоящий казак. Да вот же он опять!

Действительно, среди длинных синих теней ранних зимних сумерек, на опушке леса показался человек на лошади. Конник прокатился по опушке в одну сторону, затем в другую, погарцевал на месте и остановился. Его движения казались какими-то странными и механическими, как у Петрушки в кукольном театре. Рассматривая всадника в бинокль, Вольфганг увидел, что это не казак, а скорее древний русский богатырь в алом плаще и остроконечном шлеме — точно такой, как изображен на детском рисунке. Богатырь попрыгал на месте и снова не торопясь, игриво поехал вдоль леса. Вольфганг явственно различал каплеобразный щит в его руке, синие шаровары и алые сапожки с загнутыми носами. Однако на месте лица находилось что-то странное, наподобие пробела или круглого пятна. В голову Вольфганга, еще не вполне проветрившуюся после рома, толпясь, полезли какие-то бредни, от человека-невидимки, который исчезал по мере удаления с себя одежды, до готических историй с призраками, которые приключались с путниками в заброшенных тавернах из старинных испанских романов.

— Если не ошибаюсь, это ваш приятель царь Дмитрий, — сказал Вольфганг, передавая бинокль унтер-офицеру.

— Скорее, Лжедмитрий, — отвечал Гюнтер-Расторопски, рассматривая всадника.

— А что у него с физиономией?

— Это всадник без головы.

— В каком смысле — без головы?

— Когда я учился в русской школе, среди мальчиков была в ходу книга одного американского писателя под названием «Всадник без головы». Я вижу, что она и сейчас не вышла из моды в СССР. Прикажете доставить этого типа сюда?

— Сделайте одолжение.

Гюнтер-Расторопски вскочил в седло своего мотоцикла и исчез, оставив за собою волну треска и бензиновой воню.

Не уверенный в своем английском, я переспросил моего собеседника:

— Я правильно понял, вы увидели древнего русского рыцаря на коне?

— Древнее некуда.

— Вы шутите?

— Нет, и никогда не шутил.

— Если бы я работал в желтом издании, то тут же написал бы, что призрак князя Дмитрия явился вас покарать.

— Вы были бы недалеко от истины. Но жизнь всегда сложнее, интереснее и таинственней, чем выдумки мистиков. Нас прогнали не НЛО или призраки, а Вани, Алеши и Коли в шинелях и обмотках, с винтовками XIX века, что гораздо удивительнее.

Через несколько минут унтер-офицер вернулся с «пленным». Призрак царя Дмитрия на поверку оказался раскрашенной фанерной фигурой древнего всадника с овальной прорезью на месте лица, какие используют фотографы на пляжах и в местах отдыха. Возможно, этот двумерный витязь был одним из экспонатов выставки, и об этом свидетельствовал инвентарный номер на крупе его белой, я яблоках, лошади. В нескольких местах тело Дмитрия было пробито пулями. На его позолоченном щите крупными детскими буквами было выведено: СМЕРТЬ ФАШИСТАМ! Снизу к лошади был прибит шест, за который злоумышленник, спрятавшись в кювете, «оживлял» всадника.

— Это дети, юные пионеры Ленина, — сказал Гюнтер-Расторопски, бросая пленное пугало к ногам офицера.

Отныне и навеки солдат, подстреливший картонного казака, становился легендарным посмешищем всего батальона.

— В приказе говорится, что местные жители, оказывающие сопротивление вермахту, должны быть расстреляны без суда, независимо от возраста, — напомнил часовой в ярости.

— Это не ваше дело, — отвечал Вольфганг. — В рапорте будет указано, что вы открыли огонь без приказа и раскрыли противнику свою позицию.

Составив рапорт обо всем, что произошло в этот день, включая и визит всадника без головы, Вольфганг отправил унтер-офицера на мотоцикле в штаб и только после этого вспомнил о колонне. Он решил оставить фейерверк до утра, чтобы не привлекать еще большего

внимания. И не напрасно: перед самым закатом над храмом появился советский самолет-разведчик. Самолет без выстрела полетал над холмом и улетел. А вскоре с юго-запада равномерно забухало, застучало и засверкало. Советский стрелковый полк начал наступление на районный центр.

С минуты на минуту Вольфганг ожидал на дороге появления войск — своих или советских. Это ожидание противнее было тяжелой работы и даже самого боя. Свободные от службы солдаты спали, зарывшись во все тряпье, какое только нашлось в чулане церкви. Другие играли в карты, переговариваясь тихо, как в доме с покойником. Часы на руке Вольфганга тикали, и секундная стрелка ползла, но минутная решительно стояла на месте. Для того, чтобы хоть как-то отвлечься, он стал листать в свете фонарика немецкий справочник архитектора.

Первая страница, которую он раскрыл наугад, была вкладка с гравюрами. Гравюры были выполнены с удивительным мастерством и тонкостью. На них были изображены колонны и монументы разных эпох от древнего Египта до Европы XIX века. И тут же ему в глаза бросилась та самая колонна князя Дмитрия, которую он сегодня рисовал. Под рисунком значилось: «Колонна великого московского герцога Дмитрия, Россия, 1848 год. Архитектор Брюллов».

— Я вскочил с лежанки, как ошпаренный, — рассказывал Вольфганг. — Уже тогда я не был невеждой в русском искусстве и восхищался картиной «Последний день Помпеи». Но я не знал, что у художника Карла Брюллова был не менее талантливый брат Александр, архитектор. И вот я решил, что мне предстоит своим руками уничтожить шедевр мирового уровня, и чей — того самого БРЮЛЛОВА!

Накинув на плечи тулуп, Вольфганг выбежал на улицу. Ночь была ясная, на небе дрожали косматые звезды, и от снега была так светло, что можно было читать. Канонада в поселке прекратилась, и теперь он пылал. На фоне зловещего зеленоватого зарева, словно из приоткрытой адской топки, колонна склоняла над Вольфгангом луковку своей головы и разглядывала этого человечка с брезгливым недоумением.

— Брюллов! Какая мощь. Германский гений русских полей. Какой колоссальный эф-

фект объединения немецкого духа с русской стихией. И какая нелепость! Русский исполин с крошечной немецкой тыковкой на вершине, вымерший чугунный динозавр среди колхозного поля... а если бы он взлетел?

Среди суматохи мыслей, Вольфганг наткнулся на идею неизвестного ему Циолковского. Он стал фантазировать насчет того, что было бы, если бы взрыв от заряда в основании этой гигантской трубы не разрушил ее, но, сужаясь кверху, развил небывалую силу, сорвал маковку и унес ее к высотам солнечной системы. Если же в этом снаряде оборудовать кабину со всем необходимым...

— Гагарин? — подсказал я.

— O ja, Gagarin! — обрадовался немец.

Вдруг Вольфгангу померещилось, что за деревом как будто что-то пошевеливается и побряхтывает. Он пригляделся: и точно, там стоял кто-то большой и осторожный. Волосы зашевелились под шапкой Вольфганга: свой ремень с пистолетом он оставил возле лежанки.

— Кто там? Пароль! — крикнул Вольфганг как можно более грубым голосом, сорвавшимся на писк.

— Их бин руссиш падре! Их бин хенде хох! — отвечал некто, приближаясь из-за дерева с поднятыми руками.

Это был тот самый священник, которого Вольфганг допрашивал насчет подземного хода.

— Что вы здесь делаете? — спросил Вольфганг, чувствуя, что его руки дрожат.

— Я молюсь, — отвечал священник.

— Столбу?

— Я молюсь Богу.

— Молитесь Богу у себя дома. Здесь вас могут убить.

— Меня? МИХЬ? — произнес священник с таким выражением, словно эта мысль показалась ему весьма оригинальной и даже забавной.

— Пошел! Пошел! — Вольфганг замахал на священника рукой, как на курицу, забежавшую на чужой участок, и тот побрел в чистое поле, что-то бормоча себе под нос и осеняя себя крестным знаменем.

Вольфганг почувствовал холод и страшную усталость, от которых он буквально содрогался. Он вернулся в церковь и забрался на колокольню, где часовой сидел неподвижно, как

истукан, и смотрел перед собой широко раскрытыми глазами. Вольфганг включил прожектор и прошелся лучом по полю. Все оно было покрыто белыми буграми, напоминающими спины лежащих людей в маскхалатах. Вольфганг выключил прожектор, и, сквозь расходящиеся в глазах фиолетовые круги, ему показалось, что сугробы начинают пошевеливаться, приподниматься и подползать. Он снова включил прожектор, и снежные спины замерли. Они только притворялись сугробами и могли лежать без движения часами, но, как только выключат свет, они оживут и придут сюда со своими страшными длинными штыками. Вольфганг чувствовал себя Макбетом, на которого наступают безжалостные, неотвратимые снежные воины.

А после этого с Вольфгангом произошло то, что можно считать галлюцинацией или так называемым тонким сном: видение настолько яркое и осязательное, что его невозможно отделить от реальности. И действующее на психику гораздо сильнее, чем любая, самая страшная реальность.

— Я считаю себя агностиком, — рассказывал Вольфганг. — И все же, я не спешу иронизировать, когда читаю о том, как Чингисхан прекратил индийскую кампанию, встретив в степи говорящего зеленого единорога, а Тамерлан остановил наступление на Русь после того, как ему явилась Богородица. Если нам не встречалось какое-то явление, это не значит, что оно не существует. А если оно нам не понятно, это лишь доказывает ограниченность нашего разума.

Слезая по лестнице из наблюдательного пункта, Вольфганг сверху оглядел зал церкви и заметил перед хорами люк, на который почему-то не обратил внимание при осмотре здания. Спустившись, он подергал люк за стальное кольцо — люк со скрежетом открылся. Из люка доносился сырой запах земной утробы и пробивался тусклый желтый свет. Так значит, священник его обманул, и подземный ход находился у него под самой лежанкой! И из него в любую минуту, как призраки, могли явиться белые советские автоматчики.

Осторожно нашаривая ногами ступеньки под собой, Вольфганг стал спускаться в люк по железной лесенке. Спуск оказался довольно глубоким.

Наконец, Вольфганг вытянул вниз ногу, нащупал под собою пол, включил фонарь и обернулся. Перед ним открылось длинное узкое помещение, напоминающее общий вагон поезда, по стенам которого сидели и стояли многочисленные люди самых разных возрастов, внешностей и типов, и даже разных эпох. На одних были обычные европейские пальто и шляпы, на других шубы, кафтаны, косматые шапки, картузы и даже лапти с онучами. Люди не издавали ни малейшего звука, и, если бы они не начали вставать при появлении немецкого офицера, их можно было принять за восковые музейные экспонаты. Военных среди них не было, и Вольфганг решил вести себя как можно уверенней.

— Что вы здесь делаете? — спросил он строго, протискиваясь по коридору и задевая всех своим громоздким тулупом.

— “Verbergen uns vor dem Einfall”¹, — отвечала ему учительница немецкого языка в городской шляпке и пальто.

— Скрываться от нашествия запрещено, — напомнил Вольфганг.

Пройдя каменным коридором до конца, Вольфганг свернул, но и за поворотом находился точно такой же узкий коридор, заполненный безмолвными людьми, и за вторым, и за третьим поворотом — точно такие же коридоры. «Когда же это кончится?» — подумал Вольфганг и тут же увидел перед собой дубовую дверь, обитую железными полосами крест-накрест.

— Что там? — спросил он Гюнтера-Расторопски, который сидел перед дверью в очереди.

— Отец русских. Русиш падре, — был ответ.

— Отлично, — отвечал Вольфганг, стараясь не выдавать своего волнения, и толкнул дверь.

Посреди круглой комнаты горели свечи, и стоял на возвышении гроб. В гробу лежал седой старец в длинных одеждах, вышитых золотыми крестами. На груди старец держал икону шестнадцатого века с изображением всадника с копьем, в алом плаще и золотом шлеме. «Наконец-то я ее нашел!» — обрадовался Вольфганг и подошел ко гробу. Но в это время старец стал медленно подниматься.

— Я видел достаточно ужасов, — рассказывал Вольфганг. — Я видел горы трупов не в переносном, а в буквальном смысле, когда из тел убитых складывали штабели высотой с дом. Но никогда в моей жизни — ни до, ни после, я еще не чувствовал такого леденящего, парализующего ужаса.

Направив на Вольфганга икону, старец громовым голосом произнес: ПОШЕЛ! ПОШЕЛ!

Вольфганг завопил и очнулся. На краю его лежанки сидел Гюнтер и тер ему уши руками, пытаясь привести его в чувство. Все его небольшое напуганное войско теснилось вокруг.

— Мне жалко было вас будить, но вы так бились во сне... Со мной такое тоже бывало, — сказал унтер-офицер, вскакивая с лежанки.

Вольфганг не был уверен в том, что его видение не произошло на самом деле, но его постель и все вещи вокруг были разложены так, словно он никуда не выходил и только что прекратил чтение. И на месте люка был ровный плиточный пол.

— Мы отступаем. Через несколько часов здесь будет очень много Ванек и Колек с длинными штыками, и все они будут просить автограф у известного немецкого художника, — докладывал Гюнтер-Расторопски.

За время его отсутствия началась катастрофа. В окрестностях поселка появились разъезды казаков — не картонных рыцарей, а обычных красных кавалеристов. Командующий эвакуировал свой штаб, и вскоре поселок был обложен русскими частями, прибывающими, по слухам, из самой Сибири, и оттого, будто бы, особенно выносливыми и свирепыми. После артиллерийской подготовки и бомбежки с воздуха русские пошли на приступ волна за волной, но попали под артиллерийский огонь и остановились. Несколько часов они лежали в снегу, на двадцатиградусном морозе. Затем немецкий корректировщик артиллерии замолчал, — наверное, сибирский охотник на белок выследил его и попал точно в лоб. Русские снова пошли вперед и ворвались в Казачью слободу — предместье городка.

Тем временем другой русский стрелковый полк, вместо того, чтобы маршировать под

¹ Нем. Скрываемся от нашествия.

окнами церкви, превращенной в крепость, пошел далеко в обход, по льду реки, и перед рассветом показался с противоположной стороны городка. Если бы он был в состоянии с марша перейти в бой, то вся немецкая дивизия оказалась бы в кольце. Немцы стали отступать.

— Нашему саперному батальону было приказано сжечь в городе все, что горит, а остальное взорвать, — рассказывал Гюнтер-Расторопски. — Я только успел забрать с вашей квартиры самые необходимые вещи, прежде чем весь дом запылал. К сожалению, ваша коллекция дров в мотоцикл не поместилась.

Увидев расстроенное лицо лейтенанта, Гюнтер-Расторопски попытался утешить его тем, что до Сибири еще далеко, и он наберет ему целую тонну самых древних, тухлявых икон. Вольфганг пришел в себя, побрился, приказал солдатам сделать утреннюю гимнастику, позавтракать и отступить.

— Так значит, вы нарушили приказ и не стали взрывать колонну? — напомнил я моему собеседнику.

Для закругления моего очерка было бы удобно, если бы Вольфганг, как истинный художник, почувствовал угрызения совести и отказался разрушать прекрасное произведение архитектуры другого немецкого мастера.

Вольфгангу показалось, что он ослышался или неправильно понял мой вопрос.

— Я не мог не выполнить приказа. Военные всегда выполняют приказы, — ответил он с недоумением.

— Но колонна стоит на месте, — возразил я. — Не далее, как вчера, у ее подножия проходил фестиваль народных промыслов.

— Я не имел возможности ее взорвать, — сказал Вольфганг. — Когда мы заняли место в укрытии и сапер открыл дверцу колонны, чтобы установить взрыватель, выяснилось, что мины в ней нет.

— Куда же она делась?

— Ну, как это у вас принято говорить, мину *skommunizdili* — то ли поп, то ли юные пионеры Ленина. Запасной взрывчатки у нас не было. Вот и вся моя история.

Перед уходом я стал фотографировать разложенные на столе акварели Вольфганга, и все

никак не мог разобрать замысловатую подпись в нижнем углу, рядом с датой: то ли Бюлоу, то Бюлуа...

— Вы могли бы прислать мне по почте вашу статью, когда она будет опубликована? — справился Вольфганг, подавая мне карточку с адресом. На карточке значилось: WOLFGANG A. BRULLOW, KUNSTDOKTOR.

— Ваша фамилия Брюллов? — удивился я.

— Разумеется, Вольфганг Амадей Брюллов. Разве я вам не сказал? — отвечал Вольфганг. — Сначала я шутил: в мире всего два великих Брюллова: Карл и Вольфганг. Но потом я стал шутить: в мире три великих Брюллова: Карл, Александр и Вольфганг. Это отличная шутка, потому что я великий только в смысле роста.

Итак, мы распрощались. И, если бы мой очерк был опубликован вскоре после интервью, то он бы заканчивался именно так. Но материал, что называется, «зарубили». Визитка Вольфганга долго служила мне закладкой для книги, и, наконец, затерялась. Снимки его картин валялись в стенном шкафу нашей редакции среди вороха других ненужных иллюстраций, пока их не выбросили на свалку во время ремонта. Не стало ни редакции, ни людей, способных подтвердить мою историю.

А тем временем отношения между людьми и целыми народами стали меняться. И вот на глаза мне попадается один документ, в котором та же история показана с другой стороны. В советской оперативной сводке штаба армии говорится: «Войска армии в течение 16.12.1941 уничтожали части прикрытия противника. Противник, отходя, сжигает населенные пункты и отравляет воду в колодцах. Фашисты полностью сожгли деревни Даниловка, Хворостянка, Козинки, Моховое...»

Деревня через дорогу от колонны называлась Моховое. В боевом комплекте немецкой саперной роты, кроме мин и взрывчатки, имелись горючие вещества и три комплекта огнеметов, выпускающих языки пламени на 20—25 метров. Улики, как говорится, налицо. После завтрака Вольфганг Амадей сжег деревню.

© Олег ХАФИЗОВ

Михаил ПРИДОНОВ

Михаил Придонович Придонов родился в 1921 году в Тифлисе (Тбилиси). С первого курса института в 1939 году был призван в Красную армию. С первого дня Великой Отечественной войны — на фронте. Прошел немецкий плен в фашистских концлагерях, в том числе — в печально знаменитом Маутхаузене, где не переставал бороться против фашизма всеми доступными средствами. С конца девяностых годов живет в Туле. Виртуозный художник-орнаменталист, он автор множества автобиографических рассказов и повестей, оформленных собственными руками, в том числе книг «Я — гражданин...», «Что было, то было», «Жизнь, как она есть». Это арабески живого воображения и живой памяти.

«СМИРНО!», или Совсем невеселая история

Повели нас, пять человек, не считая меня, к лагерному ревиру. Ревир, по-немецки это, то ли санчасть, то ли лазарет. Привели нас к моргу при ревире. А там, в морге, валяются, по иному, к сожалению, не скажешь, покойнички. Хотя это лежат там наши же соотечественники, друзья, которых накидали руки санитаров, набросали в кучу, как дрова, как попало, руки санитаров, у которых души и вовсе зачерствели. Лежат не так, как полагается укладывать покойников. Санитары сдерут с них одежду да так и оставят. Набросают их, покойничков, в кучу, как черт им на руку положит, без всякого к ним уважения.

Итак, валяется гора трупов, покойников. Их и трупами назвать грешно. Тут опять требуется пояснение. Покойники, раздетые донага являли собой нечто более похожее на скелеты, обтянутые почерневшей кожей, которая в любой момент могла треснуть, лопнуть, не выдержать натяжения, выпирающих, торчащих костей. Каждый скелет, извините, то, что еще недавно было живым, человеческим телом, находящимся в сухой, почерневшей коже, застыл в той позе, в которой его застала смерть. Никто не потрудился уложить мертвецов, как положено, сложить руки, закрыть глаза. Нет, мамы, папы не было рядом, не было рядом и друзей товарищей.

От одного только вида торчащих в разные стороны рук и ног, раскрытых ртов, в некото-

рых, видать уже ковырялись, в поисках золотых зубов. От вида человеческих тел, заочневших в самых причудливых, неестественных позах, бывших, совсем недавно молодыми, здоровыми, красивыми бойцами становилось дурно, волосы на голове начинали шевелиться! К горлу подступала тошнота.

Но это не все! Тут же стояла бывшая телефонная двуколка, превращенная теперь в погребальный катафалк, в неё следовало погрузить тела умерших ребят. Посмотрели по сторонам, выискивали, кто же должен брать трупы руками и складывать их в двуколку. Наше дело, как думали, отвезти тела на кладбище, если только вырытый, длинный ров, канаву можно назвать кладбищем. Но вокруг никого не было видно. Стоим, ждем. Ждем, пока кто-то явится и погрузит тела в двуколку. Наивность непосредственная. Дождались, но только старшего конвоира. Он начал ругаться, естественно по-немецки: «ферфлюхт, доннер ветер» и, в заключение, всеобъемлющее «шайзе!» Как? До сих пор не погрузили тела! Лос! Бистро! Давай, давай!

О какой брезгливости может идти речь?

Взяли покойников, один за руки другой за ноги и на двуколку, почти как мешок. И так, одного за другим пока двуколка не наполнилась, торчащими во все стороны конечностями усопших. Впряглись в двуколку вместо лошадок с попонами и вперед на кладбище, ко рву.

Двое впереди, коренные, тянут за оглобли и трое позади, подталкивают катафалк на рытвинах. А ров то уже заполнен наполовину телами-скелетами, часть уже присыпана землей, а часть, из последней партии пересыпана хлорной известью. Не известно, чья это работа. Наверное, наших же ребят. Таких же похоронщиков, как и мы. А то кто же еще станет таким делом заниматься.

Привезли. Опять смотрим по сторонам, кто будет разгружать этот необычный груз. Как получается, разгружать некому. Опять же мы! Вот так крупно повезло! Кругом мы, похоронная команда, «профессионалы».

Пока грузили тела ребят, пока везли их в последний путь, пока разгружали двуколку, у меня из головы не уходила мысль — нельзя так, без всяких воинских почестей предать земле ребят, или то, что от них осталось. Не имеет значения. Они же солдаты, они же бойцы Красной армии. Не их вина, что оказались в позорном плену, что умерли от голода или болезни и превратились в груды безымянных костей, которую сваливают, как не нужный хлам, мусор в погребальную яму. В могилу. Что сказали бы их родители. Мамы, папы, дети и, наконец, друзья-товарищи по оружию, командиры. Они бы не допустили, чтобы тела павших бойцов, пусть не на поле боя, так, просто выгрузили в яму.

Все эти думы не давали мне покоя, руки машинально, автоматически выполняли нужную работу, а мысль все сверлила мне мозги. Не давала успокоиться. Как быть, что делать? Нет ни оркестра, ни взвода с винтовками для салюта. Что делать? Как отдать им последние почести. Это же солдаты! Да и как можно было успокоиться, глядя на эти открытые безответные, глаза, глядящие на мир с укором, некому было позаботиться закрыть их, вернее было кому, но ни у кого не появилось такого, обязательного желания. Не сработало чувство долга перед усопшими.

Видя эти торчащие в разные стороны конечности, как бы мы ни старались выправить закоченевшие скелеты, было бесполезно. Время делало свое дело, тела уже окоченели

окончательно. Мы были бессильны, что-либо сделать.

Спасительная мысль, можно сказать, идея, осенила меня в самый последний момент.

Теперь я знал, что мне надо делать!

Завершив укладку тел в могилы, присыпав землей, она все стерпит, я решительно командовал своим ребятам похоронной команды:

— «В одну шеренгу, становись!»

Ребята забегали. Давно не слышали такой команды и вопросительно смотрят на меня? В чем дело? Что ты надумал, командир? Дальше, как положено, командую,

— «Равняйся!»

Выждав пока шеренга подравнялась, подаю следующую команду:

— «Смирно!»

Ребята подобрались сообразительные, быстро поняли, что я затеваю. Подтянулись, вытянули руки по швам и приняли стойку, положенную при команде смирно. Я встал на правом фланге шеренги по стойке смирно, приложил руку к козырьку фуражки, отдаю честь, а краем глаза вижу, что оба постена, стали рядом, как бы в шеренгу, тоже вытянулись по моей команде смирно, ладошки прижали к ляжкам, это у них так выполняется команда «смирно», карабины приставили к ноге. Гляжу, и глазам своим не верю. Немцы ли это?!

Эх! Дали бы эти постены из своих карабинов три залпа, помянуть ребят, было бы здорово! Мечты, мечты. Размечтался, командир.

Отдал почившим ребятам честь. Не смог сдержать скупую солдатскую слезу. Душа, как бы, успокоилась. Это я догадался сделать, почтить память павших, иначе и не сказать, а скольких хоронили просто так, не по правилам? Пошвыряли в яму и все. Точка. Ничего. Мы и их тоже помянем и отдадим честь. Спите спокойно, ребятки наши дорогие.

Моему удивлению и восхищению поступком немецких солдат не было предела. Могу только сказать — молодцы ребята, отдали честь

павшим воинам противника. Действительно. Перед смертью все равны. Спасибо, враги-друзья, хоть на миг.

Что только не случается на этом белом свете! Постояв так несколько минут, подаю команду

— «Вольно!» — Команду послушно выполнили и немецкие солдаты. Они тоже переступили с ноги на ногу, расслабились, постояли молча какое-то время. Дали нам время прийти в себя. И сами тоже отряхнулись, поняли ситуацию, пришли в себя. Опустив головы, мы, вся похоронная команда, постояла возле могилы-рва, а вместе с нами и немцы. Неизвестно сколько времени простояли. Часов не было да и время считать было не к чему. Теперь уже немцы, подали свою команду:

— «Лос! Давай!» — Впряглись, как тягловые лошадки в чертову колесницу и потащили её обратно в лагерь, к моргу. За следующей порцией покойников.

Все окончено!

Вечная память и неувядаемая слава всем павшим в этой войне, известным и неизвестным. Пропавшим без вести, безмянным героям Захороненным, и до сих пор, не преданных земле. Сожжённным в топках крематориев, и задушенных в машинах-душегубках. Повешенных и расстрелянных. Всем, кого мы не досчитались в своих рядах. Всем тем, кто не вернулся домой и не дождался светлого Дня Победы.

Вечная, всем им слава и память!

Снимем шапки, поминая их, дорогие мои друзья!

Аминь.

Тула. Август — сентябрь — 2010

© Михаил ПРИДОНОВ

БОРИС РУБЦОВ

Из цикла «Родом из СССР»

КАЗАЛОСЬ, ВСЁ ПРОДЛИТСЯ
ВЕЧНО...

Казалось, всё продлится вечно,
Но вечность людям не дана —
В анналы молотом кузнечным
Была вколочена страна!

Устоев крах и крах традиций,
Благая цель теперь обман,
И мир сплочённый разнолиций
Ушёл оболганный в туман...

Живём по чуждым нам законам,
Дух созидания ослаб,
И нас не мало — миллионы,
Растят из нас народец-раб...

Нет, не хочу и не приемлю
Я рабской логики житья —
Люблю родную свою землю
И был, и буду вольным я!

ЭПОХА ЧЕСТНЫХ
ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Я из эпохи писем и открыток,
Неспешных разговоров, дум-улиток
И помню паровозов шум и запах,
И скрип телег на улочках горбатых...
Газеты ежедневно мы читали
Про урожай и сколько дали стали,
Журнал любили очень «Иностранку»,
И в кассу все стремились спозаранку,
Когда в наш город дальний на гастроли
МХАТ приезжал, сам Яншин в главной роли!

Я из эпохи честных заблуждений,
И жили с верой мы, что Ленин — гений...

Борис Рубцов родился и живёт в Туле. Педагог по образованию. В студенческие годы был участником литературного объединения «Тульская магистраль». Неоднократно печатался в коллективных сборниках. Автор электронной книги «Собрание арт-фактов моей жизни» и сборника верлибров «Моя интроверсия». Член-соучредитель библиотечно-литературного объединения «Лад» при Тульской областной универсальной научной библиотеке.

Из цикла МУЖИЦКИМ ФЕВРАЛЁМ

РУССКИМ МУЖЧИНАМ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Мужицким февралём
Басили ветры в трубы,
Скрипучий снег стонал, ложась под сапоги,
Шершавым языком
Облизывая губы,
Мороз крутил дымы, по полю шли полки...

Мужицким февралём
Солдат совсем не верил,
Что будет целовать и женщину любить...
Под вражеским огнём
Пожить себе отмерил
До ближнего холма... Потом уже не жить...
29.08.12г.

В ПЯТИДЕСЯТЫХ

Реликтовые звуки: скрип телеги,
Ор петуха, треск дров сырых в печи...
Весною пахли тающие снега,
И пахли в Пасху сладко куличи...

Всё помнит нос, и не забыли уши,
Лет шесть мне было, помнится, всего,
И «расцветали яблони и груши»,
Когда с отцом и мамой шли в кино!

Сосед Кузьмин — пьянчужка одноногий,
Но с орденами в праздник на груди,
Частенько бил жену, был «очень строгий»,
Когда трезвел, молил, стыдясь, «прости»...

Все праздники всегда соседи вместе —
Кто чем богат, мечи на общий стол!
Плясали как! Кузьмин стоял на месте
И громко костылём стучал об пол...

Одеколоном Шипром пахли щёки
Нарядных только в праздники мужчин,
Иной был мир, сейчас такой далёкий...
Махру курил тогда живой Кузьмин...
13.02.15г.

БОЛЬ

*Сергею, Владимиру, Николаю,
Евгению В., Евгению И., Юрию...*

Ах, скольких нет друзей моих в строю,
Ушедших навсегда из жизни слишком рано!
Я будто на плацу один стою,
В груди моей горит, не заживает рана!

Когда-то вместе мы вкушали жизнь,
Делились хлебом-солью новых ощущений,
Но в верности друг другу не клялись,
Без нюней по-мужски построив отношенья.

Ведь не война всех разлучила нас —
Погибельное время перестроек странных —
Смерть прибрала, не в свой припёршись час,
Красивых русских мужиков небесталанных!

Ах, скольких нет друзей моих в строю,
Ушедших навсегда из жизни слишком рано!
Я будто на плацу один стою,
В груди моей горит, не заживает рана!
13.02.17г.

© Борис Рубцов

Михаил ОСТРОУХОВ

Родился в 1966 г. Учился в Политехническом институте (5 курсов), в Литературном институте им. Горького (семинар Е. А. Долматовского), в аспирантуре при Литературном институте. Печатался в журналах «Приключение и фантастика», «Мегагалактика», «Одиссей», издал книгу «Поэма о товарище Сталине».

ПОДЗЕМЕЛЬЕ СМЕРТИ

Роман окончил институт и проработал год в конструкторском бюро. Пока он только чертил простые детали, но продолжал вынашивать (еще с института) честолюбивые планы изобрести что-то такое, что сразу двинет технику далеко вперед. Когда пришло время отпуска, Роман решил провести его в Коктебеле: он любил море. У Романа были длительные и не очень отношения с разными девушками, но настоящую любовь он еще не встретил, поэтому ехал в Крым один.

В Коктебеле Роману понравилась красивая бухта и необычная гора с профилем человека смотрящего вдаль. Поэт Максимилиан Волошин, живший в Коктебеле, использовал отличную возможность для пиара, закрепив за собой этот профиль. Роман даже представлял, как тот радовался, когда, только поселившись, спрашивал у местных жителей: «А чей это профиль?» и те отвечали: «Ничей».

Еще Роману нравилась набережная с фонарями-колоннами и с ограждением, в котором балясины были похожи на пешки. Он целый день гулял по ней, потому что не мог заставить себя войти в море: вода из-за глубинного холодного течения не превышала 15 градусов, и это в июле.

Роман присел на скамейку, любуясь морским простором. Небольшие белые облачка на горизонте выстроились в клин как лебеди, заходящее солнце, разрезанное посередине одним из них, посылало лучи вниз и вверх, и от этого казалось, что в небе висят светящиеся

песочные часы. Волны перед тем, как накатиться на берег, приподнимались, образуя острый край, кое-где увенчанный белой пеной, и на мгновение становились зелеными и полупрозрачными, как бутылочное стекло.

Рядом с Романом на скамейку села пара: седой холеный мужчина полный, но без живота и миниатюрная женщина, удивительно стройная и с густыми волосами в форме каре больше похожими на парик. Мужчина и женщина разговаривали между собой.

— Вода ледяная, — сказала женщина, — и неизвестно, когда потеплеет.

— Да, — сказал мужчина, — надо ехать на Азовское море, я слышал в новостях, там вода 26 градусов.

— Завтра поедем, — обрадованная женщина выпрямила спину и схватила обеими руками мужчину за руку.

Роман тоже решил ехать на Азовское море, тем более, оно рядом: от Коктебеля рукой подать до Арабатского залива. Утром он доехал на автобусе до Феодосии, а оттуда на другом автобусе до посёлка Каменка на берегу Азова. Он снял комнату в пристройке с удобствами во дворе, вода для душа нагревалась в большом баке солнцем: и обычно была довольно холодная, но Роман не переживал по этому поводу, считая, что закаляться полезно. Зато в палисаднике перед домом и в дворике, куда выходила пристройка, было много цветов: фиолетовых, красных, желтых только ещё распускающихся люпинов с зелеными змеевидными верхушками.

Роман переоделся в шорты, захватил полотенце и пошел купаться. Людей на пляже было много, наверно, таких же перебежчиков с Черного моря, как и он. Над горизонтом висело облако, как ему показалось, с призрачной фигурой человека на вершине, который распростёр руки в стороны, как статуя Христа на вершине горы Корковаду в Рио-де-Жанейро. Какой только вид не бывает у облаков, подумал Роман, хотя тут дело в воображении. Слепила солнечная дорожка: звездочки вспыхивали и гасли на волнах, словно это была съемка звездного неба с ускорением в миллион лет. Прозрачная слабо колыхавшаяся вода казалась густой как расплавленное стекло. Роман долго плавал в тёплом море, потом лежал на горячем песке: это было настоящее счастье!

На обед он съел в кафе лагман, украшенный веточкой укропа похожей на распушенный беличий хвост, и выпил два стакана сока с куском яблочного пирога. Довольный он вышел из кафе: на улице плакал мальчик лет пяти: белокурый, с оттопыренной нижней губой, морща лицо, он был похож на маленького старичка. Высокая женщина с ямочками в уголках губ и с вьющимися концами длинных каштановых волос уговаривала его:

— Саша, идем.

— Купи машинку, — плакал мальчик.

— Завтра куплю.

— Сейчас хочу, — мальчик тер себе глаз одним пальцем.

— Нам далеко возвращаться.

— Купи, купи, — взорвался мальчик.

— Саша, идем домой.

— Не пойду, — мальчик затопал ногами

— Обещаю, что завтра куплю.

— Сейчас, сейчас, — настаивал мальчик.

— Пошли, — женщина взяла мальчика за руку.

— Нет, — вырвал тот руку.

— Тогда оставайся, — терпение женщины лопнуло.

Она отошла от мальчика на несколько шагов и обернулась:

— Пошли.

Мальчик зарыдал еще сильнее.

— Тебе не стыдно плакать, ты же мужчина, — вмешался Роман.

Ответом ему послужил вопль.

Рядом с мальчиком остановилась, проходившая мимо, стройная светловолосая девушка. У неё был маленький прямой носик, острый подбородок, красивые пухлые губы и черные как смоль брови. Сосредоточенно-серьезный взгляд её карих глаз не допускал никакой вольности.

— Что ты плачешь? — спросила девушка у мальчика.

— Машинку хочет, — ответил Роман за мальчика, — мама ему завтра обещала купить.

— Сейчас хочу, — упрямо твердил мальчик.

Девушка достала из своей сумки камень с дырочкой:

— Знаешь, что это такое? — показала она камень мальчику.

— Нет, — ответил мальчик сквозь слезы.

— Это куриный бог, — сказала девушка, — волшебный камень. Держи.

Мальчик взял.

— Если загадать желание и посмотреть в дырочку на небо, желание исполнится, — сказала девушка.

— Машинку хочу, — буркнул мальчик.

— Ты что-нибудь серьезней загадай, а машинку тебе мама завтра купит.

— Правда?

— Она же обещала, — сказала девушка.

Мальчик перестал реветь, но еще несколько раз всхлипнул.

— Иди, догоняй маму, — улыбнулась ему девушка.

Мальчик сунул камень в карман и побежал за мамой.

— У тебя просто талант педагогический, — восхитился Роман девушкой.

— Я воспитательницей в детском саду работаю, — сказала девушка.

— А как тебя зовут?

— Ира.

— А я — Роман.

— Очень приятно.

— Ты здесь отдыхаешь? — Роману очень нравилась девушка.

— Нет, живу.

— Да? А правду говорят, что люди, которые живут у моря, редко в нем купаются?

— Я плаваю по вечерам, — пожала плечами девушка.

— Давай сегодня вместе плавать, — предложил Роман.

— Сегодня я не могу, — ответила девушка.

— А завтра?

— Завтра я уезжаю.

— Я ещё десять дней здесь буду, — Роман был разочарован.

— Удачно отдохнуть, — девушка улыбнулась Роману и пошла дальше по улице.

Роман вздохнул, глядя ей вслед.

Расстроенный он вернулся в свою пристройку. Какой хороший предлог был заговорить с девушкой! Жалко, что она не захотела продолжить знакомство.

Вечером он бродил с фонариком по берегу моря, вздыхал и смотрел на звезды: большие белые, и маленькие отливающие синевой. Удивительно, думал Роман, почему идея межзвездных перелётов и колонизации других планет, которой были одержимы люди в двадцатом веке, перестала быть популярной? Ведь техника ушла далеко вперед, что произошло с человечеством!? Вот к каким мыслям вселенского масштаба приводит плохое настроение, подумал Роман.

На следующее утро Роман позавтракал в кафе рисовой кашей с кусочком сливочного масла и пирожками с чаем и пошел на пляж. Он долго плавал, иногда становясь на какой-нибудь большой скользкий камень так, что бы вода была ему по грудь. Волны перекатывались через камень, раз за разом приподнимая и опуская Романа. Выйдя из воды, Роман подождал, когда обсохнет, поворачиваясь к солнцу то спиной, то грудью. Лежать на песке не хотелось, и он решил пройти по берегу. Надев шорты и футболку, Роман поднялся на холм.

Он шел по тропинке по-над обрывом: внизу море с шипением перекатывало гальку. Облако в небе было словно нарисовано закрученным мазком кисти, устремляясь вверх от горизонта белой дугой. Сильно припекало солнце: Роман решил искупаться в море, но спуск с обрыва неожиданно привел его к входу в заброшен-

ную каменоломню. Из земли выступали края огромных мегалитических плит: на двух, как в Стоунхендже лежала третья.

В Романа проснулся дух исследователя: когда он вошёл в каменоломню, то представил себя на месте своего далекого предка из каменного века, по-хозяйски осматривающего пещеру: жилплощадь с улучшенной планировкой. Роман сразу почувствовал облегчение: здесь было прохладно! Из-за булыжников на полу ступать приходилось осторожно, среди коридора шли две канавки, видно от колес повозок, на которых рабочие вывозили камни. На белых стенах углем кто-то нарисовал солдата с ружьем, профиль женщины, якорь, и написал: «Избавь меня, боже, от ак-манайской скалы», под надписью стоял год 1893. Метров через двадцать стало совсем темно, Роман достал фонарик из кармана: хорошо, что не выложил его утром, фонарь пригодился! Теперь Роман обращал внимание на стрелки и другие знаки на стенах, стараясь их запомнить, чтобы не заблудиться. Впрочем, он не собирался далеко заходить, свернув в боковой проход, он попал в большой зал: в слабом свете фонарика Роман даже не видел потолка этого помещения. Он пересек зал с горой бута и щебня в середине, хотел вернуться, но заметил на стене стрелку и надпись «вода» над ней. Ему хотелось пить, и он решил пойти по стрелке. Он сделал несколько поворотов и увидел колодец. Роман спустился по ступенькам к воде и зачерпнул её рукой: она была очень холодная, но приятная на вкус.

На выступе стены стоял огарок свечи. Вот и освещение, подумал Роман, просто квартира со всеми удобствами. Любопытно, кто оставил свечку: рабочие добывавшие известняк или красноармейцы, воевавшие в катакомбах? В пользу второй версии говорила найденная Романом расплюснутая жестянка с куском гофрированного шланга: все, что осталось от противогаса. Интересно, что ему ещё подарит подземелье? Через узкий лаз Роман проник в другой коридор. Теперь он чувствовал себя настоящим поисковиком. Он свернул в один проход, потом во второй. Вдруг в свете фонаря Роман увидел на полу гильзу от винтовочного

патрона. В этом месте шёл бой! У защитников Брестской крепости, скрывшихся в катакомбах, была хотя бы надежда, что скоро Красная армия придет им на помощь, а в этих каменоломнях отбивающиеся от немцев бойцы наверняка понимали свою обреченность.

Дальше Роман ждала еще одна находка: на полу лежала ржавая солдатская каска пробитая осколком. Возможно, где-то здесь под каменной насыпью покоятся останки красноармейца. Роман посветил фонариком на стену: нет ли какой-нибудь надписи, но в луч света попали только прикрепленные к потолку черные груши летучих мышей. Роман поднял каску, сдул пыль и положил её на выступ стены: вечная память герою!

Пора на поверхность, решил он, там солнце и море, он уже достаточно охладился. Роман снова протиснулся в лаз и пошёл назад к колодцу. Фонарь стал светить слабее: садилась батарейки. Надо торопиться. Роман сделал еще несколько шагов: коридор разветвлялся. Странно! Здесь Роман не был, значит, он выбрал не тот лаз. Спокойно, сказал себе Роман, сейчас он вернется к каске и пойдет знакомой дорогой. Но каски Роман тоже не нашёл. Он пролез в один лаз, потом в другой и понял, что заблудился. Плохо, подумал Роман, но в каменоломне есть другие выходы, главное, чтобы батарейки совсем не разрядились. Меловые стены поглощали звук: его шаги были едва слышны, зато ему послышалось за поворотом какое-то шуршание и вздох. Роману стало не по себе: может быть, это неуспокоенная душа? Но он отогнал от себя эту мысль: призраков ему еще не хватало. Наверно, пролетела летучая мышь, а он себя потусторонним миром пугает. Конечно, в историю он попал неприятную: заблудился в каменоломне! Что сказать: увлекся, не стоило так далеко заходить. Но ничего, выберется, жалко свечки у него нет, посмотреть, куда пламя сквозняк отклоняет и в том направлении идти. Кстати, он где-то читал, что если все время держаться рукой за одну стенку в лабиринте, то обязательно выйдешь. Но смотря, какой размер подземелья. Так что это полная чушь!

Иногда Роману казалось, что он видит среди щебня выбеленные временем верхушки черепов, обычных в катакомбах, порой вообще набитых костями мертвецов, но Роман подходил ближе: «черепами» оказывались белые круглые валуны. Впереди забрезжил свет, и Роман обрадовался: неужели выход. Но через несколько шагов коридор привел его в комнату: в ней находились нары, стулья и стол. На стол горела свеча. Впрочем, Роман не смог как следует разглядеть обстановку: в комнате был полумрак. К тому же его внимание сразу привлекла к себе, сидевшая за столом, сгорбленная старуха с серебряной прядью седых волос. Это Смерть, подумал Роман, уже явилась за ним! Хотя возможно эта комната постоянное место её обитания. Роман отогнал от себя эту мысль: что за глупости! Но тут же услышал, как кто-то выругался вдалеке по-немецки: «Шайсе», а потом ещё: «Фердамтэ шайсе». С ума сойти! Последний раз немцы были здесь в 41-м году. Возможно, он действительно на том свете, и это немецкий солдат, погибший в катакомбах!?

Странно, однако, что он даже не заметил, как скончался: не мучился, не страдал. Видимо, когда коридор разветвлялся, он свернул не туда и угодил прямоком в Царство Мертвых, ведь недаром во всех мифах и сказках оно находится под землёй. Но может быть еще не поздно всё изменить?

— Послушайте, Смерть, — обратился Роман к старухе, — я наверно поспешил, вы сами за мной приходите. Только не торопитесь.

— Поздно, — скрипучим голосом сказала старуха.

— Может, договоримся.. предложил Роман.

— Нет, — старуха была непреклонна.

«Шайсе», — раздалось ближе.

Чёрт возьми, подумал Роман, кроме шуток, откуда здесь немец?

— Дружка своего привел, — зло произнесла старуха.

— Какого дружка? — удивился Роман.

— Свалился на мою голову, уезжай один в свою Германию.

— Почему в Германию?

— Оставь Иришку в покое, а то я тебе устрою Сталинград, мало не покажется, — старуха встала со стула. У неё был впалый рот и седые волосы на подбородке. Морщины делали её лоб похожим на тетрадь в линейку.

— А что мне, мёртвому, будет? — решил пошутить он.

— Поговори мне... — прикрикнула на него старуха.

Роман начал понимать, что его принимают за другого.

— Мне кажется, вы меня с кем-то путаете, — сказал Роман.

— С Клаусом, — услышал он женский голос. Из другого коридора появилась девушка.

— Ира, — Роман узнал воспитательницу детского сада, — вот уж не ожидал тебя здесь встретить!

— Бабушка подумала, что ты — мой жених из Германии.

Роман подошёл ближе к столу:

— А что вы здесь делаете?

— Мой дед, муж бабушки, погиб в этих катакомбах во время войны. Тут много завалов, мы искали здесь его останки, но, к сожалению, не нашли.

— А думаешь, можно найти? — спросил Роман.

— По портсигару, он хранил в нем фотографию бабушки.

— Понятно, — сказал Роман.

— Но сегодня я пришла сюда в последний раз, проститься, вечером я уезжаю навсегда с Клаусом в Германию. Я познакомилась с ним в прошлом году в Феодосии, хотя бабушка не одобряет мой выбор.

— Конечно, не одобряю! — вставила старуха.

— Поэтому она так с тобой и разговаривала, — объяснила Ира. — Бабушка, это Роман, я с ним вчера познакомилась.

— Я уже поняла, — сказала старуха Роману, — прости, милоч, зрение подвело.

— А Клаус хороший, он детскому саду игрушки подарил и останки дедушки помогал искать.

— Знаем мы эту немчуру, — проворчала старуха.

— А что это за место? — спросил Роман.

— Здесь штаб красноармейцев был, — ответила девушка.

Из коридора, по которому пришёл Роман, вырвался луч света, и в комнату шагнул высокий парень с залысинами и близко посаженными глазами.

— Вот и Клаус, — сказала Ирина. — Что случилось? — обратилась она к немцу.

— Соскучиться по тебе, — почти без акцента сказал Клаус, — не мог ждать до вечера.

Немец обнял девушку и поцеловал в щёку.

— Тьфу, — сплюнула старуха.

Роман почувствовал зависть: повезло немцу!

— Здравствуйте, — сказал Клаус старухе, та что-то буркнула в ответ.

— А это кто? — спросил Клаус, кивнув на Романа.

— Я заблудился, — ответил Роман, — хотел охладиться в катакомбах.

— Да, наверху жарко, — согласился Клаус, — нет воды?

Ирина показала на пластиковую пятилитровую бутылку:

— Пусто.

Клаус взял бутылку:

— Пойдем в колодец.

— Мы скоро вернемся, — сказала Ирина и ушла с Клаусом.

— Небось, сейчас обжиматься будут... проворчала старуха. — Связалась с фрицем, тьфу.

— Я не хочу их ждать, — сказал Роман, — покажите мне дорогу.

— Ты не спеши, — сказала старуха, — я же видела, как ты на Иришку смотрел.

— Вам показалось, — Романа мучила ревность.

— Эх, молодёжь, надо быть решительней.

— Пожалуйста, покажите мне дорогу, — ещё настойчивей попросил Роман: он хотел быстрее забыть Ирину, мало ли какую роль в придуманной ей любовной истории старуха отвела ему. Он ясно видел, что Ирина увлечена Клаусом.

— Ну хочешь, я тебе объясню, как идти, — сказала старуха.

— У меня фонарь разряжается. Лучше покажите, — снова попросил Роман,

— Хорошо, — нехотя согласилась старуха, — но я хожу медленно.

Старуха шла рядом с Романом, охая и переваливаясь на кривых ногах.

— Тут налево, — светила она фонарем, — а тут через лаз.

— Клаус, кажется, любит Ирину, сказал Роман. — Может быть, вы зря против...

— Чтоб этот Клаус сквозь землю провалился! — в сердцах сказала старуха.

— Мы и так под землёй, — заметил Роман.

Старуха хрипло засмеялась.

— Слушай, я устала, хочешь, чтоб я тебе дорогу показывала, тогда носи меня, — сказала она.

— Как?

— На закорках.

— Может, дойдете?

— Нет, милок, сил нет.

— Что ж делать?

— Я вообще могу назад вернуться, — пригрозила старуха.

— Хорошо, понесу, — согласился Роман, ему очень хотелось выбраться из катакомб.

Он нагнулся, и старуха запрыгнула ему на спину:

— Молодец, в разведку пошла бы с тобой, раненого не бросишь.

Роман потащил старуху по штреку: не тяжело, но и не сказать, что пушинку. Можно сказать, она села ему на шею. Вот попал! Отлично проводит свой отдых. Но нет худа без добра. Он не только закалится холодной водой из-под душа, но и окрепнет физически.

— Видишь стрелки на стене, иди по ним, — командовала старуха.

Пройдя метров сто, Роман остановился передохнуть: старуха сползла с его спины на пол.

— Немцы конечно много горя нам принесли, — Роман тяжело дышал. — Но нельзя всех под одну гребёнку.

— Может быть, дед этого Клауса здесь в катакомбах моего мужа газом травил?

— Сколько времени прошло, — сказал Роман.

— Я ничего не забыла.

Старуха помолчала, потом вздохнула:

— Не знаю, куда родители Иришки смотрят.

— Может быть, вы к ней в Германию поедете.

— Плевала я на эту Германию с высокой колокольни.

— Главное, Ирина будет там счастлива.

— Это ещё неизвестно: немец — тёмная лошадка.

Роман пожал плечами.

— Ну, отдохнул: подставляй спину, — сказала старуха.

Роману показалось, что ей доставляет удовольствие ехать на спине. Ему же было довольно неприятно чувствовать, как старуха морщинистой щекой прижимается к его уху.

Старуха снова взгромодилась на Романа.

Он некоторое время нёс её, наконец, впереди забрезжил свет. Роман обрадовался: он уже устал, спина болела, мышцы ног дрожали от напряжения. Старуха, можно сказать, заездила его, сделав из него лошадь.

— Выход там, — старуха слезла на землю. — Теперь не заблудишься.

— Спасибо, что проводили, — Роман с трудом разогнулся.

Давай, чеши, — старуха юркнула в боковой проход.

Роман зашагал быстрее, мечтая увидеть небо и вдохнуть полной грудью мягкий морской воздух, и каково же было его удивление, когда он после получаса скитаний со старухой по лабиринту вернулся в комнату: бывший штаб красноармейцев. Воск свечи оплыл, но огонёк горел, впрочем, пламя начинало мигать: свеча догорала.

Роман сел на стул: вот дурак, тащил старуху, столько сил потратил, оказывается, она над ним издевалась. Что же теперь делать? Вдруг Ирина и Клаус не придут: скоро он окажется в полной темноте, его фонаря надолго не хватит. Да, неприятная ситуация, подземелье не отпускает его!

К счастью, в коридоре послышались шаги и в комнату вошли Ирина и Клаус.

— А где бабушка? — спросила Ирина.

— Она согласилась показать мне дорогу, мы полчаса ходили, а в результате она спряталась, а я вернулся обратно.

— Ну, бабушка, — засмеялась Ирина, — не хочет, чтоб ты уходил.

Роман встал со стула.

— А может быть, правильно не отпускает? — он посмотрел в глаза Ирине.

Но девушка отвела взгляд.

— Пойдешь с нами, — сказала она Роману.

Она не ответила на его вопрос, но с этой минуты Роман почувствовал, что между ними установилась связь, когда объяснения возможны не только словами, но и взглядами.

Клаус пристально посмотрел на Романа, потом на Ирину, но ничего не сказал.

— Бабушка, — крикнула Ирина в темноту коридора, — ты где?

Но старуха не отозвалась.

— Нам пора, — сказал Клаус.

— Я знаю, — кивнула Ирина. — Бабушка! — крикнула она в коридор.

Ответа не было.

— Что с ней делать? — всплеснула Ирина руками.

— Упрямая старуха, — буркнул Клаус.

— Подождём немножко.

— Надо идти, — сказал Клаус.

— Я с ней не попрощалась.

— Она сама виновата. Идём, — сказал Клаус.

Ирина вздохнула и крикнула:

— До свиданья, бабушка. Я обязательно приеду через год.

Клаус, Ирина и Роман снова углубились в лабиринт коридоров: по многим из них можно было идти рядом вдвоем и даже втроем, иногда в другой коридор вели ступеньки, встречались комнаты и целые залы.

— Интересно, — спросил Роман, — по какому принципу прокладывались ходы?

— Известняк бывает разной твердости, — ответила Ирина, — например, так называемый, «синяк», его ни пила, ни молот не берет, или наоборот очень мягкий камень, который от непогоды быстро разрушается, вот камнерезчики и обходили непригодные пласты.

— А как вообще добывали камни?

— Сначала резали пилой щель до половины камня, потом в щель вставляли клин и били по нему: камень откалывался. Затем его обтесывали и увозили на волах.

— Тяжёлая работа, — сказал Роман.

— А чем ты занимаешься? — спросила Ирина.

— Я инженер, работаю в конструкторском бюро.

— Тебе нравится твоя работа?

— Мне нравится изобретать.

Стало немного светлей, Роман подумал, что это впереди выход из каменоломни, но это был большой зал с отверстием в потолке, однако Роман, столько бродивший в темноте подземелья, радовался даже полумраку.

На стене Роман увидел надпись большими буквами: «Смерть фашистам!»

— Это наверно наши солдаты оставили, — задержался он перед надписью.

Клаус пошёл дальше, а Ирина остановилась рядом с Романом и направила на надпись фонарь:

— Ещё утром никакой надписи не было, — сказала она.

Роман хотел идти дальше, но неожиданно из-за насыпи камней и щебня на секунду показалась старуха и с криком: «Получи, фашист, гранату!», бросила под ноги Клаусу «лимонку».

Роман среагировал мгновенно: он толкнул Ирину на пол и прикрыл её собой. Клаус метнулся в сторону, наскочил на гору известняка и щебня, извернулся в воздухе и тоже упал, прижавшись к полу. Все ждали взрыва: Роман вжал голову в плечи, и считал про себя: «Раз, два, три, четыре, пять», но время шло, а взрыва не было.

Наконец, Ирина прошептала:

— Тяжёлый.

Когда Роман отодвинулся в сторону: она глупо вздохнула.

— Ну? — сказала Ирина.

— Вдруг жажнет, — Роман приподнялся:

— Эй, немец, — крикнул он, — тебе ближе: посмотри.

Клаус зашевелился, чихнул и встал на ноги:

— Граната без запала.

Роман и Ирина тоже поднялись и подошли ближе: на полу лежал ржавый корпус лимонки.

— Вот даёт старушка! — воскликнул Роман.

— Ну, бабушка! — в сердцах сказала Ира.

— Шайсе! — выругался Клаус.

Роман поднялся на насыпь: старухи за ней не было.

— Удрала партизанка, — сказал он.

— Бабушка! — крикнула Ирина, — Как тебе не стыдно!?

— Что за шутки!? — отряхнул рубашку Клаус.
— Ты же знаешь, что она пережила в войну, — вздохнула Ирина.

— Всё, всё, Гитлер капут! — Клаус поднял руки и пошёл с поднятыми руками к выходу.

Вскоре тьма поредела: фонари стали не нужны. Жара на поверхности особенно чувствовалась в контрасте с прохладой подземелья, но Роман был рад свету, свежему воздуху, солёному ветру. Он кинул взгляд на море. В одном месте волна разбивалась о скалу, и брызги летели так высоко, что казалось, это настоящий фонтан. Солнце клонилось к западу, пуская во все стороны лучи, похожие на огненные следы от разлетающихся осколков. На горизонте виднелись подсвеченные закатом рваные серые облака, похожие на выстрелы из пушек дымным порошком, однако у Романа не было настроения любоваться этой небесной Бородинской битвой, он понимал, что сейчас навсегда расстанется с Ириной. Его ум лихорадочно искал предлог, чтобы отсрочить это расставание, и он придумал:

— Давайте искупаемся, — предложил Роман Ирине и Клаусу.

— Мы опоздаем на самолет, — отказался немец.

— А правда, — поддержала Романа Ирина, — давай последний раз, когда теперь искупаемся!

— Мы опоздаем на самолёт, — снова повторил Клаус.

— Десять минут, — попросила Ирина.

— Всего десять минут, — сказал Роман.

Клаус бросил на него злой взгляд.

Девушка скинула с себя платье и осталась в одном купальнике, Роман тоже разделся до плавок. И вместе они стали входить в теплое, сразу обдавшее их большой волной, море, а потом поплыли рядом.

— Спасибо, что прикрыл меня от гранаты, — сказала Ирина.

— Пустяки.

— Ты же не знал, что это только корпус.

— Не знал.

— А купаться, это предлог меня задерживать? — спросила Ирина.

— Да, — признался Роман.

— Трудно поверить, завтра в Германии буду, — Ирина легла на спину и покачивалась на волнах.

— Тебе пора?

— Еще немножко, — ответила Ирина.

Роман посмотрел на берег и увидел, что Клаус тоже разделся, вошёл в море и поплыл к ним кролем, сильно ударяя руками по воде.

Приблизившись, Клаус крикнул:

— Сколько можно ждать?!

— Уже плывем, — Ирина повернула к берегу.

Роман пыл за ней с горькой мыслью, что расставание теперь неизбежно. Он видел, как Ирина выходит из морской пены достойной соперницей Афродиты: так прекрасно было её тело с узкой талией и длинными ногами. Роман подумал, как ужасно, что он больше никогда её не увидит. Он хотел уплыть подальше от берега и плавать там до тех пор, пока Ирина и Клаус не уйдут, но его остановил крик Ирины:

— Ой!

— Что случилось? — крикнул Роман.

— Одежда пропала.

Клаус, а затем Роман вышли из воды. Их одежда была на месте.

— Это опять партизанка, — сказал Роман.

— Старая дура, совсем из ума выжила, — сжал кулаки Клаус.

— Не говори так о моей бабушке, — нахмурилась Ирина.

— Вердаммте альте (проклятая старуха), — сквозь зубы произнес немец.

— Обуви тоже нет, — сказала Ирина, — как же я пойду?

— Теперь точно на самолет опоздаем, — в сердцах сказал Клаус.

— На другом полетите, — вставил Роман.

— Их хабе кайн гельд убриг (у меня нет лишних денег), — ответил немец.

— Что он сказал? — спросил Роман.

— Денег ему жалко, — ответила Ирина.

— Ты знаешь немецкий?

— Знаю, как по-немецки «деньги».

— Знаешь что: бери мои сандалии, — великодушно предложил Роман, — я как-нибудь дойду.

Ирина бросила на него взгляд полный благодарности, Клаус, напротив, посмотрел с неприязнью.

— Спасибо тебе, — Ирина подошла к Роману и поцеловала его.

В глазах у немца мелькнула ненависть.

Роман медленно шел по тропинке, чувствуя каждый камушек босыми ногами. Поселок находился не близко, и это был тяжелый путь. Надвигалась гроза, вдалеке из тучи били белые разветвленные молнии, словно в ускоренной съемке росла корневая система могучих небесных деревьев, Роман едва не попал под проливной дождь.

Утром Роман проснулся с мыслью уехать из Каменки. Здесь он будет постоянно вспоминать об Ирине, а это невыносимо. Вот и отдохнул на Азовском море. Одно расстройство, но кто знал, что так будет? Это судьба! Он постоял под обжигающе холодным душем, потому что вчера не освежился: добравшись до кровати, сразу провалился в тяжелый сон. Переодевшись в чистое, Роман отправился в кафе, собираясь после завтрака принять окончательное решение. Но как только Роман переступил порог, он сразу видел Ирину. Она сидела за столиком и улыбалась ему.

— Вы не успели? — первое, о чём подумал Роман.

— Успели, — сказала Ирина.

— А почему ты не улетела?

— Я передумала, — ответила Ирина.

— Почему?

— Ты не догадываешься?

— Кажется, догадываюсь.

— Клаус устроил мне сцену в аэропорту: почему я тебя поцеловала? Я сказала, что с ним не полечу.

Через 9 дней на автовокзале Роман стоял у автобуса. Вместе с ним ехала знакомиться с его родителями Ирина. Их провожала бабушка. Перед тем как Роман должен был сесть в автобус, старушка подошла к нему и вложила в руку железный портсигар, тронутый ржавчиной:

— Это моего мужа, я его нашла, но Ирке не сказала, думала, пока будет искать: никуда отсюда не уедет.

© Михаил ОСТРОУХОВ

Сергей РЕДКОВ

КОВЫЛЬ

До горизонта поле морем белым,
Увидеть это чудо поспеши:
Седой ковыль свои готовит стрелы,
По ветру оперенье распушив.

Упругий стебель гнётся тетивою.
Впиваясь, в землю входят семена.
Кто научил тебя рождаться с боем?
Жестокие степные племена?

Копытами топтали, выжигали,
В крови топили росные луга.
Но травы, как и люди, выживали.
Назло завистникам, предателям, врагам.

С тех пор закат в кровавый цвет окрашен.
Но раны те затянутся к утру...
Седой ковыль, как память предков наших,
Колышется, трепещет на ветру.

СНЫ

Солнце светом лето славит,
В небе — клинья журавлей.
Ноги тонут в разнотравье,
В пряном бархате полей.

Цветом синим, жёлтым, алым
До краёв простор залит...
Под цветочным одеялом
Павший воин крепко спит.

Нет, ему сейчас не снится
Тот последний страшный бой,
Ни кровавые зарницы,
Ни снарядов жуткий вой,

Ни бойцы в порядке стройном,
Что в той битве полегли —
Сны, как в детстве, дарит воину
Мягкая постель земли.

Снится: мать качает сына,
Сквозь пургу — родная речь,
Снится всё, за что не стыдно
В жаркой схватке в землю лечь.

Игорь БУРЦЕВ

В настоящее время руководит Пироговским филиалом Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Лауреат международной премии Санкт-Петербургского Фонда профессионального образования им. Неболсина, дипломант международной Новой Пушкинской премии «За музейный подвиг». Член Тульского отделения Союза журналистов России.

КОРАБЛИ И ГЕРОИ

Традиция давать кораблям имена героев Отечества в русском флоте не так стара¹. Взглянув на корабли XVIII в., мы встретим на их корме все больше имена святых, названия городов, имена царственных особ. Лишь в 1769 г. под руководством известного тогда корабеля А. Давыдова на Соломбальской верфи, что в Архангельске, был заложен линейный корабль «Граф Орлов», а 21 сентября 1770 г., в 390 годовщину Куликовской битвы, — «Дмитрий Донской». Оба — из самой крупной (в 58 единиц!) серии 66-пушечных 3-мачтовых линейных кораблей типа «Слава России» (был заложен в Санкт-Петербурге еще в 1731 г.). Так началась флотская судьба героев Куликовской битвы.

17 мая 1771 г. «Дмитрий Донской» был спущен на воду и вошел в состав Балтийского флота. В июле-октябре того же года под командованием В. В. Сурмина корабль совершил переход из Архангельска в Кронштадт. На Кронштадтском рейде летом-осенью 1771 г. проходило обучение экипажа. В 1773 г. В. В. Сурмин был назначен командовать линейным кораблем «Св. Андрей Первозванный», а на «Дмитрий Донской» пришел П. М. Поярков, бывший командир однотипного линейного корабля «Тверь». Под его командованием 21 октября 1773 г. «Дмитрий Донской» вышел в свой первый боевой поход в составе 5-й Архипелагской эскадры контр-адмирала С. К. Грейга. Политика введения в Средиземное море русского флота (т.н. Архипелагские экспедиции) оправдывала себя в условиях шедшей с 1768 г. русско-турецкой войны². Эскадра прошла из Кронштадта через

Копенгаген, пролив Ла-Манш, Портсмут, мысы Сен-Винсент и Гибралтар к острову Сардиния. В Ливорно корабли стояли с февраля по август 1774 г. В сентябре-октябре (после окончания войны) «Дмитрий Донской» пребывал в порту Ауза. 17 октября 1774 г. эскадра контр-адмирала С. К. Грейга вышла в Россию, прибыв в Кронштадт 24 мая 1775 г. Увы, как и большинство кораблей Балтийского флота в то время, «Дмитрий Донской» простоял в Кронштадтской гавани, не выходя даже на рейд, и был разобран в 1791 г.

Прошло 16 лет. Новый корабль, названный именем Дмитрия Донского, был построен в г. Херсоне корабелом М. И. Сыровцовым в 1807—1809 гг. Это был 74-пушечный трехмачтовый линейный корабль, относящийся к типу «Анапа» (постройки также 1807 г.). «Дмитрий Донской» вошел в состав Черноморского флота и принял активное участие в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. С 1810 г. корабль базировался в Севастополе. Первым его командиром стал П. А. Адамопуло — кавалер ордена Св. Георгия IV класса, бывший командир фрегата «Счастливый», гидрограф, первый смотритель Депо карт и книг гидрографической службы Черноморского флота. 6 октября 1810 г. корабль в составе эскадры контр-адмирала А. А. Сарычева, взяв на борт десант, вышел к Трапезунду. 11 октября эскадра бомбардировала береговые батареи турецкой крепости и высадила десант. Однако десанту, ввиду численного превосходства турок, не удалось развить успех, и 17 октября эскадра сняла его с берега. 30 октября корабли вернулись в Севастополь. В 1811 г. в командование «Дмитрием Донским» вступил В. М. Михайлов. Под его командованием корабль летом 1811 г. в составе эскадры вице-адмирала Р. Р. Галла крейсировал между Варной и мысом Калиакрия,

¹ Имя Александра Невского является исключением, да и то, похоже, лишь в силу того, что он был признан святым.

² Именно 1-я Архипелагская экспедиция графа А. Г. Орлова, Г. А. Спиридова и С. К. Грейга разгромила турецкий флот при Чесме в 1770 г.

в 1812 г. находился на Севастопольском рейде для обучения экипажа, в 1813, 1814 и 1818 гг. в составе различных эскадр выходил в практические плавания. 17 мая 1818 г. корабли, находившиеся на Севастопольском рейде, посетил император Александр I. После 1818 г. сведения о «Дмитрии Донском» отсутствуют, очевидно, он был разобран.

Прошло еще 40 лет. Это были годы триумфов русского флота при Наварине и Синопе и фиаско при Севастополе. Это были годы кругосветных плаваний, полярных экспедиций, открытия Антарктиды. Но век паруса подходил к концу. Опыт Крымской войны показал, насколько мощной силой стали бомбические орудия, позволяющие разнести в щепки любой деревянный корабль (это с успехом продемонстрировали русские корабли в Синопе). В ту войну выросло и значение парусов-фрегатов. Поэтому моряки ведущих морских держав считали, что паровые фрегаты с бомбическими орудиями крупных калибров и с мощными машинами способны разгромить любой линейный флот. Не избежала этого увлечения и Россия. В 1858 г. в Нью-Йорке по русскому заказу построен 70-пушечный фрегат «Генерал-адмирал», в России же в 1858—1861 гг. построены 57-пушечный «Олег», 45-пушечный «Ослябя», 51-пушечные «Пересвет», «Дмитрий Донской» и «Александр Невский».

51-пушечный винтовой фрегат «Дмитрий Донской» был заложен 28 июля 1859 г. на верфи Галерного островка в Санкт-Петербурге и строился подполковником Карповским¹. Спущен на воду 9 сентября 1861 г., вступил в состав Балтийского флота в октябре 1862 г., исключен из списков флота 1 апреля 1872 г. В его экипаже было 705 человек.

45-пушечный винтовой фрегат «Ослябя» (экипаж — 485 человек) строился поручиком Корпуса корабельных инженеров Л. Г. Шведе под наблюдением И. С. Дмитриева на Охтенской верфи Санкт-Петербурга с 21 декабря 1858 г. по 8 октября 1860 г. В составе Балтийского флота служил до 19 октября 1874 г. В 1861 г. «Ослябя» совершил самостоятельное плавание в Средиземное море, в 1864 г. — учебное плавание в Средиземное море вместе с корветом «Витязь».

51-пушечный винтовой фрегат «Пересвет» (экипаж — 581 человек), проект которого раз-

работали полковник Ф.Т. Загуляев и поручик С. В. Большаков, был заложен в Архангельске 19 июня 1858 г. и спущен на воду в 19 июня 1860 г. В составе Балтийского флота числился до 19 октября 1874 г., когда вместе с «Ослябей» был выведен из списков флота. В 1865—1866 гг. фрегат совершил плавание в Средиземное море.

В 1863 г. «Пересвет» и «Ослябя» участвовали в Американской экспедиции С. С. Лесовского, предпринятой русским правительством для поддержки северных штатов в гражданской войне Севера и Юга. Опасаясь войны с Англией, которая была враждебно настроена по отношению к ней после Крымской войны, Россия решила использовать факт поддержки Англией мятежных южных штатов. Было решено направить две крейсерские эскадры — в Нью-Йорк и Сан-Франциско, которые показали бы готовность России поддержать демократические Соединенные штаты (Север) в борьбе с Конфедерацией (Юг). В 1-й (Тихоокеанской) эскадре контр-адмирала А. А. Попова были корветы «Богатырь», «Рында», «Новик» и клиперы «Абрек», «Гайдамак». 2-я (Атлантическая) эскадра контр-адмирала С. С. Лесовского была мощнее и состояла из фрегатов «Александр Невский», «Ослябя», «Пересвет», корветов «Варяг», «Витязь» и клипера «Алмаз». Инструкция морского ведомства предписывала 2-й эскадре скрытно двигаться в Нью-Йорк, связываясь лишь со встречными американскими судами. Если бы Англия объявила войну России, то необходимо было изменить курс и кораблям идти в назначенные для крейсерства районы Атлантического океана, которые были определены заранее. Главной задачей крейсеров считалось препятствие английской торговле и уклонение от боевых действий с вооруженными кораблями противника.

Неожиданное появление русских эскадр в Америке поразило англичан. 11 быстроходных вооруженных кораблей могли бы нанести колоссальный урон их морской торговле². Очень быстро коммерческие и политические круги Англии отказались от вмешательства во внутренние дела России и САСШ. Так лишь угроза крейсерской войны заставила Англию отступить. По сообщению корреспондента русской газеты «Неделя» П. Тверского, долгое время проживавшего в САСШ, симпатия, с которой аме-

² К тому же еще был свеж в памяти пример «Алабамы» — неуловимого крейсера южан, потребовавшего от северян снаряжения 15 боевых кораблей для его поимки.

¹ По некоторым сведениям, Н. А. Субботиним.

риканский народ относился к русскому, связана именно с тем 1863 годом. Американцы помнили о том, что когда Англия и Франция готовы были признать независимость рабовладельческих южных штатов, именно Россия прислала крейсерские эскадры в Нью-Йорк и Сан-Франциско. Их появление сделало подобный политический шаг невозможным.

Но время винтовых фрегатов и клиперов прошло. Во всем мире был взят курс на бронирование кораблей. И заложенный в 1864 г. как однотипный с винтовым фрегатом «Князем Пожарским» «Минин» в ходе строительства подвергся переделкам. Дело в том, что успех океанских переходов американских мониторов побудил англичан построить башенный низкосидящий броненосец «Кептэн», что увлекло и русское морское ведомство, решившее переделать «Минин» под башенный мореходный броненосец, каковым он и был спущен на воду в 1869 г. Однако после того, как в 1870 г. во время сильного порывистого ветра «Кептэн» перевернулся и пошел ко дну, работы на «Минине» были приостановлены. В 1874 г. морское министерство поручило адмиралу А. А. Попову осмотреть корабль и представить соображения о его дальнейшей судьбе. А. А. Попов значительно усовершенствовал его, и вступивший в строй осенью 1878 г. как броненосный фрегат «Минин» оказался одним из сильнейших крейсеров мира. Даже англичане признали, что «русским первым удалось осуществить идею броненосных крейсеров с броневым поясом по ватерлинии».

Взяв за основу «Минин», русские инженеры спроектировали два выдающихся броненосных фрегата — «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской». При меньшем водоизмещении корабли несли такое же вооружение, как у прототипа, более прочную броню, развивали скорость до 17 узлов.

«Дмитрий Донской» был заложен 9 мая 1881 г. как полуброненосный фрегат на верфи Нового Адмиралтейства в Санкт-Петербурге корабельным инженером Н. Е. Кутейниковым (по словам А. Н. Крылова, самый образованный корабельный инженер в русском флоте 2-й половины XIX в.). В ходе строительства, 10 октября 1882 г., корабль был переименован в броненосный фрегат, спущен на воду 18 августа 1883 г., а вступил в строй в 1885 г. в составе Балтийского флота. 1 февраля 1892 г. «Дмитрий Донской» был на-

значен крейсером I ранга. 17 апреля 1904 г. перечислен в состав 2-й эскадры флота Тихого океана.

К концу XIX в. Россия исчерпала ресурсы сухопутного расширения империи. Тем более, что основные империалистические державы ориентировались на активные действия в океанских просторах. Россия, не желая отставать, нацелилась на Тихоокеанский регион, особенно на Дальний Восток. Для действия в условиях достаточно большой автономии от российских баз потребовались особые корабли, очень мореходные, весьма автономные и особо мощные. Так в ходе осуществления кораблестроительной программы 1895 г. на свет появился проект броненосца «Пересвет» — своего рода компромисса между броненосцем и крейсером. Проект «Пересвета» был, по сути, развитием мощных броненосных крейсеров 70-х гг. XIX в., однако новый корабль нес более мощное вооружение (помимо бортовых 6-дюймовок ставились 10-дюймовые орудия в башнях, причем угол возвышения стволов увеличивался до 25°, что позволило превысить дальность стрельбы 12-дюймовых орудий того времени). Огромный запас угля (нормальный 1060 и полный 2060 т), снимавший проблему привязки к базам, повышенная (для броненосцев) скорость хода и прекрасные мореходные качества позволяли отправлять корабль в автономное плавание. Строительство новых русских броненосцев вызвало сильный резонанс в мире. Англия, например, в ответ на строительство «Пересветов» срочно начала постройку 6 линкоров типа «Дункан». В то же время броненосцы типа «Пересвет», как и всякий компромисс, не стали идеальными кораблями: они были слабо вооруженными и недостаточно бронированными для линкоров, а для крейсеров были слишком громоздки и тихоходны. Пожалуй, корабли этого типа могли бы стать отличными рейдерами, однако судьбой им было уготовано участвовать в сражениях флотов.

Эскадренный броненосец «Пересвет» был головным в серии из 3-х броненосцев («Пересвет», «Ослябя», «Победа»), строился В. Х. Оффенбергом на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге. Корабль был заложен 9 ноября 1895 г., спущен на воду 7 мая 1898 г., вошел в состав Балтийского флота в 1901 г. и 11 октября отправился на Дальний Восток, прибыв в Порт-Артур 5 апреля 1902 г. С 30 сентября по 2 октября 1902 г. «Пересвет» участвовал в гонках броненосцев,

в которых победил, сильно обогнав «Полтаву» и «Севастополь». В 1903 г. броненосец совершил плавание, сделав заходы в порты Японии и Кореи. 5 февраля 1904 г. перечислен в состав флота Тихого океана, 17 апреля 1904 г. — 1-й эскадры флота Тихого океана, 15 августа 1904 г. — отдельного отряда броненосцев и крейсеров в Порт-Артуре.

Эскадренный броненосец «Ослябя» строился корабельными инженерами Субботиным и Мустафиным 1-м в Новом Адмиралтействе Санкт-Петербурга. Корабль был заложен, как и «Пересвет», 9 ноября 1895 г., спущен на воду 27 октября 1898 г., вошел в состав Балтийского флота в 1901 г., затем включен в состав флота Тихого океана. Вышел в Порт-Артур из Кронштадта 25 июля 1903 г., при проходе Гибралтара получил повреждения, из-за этого сделал заход в Специю для ремонта. 31 января 1904 г. в составе отряда адмирала Виренниуса «Ослябя» пришел в Джибути, где узнал о начале русско-японской войны. Отряд получил приказ возвращаться в Кронштадт. В апреле 1904 года «Ослябя» пришел в Кронштадт и встал на ремонт. 17 апреля 1904 г. перечислен в состав 2-й эскадры флота Тихого океана.

Русско-японская война стала проверкой и техники, и стратегии, которую, к сожалению, Россия не смогла пройти. Мощные флоты ее находились большей частью в бездействии, а если действовали, то весьма unsuccessfully. Из трех «героев» Куликовской битвы один — «Пересвет» — находился в Порт-Артуре с самого начала войны.

На «Пересвете» держал свой флаг младший флагман флота контр-адмирал князь П. П. Ухтомский. В ночь с 26 на 27 января японские миноносцы атаковали стоявшие на рейде корабли. Князь Ухтомский долго не мог поверить в происходящее, несмотря на взрывы и стрельбу с других кораблей, приказал спустить вельбот и сам пошел на нем к поврежденному торпедой «Ретвизану». Только убедившись в реальности событий, он вернулся на «Пересвет» и приказал направить катера и шлюпки на помощь торпедированным кораблям. Утром 27 января при приближении японского флота к Порт-Артуру русские корабли провели артиллерийскую дуэль. На следующий день при заходе на внутренний рейд «Пересвет» сел на мель, но его быстро сняли с помощью буксиров. Около месяца русская эскадра стояла в гавани. С приездом же вице-адмирала С. О. Макарова деятель-

ность флота Тихого океана активизировалась. 27 февраля состоялся выход порт-артурской эскадры в море, 9 марта во время бомбардировки Порт-Артура японцами «Пересвет» и «Победа» открыли ответный огонь через горный массив Ляотешань и, очевидно, попали в броненосец «Фудзи», после чего японцы прекратили стрельбу и отошли от Порт-Артура. 13 марта во время выхода эскадры «Пересвет» ударил форштевнем в кормовую часть броненосца «Севастополь». Оба корабля получили повреждения, и эскадра вернулась в гавань. 31 марта вице-адмирал С. О. Макаров вывел эскадру в море, держа флаг на броненосце «Петропавловск». При выходе из гавани «Пересвет» сел на мель и отстал от общего строя. Когда он присоединился к эскадре, «Петропавловск» повернул назад и внезапно подорвался на mine, затонув в течение нескольких минут. Среди погибших 682 человек были С. О. Макаров, начальник его штаба контр-адмирал М. П. Молас и художник-баталист В. В. Верещагин. В командование эскадрой вступил контр-адмирал П. П. Ухтомский, приказавший построиться в кильватер за «Пересветом». В ходе перестроения броненосец «Победа» также подорвался на mine и, приняв 550 т воды и получив крен 6° на правый борт, застопорил ход. Считая, что атакованы подводной лодкой, корабли в панике открыли стрельбу по воде. «Победу» встретили буксиры и отвели ее в Восточный бассейн для ремонта.

После гибели вице-адмирала С. О. Макарова выходы эскадры в море прекратились. Японцы, пользуясь этим, высадили десант на Ляодунский полуостров и осадили Порт-Артур. Новый командующий контр-адмирал В. К. Витгефт получил приказ прорываться во Владивосток. Прорыв все откладывался из-за неготовности «Победы», наконец, 10 июня 1904 г. эскадра вышла в море. Однако при появлении главных сил японского флота контр-адмирал В. К. Витгефт приказал повернуть назад. При возвращении на mine подорвался броненосец «Севастополь».

В середине июля японцы вплотную подошли к Порт-Артуру, и башенные орудия русских броненосцев смогли вести по ним огонь. В свою очередь японцы, занявшие Волчьих Горы, начали бомбардировку Порт-Артура с суши. Решено было вновь прорываться во Владивосток, но часть орудий броненосцев «Пересвет» и «Победа» к тому времени передали на сухопутные батареи. В срочном порядке на броненосцы

установили орудия с подорвавшегося на mine крейсера «Баян». На рассвете 28 июля русские корабли вышли на внешний рейд и кильватером направились в Желтое море. «Пересвет» шел четвертым в строю броненосцев и около 12:00 первым открыл огонь по японским кораблям. Японские броненосцы обогнали русскую колонну с правого борта и начали сосредоточенно обстреливать флагманские броненосцы «Цесаревич» и «Пересвет». Внезапно «Цесаревич» вышел из общего строя и потерял управление — в результате разрыва двух японских снарядов погибли контр-адмирал В. К. Витгефт и многие офицеры корабля. Контр-адмирал П. П. Ухтомский на «Пересвете» попытался вести эскадру за собой, однако на броненосце были сбиты стеньги, что не давало возможности передавать флажковые сигналы. Попробовали привязывать флажки к поручням мостика, но с других кораблей их не было видно. В результате строй нарушился, корабли смешались, а с наступлением темноты повернули к Порт-Артуру и утром 29 июля вошли в гавань. В этом бою на «Пересвете» погибли один офицер и 12 матросов, 69 человек было ранено. Командир корабля капитан 1 ранга В. А. Бойсман получил осколочные ранения в плечо, живот и ногу, но продолжал командовать вплоть до ввода корабля в гавань. Всего в «Пересвет» попало около 40 снарядов, корабль получил две большие пробоины, были залиты погреба, минные аппараты, динамо-машины. Для того, чтобы удержать корабль от крена, командир приказал затопить отсеки междудонного пространства — «Пересвет» выровнялся и снова стал слушаться руля. Было повреждено несколько орудий, выведено из строя два котла из трех, были сбиты обе стеньги, сильно повреждены трубы, мостики, пробита навесная палуба.

После возвращения в Порт-Артур корабли вновь стали участниками обороны крепости. «Пересвет» передал на сушу три 152-мм орудия, пушек других калибров, направил на берег 103 моряка орудийной прислуги, во время штурмов свозил на берег десанты. 7 сентября японцы заняли часть Длинной Горы и получили возможность корректировать огонь своих орудий. «Пересвет» в начале сентября получил 17 попаданий 120-мм снарядов, 19 сентября — 9 попаданий 280-мм снарядов, 28 сентября — 11 попаданий 280-мм снарядов, 30 сентября — 4. Постепенно корабль разрушался. 22 ноября

японцы захватили гору Высокую, с которой начали буквальный расстрел русских кораблей. 23 ноября был засыпан снарядами «Ретвизан», 24 ноября — «Пересвет», на котором начался сильный пожар. Капитан 2 ранга Дмитриев приказал открыть кингстоны, и броненосец затонул. В ночь на 20 декабря 1904 г., перед сдачей Порт-Артура японцам, по приказу командования затопленные в гавани корабли подорвали. Однако это не помешало японцам поднять их, отремонтировать и ввести в состав своих ВМС. 29 июня 1905 г. «Пересвет» был поднят, отремонтирован в Порт-Артуре, Сасебо и Йокосуке, перевооружен с установкой 16 японских 76-мм орудий. Броненосец был переименован в «Сагами» (древнее название японской провинции Канагава) и в апреле 1908 г. включен в состав Императорского флота в качестве корабля береговой обороны 1 класса. Уже 17 августа 1905 г. броненосец участвовал в торжественном параде японского флота по случаю окончания войны. В 1914 г. «Сагами» активно участвовал в ходе осады германской базы Циндао в Китае.

В начале 1916 г. наряду с другими бывшими русскими кораблями «Пересвет»-«Сагами» был выкуплен у Японии за 7 млн. йен, 21 марта 1916 г. прибыл во Владивосток и 24 марта зачислен в состав русского флота в качестве крейсера. После капитального ремонта корпуса и механизмов корабль вышел из Владивостока в Кольский залив. 22 декабря 1916 г. в Средиземном море при выходе из Порт-Саида под охраной английского конвоя «Пересвет» подорвался и затонул на mine, выставленной германской подводной лодкой U-73, хотя современники не исключали возможность диверсии. На кладбище в Порт-Саиде погибшим морякам был установлен памятник...

Броненосец «Ослябя» и крейсер «Дмитрий Донской» в составе 2-й Тихоокеанской эскадры дошли до Цусимы. «Ослябя» был флагманским броненосцем 2-го броненосного отряда под флагом младшего флагмана контр-адмирала Д. Г. Фелькерзама, «Дмитрий Донской» шел в отряде крейсеров. 2 октября 1904 г. 2-я эскадра вышла из Либавы на Дальний Восток. В Танжере отряд Фелькерзама направился в Средиземное море, а «Ослябя» с отрядом вице-адмирала З. П. Рожественского совершил переход вокруг Африки. В Мадагаскаре отряды встретились, и контр-адмирал Фелькерзам снова поднял свой флаг на броненосце. Поход по разным причи-

нам длился несколько месяцев. На переходе к Корейскому проливу 10 мая на борту «Осляби» скончался контр-адмирал Фелькерзам, но по приказу Рожественского личный состав эскадры об этом не был оповещен, а командовать вторым броненосным отрядом стал командир «Осляби» капитан 1 ранга В. И. Бэр.

14 мая 1905 г. броненосец возглавлял левую колонну эскадры. С появлением японского флота вице-адмирал З. П. Рожественский начал перестраивать броненосные корабли, и эскадренные броненосцы 1-го броненосного отряда стали выходить в голову левой колонны. «Ослябя» вынужденно уменьшил ход, пропуская вперед «Бородино» и «Орел». Неудачное маневрирование русской эскадры предопределило судьбу «Осляби». В 13:54, на 5-й минуте боя, по нему открыл огонь японский крейсер «Касуга», а в 13:57 крейсера «Ниссин» (1-й боевой отряд), «Идзумо», «Токива» и «Якумо» (2-й боевой отряд). Не имея полного бронирования по всей длине ватерлинии, «Ослябя» получил несколько крупных пробоин в небронированной носовой части. Один из японских снарядов влетел в амбразуру носовой башни и поразил всю оружейную прислугу. Броненосец принял много воды через пробоины, от взрывов носовые отсеки заполнились дымом, была сбита грот-стенга, трубы были сильно изрешечены осколками.

В 14:32 «Ослябя» с креном 12° на левый борт, дифферентом на нос и большими пожарами вышел из строя вправо. Крен увеличивался. Противник продолжал вести по броненосцу сосредоточенный огонь и в 14:50 «Ослябя», первый из русских броненосцев в этом сражении, опрокинулся на левый борт и, пролежав так некоторое время, затонул. Капитан 1 ранга В. И. Бэр был ранен в начале боя, но не ушел с мостика и не захотел покинуть корабль. Спасением людей занялись миноносцы «Буйный», «Бравый», «Быстрый» и буксир «Свирь». Удалось спасти 385 человек, 514 погибло.

«Дмитрий Донской» шел под командованием капитана 1 ранга И.Н. Лебедева третьим в колонне крейсеров (за «Авророй»). В начале боя 14 мая 1905 г. он прикрывал колонну транспортов с востока. В 14:30 вместе с другими крейсерами вступил в бой с 3-м (4 крейсера под командованием вице-адмирала Дева) и 4-м (4 крейсера под командованием контр-адмирала Уриу) японскими боевыми отрядами, в 15:20 к ним присоединился 6-й боевой отряд

(4 крейсера под командованием контр-адмирала Того-младшего). В 15:35 вместе с однотипным «Владимиром Мономахом» по сигналу флагмана «Дмитрий Донской» вышел из колонны крейсеров для охраны транспортов, около 16:00 вернулся в колонну крейсеров на прежнее место и дополнительно вступил в бой с 5-м боевым отрядом (3 крейсера и броненосец береговой обороны вице-адмирала Катаоки). Около 16:30 «Дмитрий Донской» ушел под защиту русских броненосцев. В это время один котел у него вышел из строя и скорость упала до 13,5 узлов.

Ночью, когда флагманский «Олег» увеличил скорость, «Дмитрий Донской» отстал. Около 22:00 на офицерском совете было решено прорываться во Владивосток, после чего крейсер повернул на северо-восток. Днем 15 мая корабль встретил сильно поврежденный миноносец «Буйный», снял с него команду и утопил артиллерийским огнем. Около 16:00 «Дмитрий Донской» был обнаружен японцами, а около 19:00 героически принял бой с 6 крейсерами и 2 истребителями 4-го и 3-го японских боевых отрядов. Сражался до наступления ночи, повредил японский крейсер «Нанива», но лишился управления и получил 15 пробоин в районе ватерлинии. Командир корабля был смертельно ранен, 70 человек было убито и 150 ранено. По приказу капитана 2 ранга К. П. Блохина экипаж был перевезен на берег о. Дажелет, а корабль затоплен утром 16 мая 1905 г. Это был последний из погибших при Цусиме русских кораблей...

Но его наименование не кануло в Лету — в 1919 г. на Каспийском море в составе белогвардейской Каспийской флотилии боевых кораблей действовал «Дмитрий Донской» под командованием капитана 2 ранга Б. М. Бушея, который участвовал в бою 16 сентября вместе с кораблями «Слав» и «Америки» с двумя советскими баржами, вооруженными шестидюймовыми орудиями, одна из которых была потоплена.

Интересная судьба выпала на долю речного катера «Пересвет», спущенного на воду в 1914 г. в Финляндии. Во время гражданской войны, в августе 1918 г., он был включен в состав Волжской военной флотилии как сторожевое судно и 20 октября переименован в «Борца за коммуны». Сторожевик участвовал в боях под Казанью и на реке Кама в августе-ноябре 1918 г., в обороне Царицына в сентябре 1919 г. В феврале 1919 г. его переименовали в сторожевое судно № 102, в мае 1920 г. катер был разоружен и вер-

нулся к мирному труду. Но в грозные годы Великой Отечественной войны в качестве тральщика Т-842 (с 24 июня 1943 г.), вооруженного 47-мм пушкой и 2 пулеметами, он проводил боевое траление на р. Волга опять в составе Волжской военной флотилии. 12 ноября 1943 г. корабль был переклассифицирован в буксировщик тралбарж Б-45, а в июне 1944 г. разоружен и возвращен Верхневолжскому речному пароходству.

После Великой Отечественной войны, на одном из совещаний в Кремле в начале 1947 г., было принято решение ускорить достройку крейсеров проекта 68К и высвободить конструкторские силы для завершения технического проекта 68-бис. Первым из крейсеров проекта 68-бис (проект А. С. Савичева, ЦКБ-17) заложили в 1948 г. «Дзержинский» в Николаеве на заводе № 444. Осенью 1948 г. в Ленинграде заложен головной корабль проекта «Свердлов». Являясь дальнейшим развитием крейсеров типа «Чапаев» (проект 68/68К), корабли типа «Свердлов» отличались удлиненным полубаком и архитектурой башнеподобной мачты. Усовершенствованные башни главного калибра МК-5бис, стабилизированные установки универсального калибра СМ-5-1, новые образцы ПУС, радиолокации и связи, возросшая дальность плавания существенно повышали боевые возможности этих крейсеров. Созданием крупной серии этих крейсеров завершилось развитие артиллерийских легких крейсеров отечественного ВМФ. Работы по постройке всей серии велись одновременно на девяти построечных местах четырех заводов: Легкий крейсер «Дмитрий Донской» был заложен в апреле 1953 г. на заводе № 194 (Адмиралтейском) в Ленинграде, спущен осенью того же года и отбуксирован на понтонах по Беломоро-Балтийскому каналу на завод № 402 в г. Молотовск (ныне — Северодвинск) для достройки. Однако в конце 50-х гг. в Кремле было принято решение о развитии ракетного вооружения и подводных сил ВМФ. Почти все недостроенные (а зачастую и готовые) надводные корабли шли «под нож». 2 сентября 1959 г. «Дмитрий Донской» был снят со строительства и исключен из состава ВМФ в связи с передачей «Главторчермету» для демонтажа и разделки его на металл. . .

Традиция называть боевые корабли именами наших героических предков не угасла в наше время. В 2000 г. по инициативе Российского военно-исторического центра при правительстве

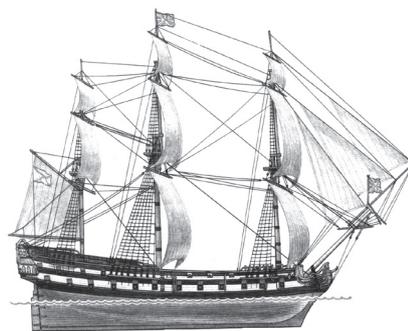
Российской Федерации, администрации Тульской области, Государственного музея-заповедника «Куликово поле» было сделано обращение к командованию ВМФ России с ходатайством о присвоении имени Великого князя московского Дмитрия Донского одному из кораблей флота. 7 октября 2000 г. вышел приказ Главкома ВМФ № 037 о присвоении наименования «Дмитрий Донской» тяжелому атомному подводному крейсеру стратегического назначения ТК-208 проекта 941У «Акула» (по классификации НАТО — «Тайфун»). Этот головной корабль проекта был заложен как атомная подводная лодка третьего поколения и модернизирован в АПЛ четвертого поколения. Тактико-техническое задание было составлено в декабре 1972 г., проект разрабатывался в ЦКБ МТ «Рубин» СКБ-18 (г. Ленинград) под руководством С. Н. Ковалева. АПЛ заложена 30 июня 1976 г. на заводе «Красное Сормово» № 112 (г. Горький), спущена на воду 23 сентября 1979 г., введена в строй 12 декабря 1981 г. на заводе «Севмаш» № 402 (г. Северодвинск). Для строительства лодки на заводе соорудили самый большой в мире эллинг. Проект 941 стал вершиной отечественных военно-морских разработок XX в., своеобразным ответом советских судостроителей на американские субмарины типа «Огайо» и программу «Трайдент». Шесть подводных лодок данного типа занесены в Книгу рекордов Гиннеса как самые большие в мире. «Дмитрий Донской» обладает самой мощной силовой установкой и самой необычной конструкцией — лодка выполнена в виде катамарана с двумя параллельными прочными корпусами из титановых сплавов, окруженными легким звукоизолирующим и противогидролокационным покрытием. Эллипсоидное сечение корпуса диктовалось ограничениями по осадке Северодвинского завода-изготовителя и баз Северного флота. Обеспечены условия пуска баллистических ракет и непотопляемость корабля в любых условиях плавания. На учениях лодка всплывала, проламывая лед толщиной 2—2,5 м. Первый командир — капитан 1-го ранга А. В. Ольховников — удостоен за освоение корабля звания Героя Советского Союза. С 1990 г. лодка проходила модернизацию. Спуск на воду произошел в июне 2002 г. В декабре 2004 г. был подписан акт о завершении ходовых испытаний. «Дмитрий Донской» — первая из атомных подводных лодок, оснащенная новейшим ракетным комплексом «Булава». Над

экипажем шефствует Федеральное агентство по атомной энергии и Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С 2007 г. на борту атомохода «Дмитрий Донской» открыта постоянно действующая выставка, посвященная великому князю московскому Дмитрию Донскому и Куликовской битве.

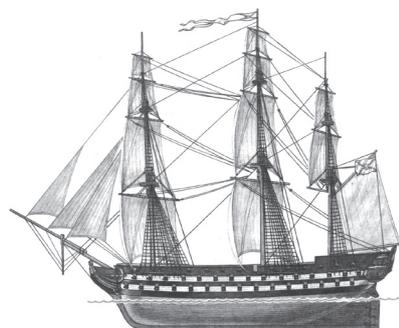
Тяжелый атомоход «Дмитрий Донской» — не единственный корабль, носящий сейчас имя героя Куликовской битвы. В январе 2006 г. приказом Главкома ВМФ России двум большим десантным кораблям (БДК) № 14 и 27 Тихоокеанского флота (проект 775/ II-III) были присвоены почетные наименования «Пересвет» и «Ослябя». Эти корабли предназначены для транспортировки и высадки на побережье десанта с боевой техникой. Они являются многопалубными кораблями с танковым трюмом. Длина БДК составляет 95 м, ширина и высота — по 4,5 м, водоизмещение — 4080 т, экипаж — около 75 человек, может перевозить десант из 190 человек и 10 единиц техники. Артиллерийское вооружение включает спаренную 57-мм артиллерийскую установку АК-725. Максимальная скорость кораблей 18 узлов, дальность автономного плавания составляет около 4000 миль. аложен на Адмиралтейском заводе (№ 778) в Ленинграде 10 июля 1968 г., спущен на воду 29 января 1969 г., вступил в строй 28 июля 1970 г., перешел в Мурманск. Водоизмещение корабля — 3350 т, длина 67,7 м, ширина 18,1 м, осадка 6,3 м, экипаж — 39 человек, был вооружен двумя 57 мм и четырьмя 25 мм пушками (сейчас вооружение снято).

При подготовке статьи использованы материалы Государственного музея-заповедника «Куликово поле», журнала «Моделист-конструктор» (1971—1973, 1977—1981, 1990—1996 гг.), сайтов «Военно-морской флот России» (<http://www.navy.su/index.htm>), «Архив фотографий кораблей русского и советского ВМФ» (<http://navsource.narod.ru/index.html>), «Военно-морская коллекция» (<http://navycollection.narod.ru/index.html>).

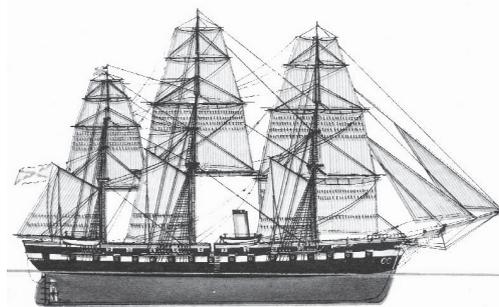
© Игорь БУРЦЕВ

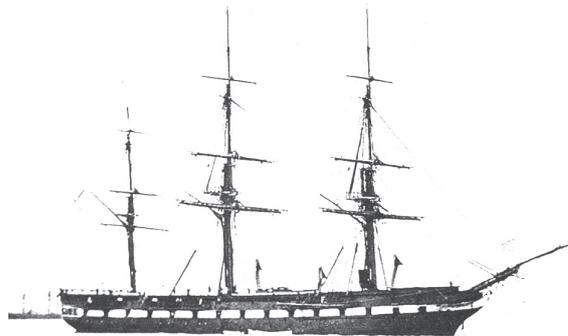
66-пушечный линейный корабль «Дмитрий Донской» (1770—1791 гг.). Балтийский флот.

74-пушечный линейный корабль «Дмитрий Донской» (1807—1818 гг.). Черноморский флот.

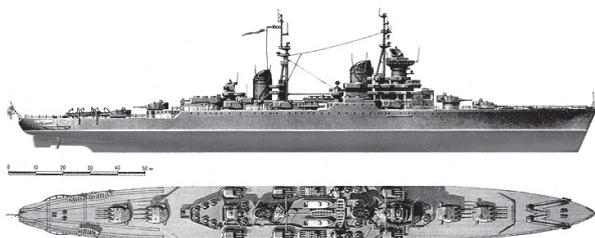
51-пушечный винтовой фрегат «Дмитрий Донской» (1861—1872). Балтийский флот.

45-пушечный винтовой фрегат «Ослябя» (1860—1874 гг.). Балтийский флот. Фото 70-х гг. XIX в.

Строительство винтового фрегата «Дмитрий Донской» на Петербургской верфи. Фото 1859 г.

Легкий крейсер «Дмитрий Донской» (типа «Свердлов»). 50—70-е гг. XX в. Балтийский флот.

Большой десантный корабль «Ослябя» (проект 775/II). Начало XXI в. Тихоокеанский флот.

Большой десантный корабль «Пересвет» (проект 775/III). Начало XXI в. Тихоокеанский флот.

Роман КАЛУПИН

«СПАСИБО ДЕДУ ЗА ПОБЕДУ!»

Вы мечтали, строили, верили,
Шли на гибель, себя не щадя...
Наши деды, ведь мы вас предали!
Неужели, все было зря?

Зря на каторгах, в тюрьмах гнили,
Согревая своей мечтой
Ледяные ветра Сибири,
За последней уже чертой,

Зря горячая, знамени цвета,
Под Москвой кровь багрила снега...
Вы для нас добывали Победу,
Отнимая ее у врага,

Все вы сделали, все одолели,
Отошли, по заслугам, ко сну...
Почему мы сберечь не сумели,
Нам завещанную страну?..

Как поверить в обман могли мы,
Как сумели нас так обвести?
Мы на ваши приходим могилы,
Чтоб сказать вам свое: «Прости!»

Перемешана с ложью правда,
В наших фильмах.

И в книгах то ж...

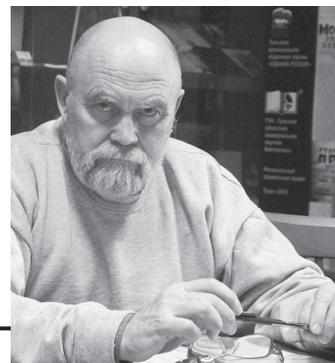
Продаются ваши награды,
За иудин серебряный грош.

Но одно утешает знание:
Будут внуки умнее, чем мы,
И вернут ваше имя и знамя,
Отвоеванные у тьмы!

© Роман КАЛУПИН

Анатолий ФИЛИППОВ

Поэт, журналист, редактор. Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Работал ведущим редактором в Приокском книжном издательстве, публиковался в центральных и местных газетах, журналах «Молодая гвардия» и «Наш современник», в альманахах, коллективных сборниках. Издал две книги стихов.

ТУЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ

1

Какие б новые громады
Не встали рядом — он сильней
И величавее армады
Пришельцев беспокойных дней.

Как богатырь седой, былинный,
Хранящий тишину застав,
Он в землю врос наполовину —
Попробуй сдвинуться застав!

Столений груз — и тот не страшен
Окаменевшему ему:
Из-под навешенных грозных башен
Он всматривается во тьму
Веков и дней... Что там он видит?
Какая новая орда
Идет на Русь? Грядет беда, —
И древний тракт конями выбит,
И верный меч из ножен вынут,
И дедов стяг на древко вскинут,
Как в легендарные года!

2

Опять над башнями твоими
Кричат и мечутся стрижи,
Как будто чертят чье-то имя —
Зачем и чье оно, скажи?

И вдруг мелькнет за их игрою
Глухая память об ином,
Руками оперенном рое —
И свиснут стрелы над кремлем,

И все, кто был погублен ими —
Народных душ немая рать,
Летит над стенами седыми,
Как будто хочет передать

Нам, что они одни лишь знают
Про нашу будущую жизнь,
И знанье их не отпускает...
Что говорят они, скажи?

Ведь их язык не понят нами!
Так почему такой разлад
Звучит в душе, когда тенями
Над иссеченными камнями
Они без усталости кружат?

3

Видел я и грознее, и строже,
Но не знаю твердыни честней:
Не от гнева народа вельможи —
Укрывался Болотников в ней.

Говорю этим стенам: «Спасибо,
Что дожили до нынешних дней,
Красоту вашей мощи и силу
Бурям времени не одолеть!»

Как ни бить им, каких направлений
Ни принять — все равно устоят
И прикроют собой твои стены
Нашу память во время осад...

Юрий КИРИЛЕНКО

Кириленко Юрий Павлович — журналист, литератор, редактор. В 1974 г. окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор книг «Этажом выше – небо», «Алмазная грань», «Палимпсесты» (белые стихи), «Попытка жить», «Немного дыма и немного пепла», «Тайна пещеры Улая». Лауреат премии журнала «Мы» за повесть «Создатель» 1990 г. (повесть опубликована в 1990 г. в этом журнале и в коллективном сборнике «Ловля бабочек и брошенный друг». – М., «Детская литература»).

ШКОЛА НАШЕГО ДЕТСТВА

Сейчас это образовательное учреждение называется гимназией № 20. А тогда, в середине 60-х годов прошлого века мы искренне гордились, что учимся знаменитой 20-й школе.

И для этого были серьёзные основания. Школа, действительно, считалась лучшей в городе. И учителя были самые лучшие. Одна легендарная Надежда Гордеевна, наша «химичка» чего стоила! На всю жизнь я запомнил химические формулы, хотя мне это никогда не пригодилось.

А руководил нашей школой тоже известный и необыкновенный человек — Геннадий Петрович Демьянов. Фронтвик, орденносец, высокий, статный мужчина, всегда чисто выбритый, одетый с иголочки, похожий на американского киноактера — по нему сходили с ума и учительницы, и старшеклассницы.

Мы очень уважали нашего директора и втайне мечтали стать похожими на него.

* * *

За одной партой я сидел с Сашей Некрытовым. А сзади нас располагались неразлучные друзья — Юра Ким и Андрей Павловский.

Павловский прекрасно знал математику и охотно давал списывать. Он вообще был человеком разносторонним. Прекрасно рисовал, причем и левой, и правой рукой. А однажды мы вместе с ним написали научно (псевдо)-фантастическую повесть. Андрей её проиллюстрировал. И учительница литерату-

ры отвела нам целый урок, чтобы мы могли прочитать классу вслух это «замечательное» произведение.

Судите сами: «Страшный чешуйчатый ящер вцепился в скафандр Рэгоры (ничего себе, имечко для героя, но такова была мода на всё иностранное) и, разорвав его (кого?), долго мучил, прежде чем съесть...» Уф-ф...

Далеко впереди всех, почти у самой классной доски сидел Лёня Жаров. Его боялись учителя и уважали одноклассники. Учителей он приводил в трепет своей безразмерной и неожиданной эрудицией, а мы уважали его за то же, плюс отличную игру в футбол и игру на гитаре. Ещё его любили наши девочки. Лёня был красив нездешней, тропической красотой: смуглое, южное лицо и шапка иссиня-чёрных волос.

Взяв на вооружение известный постулат: «Подвергай всё сомнению», Лёня именно так и делал. На уроках он язвил, хохмил, задавал парадоксальные вопросы, прерывал учителей, комментировал их рассказ и сардонически ухмылялся. Тот ещё фрукт!

Мы же завидовали Лёне. Он раньше всех попробовал вино, сигареты и прочитал «Войну и мир» (мы проверяли).

Блаженное было время! Не было Интернета, по чёрно-белому телевизору шла всего лишь одна программа. У многих людей с войны осталась привычка весь день держать включённым радио. Радиоточку, вернее.

Поэтому большую часть информации мы получали от своих учителей. И чем увлекательней вёл урок педагог, тем больше мы усваивали.

Авторитет учителей был огромный. Порой их боялись больше, чем родителей...

* * *

Память становится с возрастом избирательной — помнится лишь самое яркое...

Муки первого бритья, усугубляемые юношескими прыщами и угрями. Мы догадывались об их причине — происходило волшебное превращение мальчиков и девочек в юношей и девушек, — но с подростковой жестокостью дразнили друг друга, тыкая пальцами в эти «цветущие» места.

Популярнейшая «расшибалка», «расшиши». Азартная игра на деньги. Стопку мелких монет, в основном, копеек, пытались разбить, с силой ударяя по ней битой, как правило, свинцовой. Особым шиком считалась бита из старинной, чаще всего серебряной монеты или медали. Выигрывал тот, кому удавалось одним ударом перевернуть несчастную, битую-перебитую монетку орлом вверх.

У меня, например, битой была медаль англо-бурской войны 1899—1902 годов. Кажется, у меня её украли. Или отняли. Или выиграли.

Выигрыш был не так мал, как может показаться сегодня. Деньги были другие. Три копейки стоил проезд на трамвае, за копейку можно было выпить стакан газировки без сиропа, за шесть — съесть вкусное фруктовое мороженое. За десять — купить два пончика с повидлом или сходить на утренний сеанс в кино...

Ещё была такая игра, очень популярная на школьных вечерах и в пионерлагерях, — «ручечёк». Считалось, что пришла она из самых глубин народной жизни.

Ребята разбивались на пары — мальчик с девочкой, пары становились друг за другом — мальчики с одной стороны, девочки с другой. Подняв руки, они образовывали коридор — «берега». Первая пара расходилась вдоль «берегов», а потом, нагнувшись, проходя по коридору, каждый из пары увлекал за собой кого-нибудь из стоящих: мальчик — девочку

и наоборот. Оставшиеся в одиночестве снова проходили по коридору, брали за руку нового партнёра и так далее.

Как правило, выбирали того, кто нравится. Это были первые, робкие проявления эротизма. Девочки обычно краснели, а мальчики, чтобы скрыть смущение, часто нарочито грубили или смеялись. Чем старше мы становились, тем больше нравилась эта игра. Образовывались пары, иногда во время «ручечка» договаривались о первом свидании или объяснялись без слов...

* * *

Практически все ребята в нашем классе были личностями. Я не преувеличиваю. Кто-то из великих педагогов сказал, что все дети рождаются гениальными, но потом серая, будничная жизнь, невозможность раскрыться и развиваться глушат всё талантливое, неординарное в маленьких человечках. И они пополняют серую, безликую массу, которую так любят цари, короли, князья и руководители всех рангов...

Вот хотя бы тот же Лёня Жаров. Он стал географом, писателем, создал целую теорию семьи, одно время был литературным секретарём Евгения Евтушенко, вместе с легендарным Фарманом Салмановым искал нефть в Западной Сибири.

Худенький, неприметный Костя Пушкарский превратился в бравого полковника-десантника, многие годы возглавляет службу безопасности в одной из солидных организаций.

Огромный, мешковатый, с медвежьей грацией Володя Духанин — прекрасный художник-оформитель. Это его афиши украшали в 1970—80 годы лучшие кинотеатры города. Его школьное увлечение восточными единоборствами привело к тому, что долгие годы он был тренером по рукопашному бою омовцев и спецназовцев.

Володя Кухтин — остряк, юморист, математик, спортсмен, хоккеист — стал видным инженером-оборонщиком.

Саша Костромин — круглый отличник и гитарист — занялся малым бизнесом.

Ещё один отличник, аккуратист и красавец Лёва Строяковский возглавил крупную шахту в Ростовской области.

Друзья, «неразлейвода» Юра Ким и Андрей Павловский. Они всегда были рядом. Сидели за одной партой, вместе занимались модным тогда культуризмом, хорошо учились. Андрей руководит сейчас известным одноимённым фитнес-клубом. Юра, работая на «Тулачермете», получил тяжёлую производственную травму, стал инвалидом. И только многолетняя спортивная закалка и поддержка верного друга Андрея помогли ему не пасть духом, продолжить жизнь, воспитывать детей, писать стихи.

О Юре Колодубе можно было бы написать роман или снять фильм. Горячий, порывистый — сказывалась примесь цыганской, южной крови, — он никогда не мог усидеть на месте. Многим увлекался, бросал, переживал взлёты и падения. В школе он прекрасно рисовал. А в зрелые годы занялся художественной ковкой, делал изумительные по красоте вещи. Два ятагана его работы украшают Бостонский художественный музей в США.

Трагически оборвалась жизнь Саши Некротова. Он с детства занимался музыкой, виртуозно играл на баяне, пытался сочинять. От природы слабый, он серьёзно взялся за себя и в короткий срок буквально «вылепил» своё тело. Вместе с легендарным тульским культуристом Игорем Моисеевым и не менее легендарным каратистом Сергеем Сорбучевым, пострадавшим за своё спортивное увлечение, он стал одним из создателей первой школы карате в нашем городе.

Культуризм, как и многое в тебе годы, пришёл к нам с Запада. Так же, как и музыка «Битлз», увлечение автомобилями — чисто визуальное, по картинкам и статьям в журналах.

Но было и своё, «отечественное» увлечение. Где-то классе в седьмом мы вдруг повально стали мастерить самодельные детекторные приёмники — «детекторы». Изготавливали их из диодов, триодов, купленных в магазине радиотоваров, и собирали... в пластмассовых коробках мыльниц.

Разноцветные приёмнички неразборчиво пищали, голосили, принимали одну-единственную радиостанцию, но как счастливы и горды были мы, словно каждый из нас запустил искусственный спутник Земли!

* * *

Всё-таки мы были очень советскими людьми. Кажется, в седьмом классе всех начали поголовно принимать в комсомол.

Помню, меня это «цепануло»: почему так — скопом? Комсомол для многих из нас был овеян славой, был награждён орденами — «за Гражданскую войну», «за Отечественную войну», «за послевоенное восстановление народного хозяйства», «за целину»...

С многочисленных стендов в школе на нас смотрели весёлые симпатичные лица комсомольцев, в кинотеатрах и по телевизору шли фильмы, рассказывающие об их подвигах. «Если тебе комсомолец имя — имя крепи делами своими». Комсомол, комсомольцев, комсомольских вожаков уважали и любили. Коммунистов — уважали и побаивались: статья о «руководящей и направляющей» была в Конституции СССР.

И вот на этом бодром и благостном фоне, когда практически весь класс дружно вступил в комсомол, нашёлся один... товарищ, который вдруг, опустив по-бычьей голову и посверкивая стёклами очков, насупившись, отказался вступать в славные ряды.

В школе поднялся небольшой переполох. Нечто подобное было, когда на здании школы обнаружили нарисованную жирную фашистскую свастику. Примчались суровые товарищи из «органов», всех вызывали, допрашивали, пока не нашли «контру».

«Контра» публично раскаялась, лила слёзы, её родители стояли в сторонке, со стыдом и ужасом глядя на своё неразумное чадо. Всё обошлось. Мы всё-таки были очень советскими людьми: почти в каждой семье кто-то воевал, погиб или был ранен...

Человеком, наотрез отказавшимся вступать в ряды славного комсомола, оказался Андрей Павловский.

Наша 20-я школа была не простой. Ученики, в основном, — дети начальников и директоров. Скандал был никому не нужен. Когда мягко увещевавшая «отщепенца» классная руководительница, кажется, в сотый раз спросила:

«Ну почему, почему, Андрей?», тот ещё более насупившись, твёрдо и чётко произнёс: «Я считаю себя недостойным...»

Неловкая тишина повисла в воздухе. Машинально каждый из нас подумал: «А я — достоин?» Мало кто мог ответить честно и утвердительно. Мы лазали по заборам, покуривали, пробовали сухое вино, бегали за девочками, «зажимали» их в тёмных углах, прогуливали уроки и часто врали. Ну, какие мы после этого комсомольцы?

К тому же никто из нас ещё не совершил ни одного подвига. А уж его-то мы были просто обязаны совершить. Особенно хотелось кого-нибудь спасти на пожаре, вытащить из огня. Это смотрелось в мечтах так красиво, так романтично. Не то что спасение на водах. Однажды, став постарше, я видел спасённого утопленника. Зрелище так потрясло меня, что я, честно говоря, обрадовался, что не совершил этот замечательный подвиг...

— Я не достоин, — в сотый раз уже спокойно сказал Андрей, и мы все посмотрели на него с уважением. Вся его плотная, накачанная фигура прямо-таки дышала уверенностью в своей правоте.

Классная, наконец, вздохнула и пожала плечами. Она тоже уважала Андрея за силу и непреклонность. Ещё больше заужал Павловского и директор Геннадий Петрович.

* * *

Наши учителя... Только сейчас начинаешь понимать, сколько неприятностей, а порой и душевной боли приносили мы им.

А ведь они вкладывали в нас душу, не только знания, стремились быть нашими друзьями, даже называли нас на «вы» в старших классах.

Очень любили поспорить с нами, выслушать наши мнения, пусть не всегда верные, но зато

свои, личные. Поощряли чтение, вообще интерес к учению, к предмету. Поощряли занятия в различных кружках и секциях. Всегда были готовы позаниматься с отстающими отдельно.

Они были нашими друзьями... И это главное.

Мы, как губка, впитывали самые разные знания. Нам было интересно всё: и полёты в космос, и спуск в глубины океана, и открытия в области физики. Сейчас трудно представить, но почти все зачитывались «Наукой и жизнью», «Техникой — молодёжи». А уж действующие модели умели делать практически все мальчишки. Не без интереса читали «взрослые» газеты. Почти все писали стихи. Запоем читали художественную литературу, особенно Ремарка.

И это тоже заслуга наших учителей. Они первыми сообщали нам о новинках техники, о научных новостях, о новых журнальных публикациях...

* * *

Сегодня много говорят о ЕГЭ. Спорят, доказывают что-то друг другу. Совершенно забыв, что именно советская школа преподавания считалась в своё время лучшей в мире, что вырастила она людей, которые запускали в космос ракеты, строили заводы, совершали научные открытия...

Да, с нашей страной случилась беда. В. В. Путин назвал развал СССР величайшей катастрофой XX века.

Но это вовсе не означает, что теперь мы должны слепо копировать всё западное — от автомобилей до жвачки. «У советских собственная гордость». Необходимо сохранить всё то лучшее, что было в советской системе образования.

В этом меня убеждает личный опыт выпускника знаменитой 20-й школы.

© Юрий КИРИЛЕНКО.

Олег КАШИРИН

Каширин Олег Семёнович член Союза писателей России. Полковник в отставке, музейщик, тележурналист, автор телефильмов «Поле русской славы» и «Садовый переулок, дом 1», публиковался в журналах, сборниках, литературных альманахах, автор нескольких книг, повесть «КГБ как КГБ» отмечена дипломом конкурса ФСБ России на лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов госбезопасности.

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

Почти что более, чем за сто лет до восемнадцатого века в писцовых книгах второй половины XVI века есть упоминание о посадских кузнецах — предшественниках казённых кузнецов-оружейников. Именно их правительство постепенно привлекало к работе на казну. В 1595 году за рекой Упой была устроена кузнецкая слобода. Работали там самопальные мастера, то ядро, из которого в дальнейшем развилось тульское оружейное сословие.

15 февраля 1712 года последовал именным указ Петра I, объявленный из сената: «... для лучшего в том оружейном деле способу при той оружейной слободе, изыскав удобное место, устроить заводы, на которых можно ружья, фузеи, пистолеты сверлить и оттирать, палашки и ножи точить водою...». Таким образом, 300 лет назад, создавая казённые вододействующие заводы, Пётр I основал русскую государственную оборонную промышленность. Впрочем, об этом чуть позже.

Это событие туляки отметили в 2012 году.

В семнадцатом веке совершенствовалось мастерство самопальных мастеров, которым пришлось постоянно отстаивать свои привилегии. С переменным успехом, но всё-таки они их добивались. Во второй половине века окончательно сложилась организованная корпорация ремесленников-оружейников, обязанных работать на казну и наделённых некоторыми льготами. Оружейники сообразовали особую кузнецкую слободу. Они составили особое сословие с особыми правами и привилегиями.

Начало XVIII века ознаменовано активной деятельностью Петра Великого во внутренней и, особенно, во внешней политике. Это отразилось непосредственно на состоянии ружейного производства в Туле. Постоянно росли казённые заказы. Появилась тенденция создания оружейной мануфактуры.

Здесь выделялся известный Никита Демидов, который ещё в 1696 году построил железодельные заводы на Упе, а в 1701 году с разрешения Петра I их расширил. Предприимчивый Никита тем самым смог расширить своё производство оружия. Частная мануфактура была создана.

Война с Швецией повысила спрос на оружие. Тула обеспечивала им армию. Поэтому ход боевых действий интересовал туляков. С гордостью и любопытством смотрело население, как летом 1709 г. вели через Тулу шведов, пленённых под Полтавою. В память этой победы оружейники поднесли Петру I трёхфунтовую (76 мм) пушку, ствол которой был инкрустирован золотом и серебром.

Дальнейшие события заставили государя укреплять казённую мануфактуру, особенно ту, что работала на оборону страны. Он взял инициативу из рук хитроумного Демидова, пытавшегося подмять ружейное производство под себя. Вот тогда-то и появился знаменитый указ Петра I.

В его исполнение в 1712—1713 гг. возведены заводские строения и установлено оборудование и 10 января 1714 года завод уже начал работу.

Восемнадцатый был бурным веком в русской истории. Только правителей во главе государства сменилось шесть. Запутанные дворцовые интриги и перевороты, яркие зарубежные военные компании навсегда остались яркими эпизодами в истории России. Они у всех в памяти.

А в судьбах тульских оружейников после Петра I наиболее существенную роль сыграла Екатерина II. Особое её внимание наряду с другими «фабричными» людьми привлекли тульские оружейники. Хотя их настроения в связи с пугачёвским бунтом так и остались для историков невыясненными. Ясно одно — у власти не было особой уверенности в оружейниках. Тем более что именно в это время для них наступили трудные времена. Это заставило оружейную канцелярию дать дополнительный заказ на около десяти тысяч единиц оружия, дабы отвлечь от беспокойных событий внутри страны. Были приняты и другие организационные меры для сохранения спокойствия. Екатерина II в известном письме князю Волконскому написала: «Пожалуй держите ухо востро, о тульских обращениях слух есть, будто там между оружейными мастерами не спокойно. Я нынче там заказала 90 тысяч ружей для арсенала; вот им работа года на четыре — шуметь не станут». Эти действия оказались достаточно дальновидными. Каких либо волнений среди оружейников не произошло. Они были заинтересованы в казённой работе. Правительство устранило повод для недовольства.

После посещения Тулы Екатериной II 13—14 декабря 1775 г. было реорганизовано управление заводом и само оружейное сословие. Тем не менее, следует отметить, что она была удовлетворена состоянием работ на заводе и обещала оружейникам постоянный государственный заказ. Императрица ясно понимала государственное значение оружейного дела.

31 мая 1778 г. под её личным руководством была учреждена особая комиссия «для рассмотрения на месте состояния Тульского оружейного завода во всех его потребностях и благоизобретения средств к лучшему его устройению», которая начала свою работу 6 июля 1778 г. Комиссия по наказу императрицы должна была составить проект преобразования завода «на пользу го-

сударства, распространение оружейного дела и удовлетворение в оном упражняющихся». Наказ ставил комиссии две задачи: во-первых, улучшить самое производство оружия, во-вторых, наметить меры к тому, чтобы оружейники «по службе, работе и состоянию своему пользовались приличными выгодами и каковому бы ущербу или же тягости... не были подвержены». Он давал основную директиву — реорганизовать старое оружейное сословие таким образом, чтобы приблизить его к «городовым обывателям», к положению цеховых ремесленников, сохранив, однако, бывшие привилегии как компенсацию обязательной работы на казну.

Начало царствования Павла I сулило оружейникам большие перемены. 27 декабря 1796 г. последовал указ о передаче завода и оружейников в ведение Военной коллегии, что восстанавливало старую петровскую традицию и с производственной стороны было вполне целесообразно. Впрочем, это не ослабило борьбы казённых людей за свои права.

Начало девятнадцатого века. На императорский престол вступает Александр I. В Европе Наполеон Бонапарт ведёт многочисленные войны, направленные на подчинение европейских монархий. Россия помогает борьбе против агрессора.

Было ясно, что Наполеон готовит поход против России. В этих условиях возник значительный дополнительный спрос на оружие. В мае 1812 года настроенные патриотически оружейники, сознавая долг перед Родиной, единодушно постановили делать оружие в свободное от основных заводских работ время.

Несмотря на это правительство запоздало с мерами по снабжению армии. Только после вторжения Наполеона в июне 1812 г. в Россию, в июле последовал царский указ о выделке ежемесячно оружейниками семи тысяч ружей и шести тысяч — «вольными фабрикантами» в собственных мастерских. «Соизмеряя отечественным нуждам и усиливая рвение своё, трудились они и день и ночь, и все праздничные и табельные дни, определённые для свободы и отдохновения, употребляли на одно только дело оружия, торжествуя их в трудах, отечеству посвящаемых. Такова есть жертва

оружейников!» Так отзывался об оружейниках современник.

Требования на оружие поступали отовсюду. Завод отпускал его для воинских частей, формирувавшихся в Туле, Калуге и других городах, для московского и тульского ополчения. Значение Тулы как центра оружейного производства было огромно, и естественно, что с продвижением Наполеона к Москве правительство было сильно озабочено судьбой и завода, и оружейников.

Французские войска методически продолжали двигаться на восток. Стремительно разворачивалась массовая партизанская война. Царское правительство взяло в свои руки народный патриотический порыв.

18 июля 1812 г. был издан указ о создании ополчения в 16 губерниях, в том числе и Тульской. Население собрало до четырёх миллионов рублей на его формирование. Ополчение заняло побережье Оки для защиты губернии от вторжения наполеоновских войск.

Опасаясь за судьбу оружейного завода Александр I считая, что «Тула с знаменитым и столь для армии необходимым своим заводом в опасности», ещё в августе издал указ об эвакуации оружейников в Ижевск. Это грозило потерей главного центра производства вооружения. Личное вмешательство М. И. Кутузова её предотвратило. Армия была обеспечена оружием.

После того, как русские войска оставили Москву, Кутузов отводил Туле значительную роль в подготовке контрнаступления. В губернии было собрано восемь тысяч рекрутов. Он лично следил за поступлением оружия с завода. Всего за 1812—1814 гг. было сделано до 600 тысяч ружей.

В декабре Наполеон был разгромлен, и население Тулы вместе со всей Россией праздновало победу.

Потом были компания войны с Турцией, Крымская война. Двадцатый век начался с позорной войны с Японией; изнурительная Первая мировая бойня, Гражданская война... Но это уже темы других рассказов.

Жизнь продолжалась, и всё это время безопасность Отчизны защищало тульское оружие!

© Олег КАШИРИН

Андрей ПОЛИВАНОВ

АТАКА МЕРТВЕЦОВ

Тот бой, казалось, не кончался.
На штурм нас подняли не раз.
Кто здесь со смертью повстречался,
Лежал в траве, не видя нас.

Взрывались мины. Бил из ДОТа
Их пулемет через прицел.
Погибла тут почти вся рота,
Не знаю, кто остался цел

Но смолкли пушки. Лишь кружила
Со звоном тишина... И тут
У немцев кровь застыла в жилах:
В атаку мертвые идут!

Один, гранатой изрешечен,
Сжимал винтовку-штык в руках,
Другой, в живот осколком мечен,
Вставал на бруствер впопыхах.

Солдаты, все в смертельных ранах,
Кровь в гимнастерках запеклась,
Шли за победой утром рано!
Душа как будто вознеслась,

И немцы в ужасе кричали,
Что мертвых пуля не берет,
И дрогнул враг, и побежали!
Бог был свидетель, он не врет.

Бессмертье их в зеленом поле —
Курган, гранитная плита:
Здесь поименный список с воли
И память вечная влита

Но мертвые не знают это —
Опять идут в тот самый бой,
В то нескончаемое лето,
ГДЕ КАЖДЫЙ ВОИН СТАЛ ГЕРОЙ.

© Андрей ПОЛИВАНОВ

Сергей ТИМОФЕЕВ

Сергей Тимофеев, 30 лет, общественный деятель, журналист, главный редактор общественно-политической газеты Тульской области «Кимовская газета». Образование высшее. Публиковаться начал в газете «Тульская правда» в возрасте 17 лет. С 2015 года — корреспондент газеты «Молодой коммунар», автор цикла статей по дореволюционной истории Тулы и Тульской губернии.

В НАДЕЖДЕ НА ТЕРМИДОР

Шел второй месяц со дня ареста министров Временного правительства Российской республики. Тула оставалась верной несуществующей власти — *«триумфальное шествие большевизма»* миновало город стороной. Красное зарево новой России, казалось, безуспешно светило сквозь затянутое мрачными осенними облаками небо оружейной столицы. Но ход истории неумолим. И в первые дни декабря 1917 года свинцовые тучи стали рассеиваться. . .

Результаты выборов в Учредительное собрание по Тульской губернии доказали стремительный рост популярности местной организации РСДРП(б) и полный провал меньшевиков. К тому же, большевики победили во всех воинских частях, что в деле захвата власти значило больше преимущественной поддержки крестьянами эсеров. *«Последний и решительный бой»* в тульском Совете должен был начаться со дня на день.

НЕВЕРНО ИСТОЛКОВАННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

Выборы в Учредительное собрание оставили у тульской буржуазии, духовенства и прочих, не приемлющих большевизма граждан, двоякое чувство. Верная низложенному правительству Тула отдала за ленинцев голосов больше, чем многие из присягнувших Смольному горю и губернии. В то же время, в масштабах

страны правые эсеры и центристы получили в Учредительном собрании, которое вот-вот должно было собраться на первое заседание, более половиной мандатов, что означало в скором времени формирование не однородно большевистского, а нового коалиционного правительства. Хотя, в любом случае, правительства социалистического.

Так на что же надеялась буржуазия, в том числе ее тульские представители, совершая в России Февральскую революцию, а главное, пожимаемая ее плоды? Публикация в газете «Тульская молва» от 25 ноября (8 декабря) 1917 года проливает некоторый свет на этот вопрос.

«В тот тяжелый момент нашей истории, который мы переживаем, — говорилось в статье «Исторические письма», — когда родине нашей грозят тысячами опасностей со всех сторон, когда неприятель стоит в ее пределах, когда внутри ее происходит ожесточенная борьба между партиями, доходящая до кровавых столкновений, — в такое время бывает интересно и поучительно оглянуться назад и посмотреть, как протекали революции в других странах, опередивших нас в этом отношении».

Сообразно моде того времени, автор обращает взор читателя на Французскую революцию, еще каких-то восемь месяцев назад вдохновлявшую массы в Петрограде и Москве на решительное выступление против абсолютизма. И вправду, события более чем вековой

давности повторялись в России с завидным сходством, да и в ускоренном виде.

От взятия Бастилии до провозглашения Первой французской республики прошло больше трех лет, наша страна прошла этот путь за пять месяцев. Правда еще через полсотни дней — к власти пришли русские «якобинцы» или «монтаньяры» — большевики. Но и это не страшно, ибо по законам Французской революции последних ожидала незавидная участь. Намекая на нее, «Тульская молва» продолжает свой исторический экскурс: *«После того, как монтаньяры расправились со своими противниками, в их собственной среде начался раскол. Они стали друг друга предавать революционному суду и казням до тех пор, пока глава сторонников казней (террористов) Робеспьер не был сам арестован и казнен».*

В тот период времени лидера большевиков Ленина уже называли наш Робеспьер. А события в Совете народных комиссаров, связанные с демаршем некоторых видных революционеров Каменева, Рыкова, Милютина, Зиновьева, Ногина и других, косвенно свидетельствовали о расколе в рядах русских «монтаньяр» (большевиков). Так что надежда все еще имела основания не умирать, памятуя о том, что, в конеч-

ном счете, любимая Французская революция окончилась реставрацией монархии!

«После падения Робеспьера все угнетавшиеся им партии подняли голову и в свою очередь стали подавлять крайних и их сторонников, — продолжал повествовать человек под псевдонимом «А. Ш.». — Революция, напугавшая все общество и утомившая его, пошла на убыль. Была выработана новая конституция, но и на этом движение назад не остановилось. Эта конституция постоянно нарушалась, а поднявшие голову сторонники восстановления монархии делали все бóльшие успехи, пока в конце концов не выдвинулся популярный генерал революционной армии Наполеон Бонапарт, захвативший посредством разгона законодательных палат себе власть и через несколько лет объявивший себя императором французов.

Революция окончилась восстановлением монархии», — подытоживает автор, вселяя оптимизм в безнадежное дело русской буржуазии и колеблющейся интеллигенции. Мог ли представить кто-нибудь из них, что русский Наполеон будет грузином, а долгожданный термидор (месяц по календарю революционной Франции, когда пали якобинцы. — С. Т.) увидят лишь их внуки или правнуки.

Красная власть и белый хлеб

ЗАРИСОВКИ ИЗ ПРОШЛОГО

А пока властители дум рассуждали о судьбе большевиков и будущем Отчества, за их «кремовыми шторами» продолжала царить и властвовать разруха, порожденная войной и революцией. Вот только некоторые сообщения столетней давности из газеты «Тульская молва» о жизни туляков в последние дни двоевластия.

Отсутствие продуктов: «В городе нет мяса, масла, яиц, соли и других необходимых жизненных продуктов. Торговцы совершенно не хотят закупать этих продуктов, или вернее не могут, так как опа-

саются, что, купив товар по одной цене, их заставят продавать по другой.

Отсутствие продуктов грозит неисчислимыми бедствиями. . . »

Спичек нет: «В городе с рынка пропали спички. Многие лавки, вместо спичек, торговали „нетом“».

Вместо парты — «хвост»: «. . . В последнее время во многих средне-учебных заведениях наблюдается опоздание на уроки учеников.

Причиной этого опоздания, как говорят, служит стояние учеников в очередях перед городскими пекарнями за получением хлеба.

Между тем, с согласия городской управы, директорами гимназий выдаются ученикам

особые удостоверения на право получения хлеба вне очереди.

Публика пренебрегает этим правом...

Постовые милиционеры, вероятно, также не в курсе дела и, вместо того чтобы разъяснить публике права учеников, спокойно созерцают, как последние в тщетных попытках доказать свои права, уступая силе, становятся в хвосты на очередь, рискуя опоздать не только на первый урок, но чуть ли и не на все время занятий в школе».

Осветительный кризис: «Отсутствие керосина продолжается.

Во время же „шалостей“ электричества, получают громадные неудобства.

Так, например, вечером, когда в розыском отделении вдруг потухло электричество на 20—25 минут, все находившиеся в отделении не знали, что делать.

В этот момент на допросе находилось несколько арестованных. Только благодаря особой бдительности агентов, арестованным не удалось ускользнуть».

На железных дорогах: «... картина такая же, как и вчера. Поездов нет. Пассажиры перекечевывают с вокзала на вокзал.

Из Москвы утром пришел только один Елецкий поезд, перегруженный до невозможных размеров.

Из Курска и на Курск поездов нет.

Нет не только пассажирских, но и товарных».

Залог городского имущества: «Городская касса пуста. Все увеличивающиеся обязательные расходы и в то же время сокращение поступления сборов и налогов создали для городского общественного самоуправления чрезвычайно трудные условия работы. Продовольственные и дровяные операции потребовали затраты значительно больших средств, чем на них было отпущено. Приходилось одну операцию производить за счет другой и в результате появилась крупная задолженность, как в частные руки, так и общественным организациям. В октябре месяце дума вынесла постановление о заключении займов с правительственной гарантией на сумму 8 400 000 рублей, но вследствие возникших политических событий, гарантии представлены

не были, и надежда на получение денег таким путем отпала. Тогда возник другой проект пополнения городской кассы — путем займа у состоятельных классов, представители которых выразили готовность одолжить городу деньги, но при условии обеспечения уплаты их залогом городского имущества. Управа предлагала думе заложить имущество на 1 500 000 руб., но дума нашла эту сумму преуменьшенной и разрешила управе повысить залоговую сумму до трех миллионов рублей, сроком на три года».

В таком положении Тула оказалась на исходе рокового 1917-го года. На преодоление последствий революционной стихии уйдут годы.

100 лет назад, 7 (20) декабря 1917 года в Туле была провозглашена советская власть.

30 октября (12 ноября) 1917 года резолюция большевиков о переходе власти в Туле и Тульской губернии к советам провалилась. Меншевикско-эсеровский Совет рабочих и солдатских депутатов проголосовал против предложения Каминского. На следующий день дезориентированные петроградскими событиями депутаты от мелкобуржуазных партий устроили демарш. Большевики оказались в большинстве, что позволило им избрать председателем тульского Совета Александра Иосифовича Кауля. Это событие стало единственным успехом большевиков в оружейной столице после штурма Зимнего дворца. Больше месяца город и губерния оставались белым пятном на стремительно багровеющей карте России.

Перейти Рубикон ленинцы смогут в результате выборов в Учредительное собрание. Тула проголосует за большевиков и отправит в небытие их злейших врагов — меньшевиков, последние уступят в голосах даже кадетам. С той поры вопрос об установлении советской власти станет существовать исключительно во временном аспекте.

О ЧЕМ УМОЛЧАЛА «ТУЛЬСКАЯ МОЛВА»

Избегая ссылаться на публикации в «Тульской молве», опишем последующие события со слов историков. Дело в том, что газета, издаваемая банкиром Фортунатовым, категорически

не хотела признавать свершившейся факт — победу большевиков, упорно веруя в грядущее Учредительное собрание. Делегаты последнего тогда уже съезжались в Петроград для того, чтобы определить судьбу России на века. Чем это закончится хорошо известно.

Тем временем, в конце ноября в Туле состоялись пере выборы Советов солдатских депутатов, которые показали, что большевики достигли решающего перевеса голосов. Успешными для этой партии стали и прошедшие 2 (15) декабря выборы в Совет от мелких предприятий Тулы. Все это позволило большевикам взять под контроль Совет рабочих и солдатских депутатов.

На пленуме 7 (20) декабря 1917 года председательствующий большевик А. И. Кауль поставил на голосование предложение о переходе всей полноты власти к Совету. В знак протеста правые эсеры и меньшевики по уже сложившейся традиции покинули заседание и пошли ждать спасительного Учредительного собрания. В их отсутствие пленум принял воззвание «К рабочим, солдатам и крестьянам Тулы и Тульской губернии». С этого момента в Туле устанавливалась «одна власть, общая со всей Россией, власть Совета, власть революционных рабочих, солдат и крестьян». На пленуме был избран Военно-революционный комитет Совета во главе с А. И. Каулем и Г. Н. Каминским. Депутаты пропели «Интернационал», а туляки шагнули в новую историческую эпоху.

ОРГАН ТВЕРДОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ

Впрочем, о переходе власти к Совету р. и с. д. (рабочих и солдатских депутатов. — С. Т.) «Тульская молва» сообщала косвенно. Например, в № 3008 от 9 декабря 1917 г. опубликована заметка о панике в Тульской городской Думе. Этот орган местного самоуправления оказался теперь не у дел и покорно ждал силовой ликвидации.

«Вчера при очень большом стечении публики, состоялось экстренное заседание городской думы. — сообщал корреспондент газеты. — Многие ожидали каких-либо насильственных

действий над думою в связи с объявлением о переходе власти в Туле к совету р. и с. д., но эти опасения не оправдались».

Участь министров временного правительства, которые, кстати, отделались легким испугом и в течение нескольких дней после ареста были отпущены на свободу, членам городской думы не грозила. Впрочем, все равно не многим из них будет суждено умереть своею смертью.

Следующее сообщение «Тульской молвы» также косвенно свидетельствовало о победе красных.

«Вчера, по постановлению совета рабочих и солдатских депутатов, местный комитет народной борьбы с контрреволюцией (главный орган сопротивления большевизму в Туле. — С. Т.) распущен...

Советом выделен военно-революционный комитет, как орган твердой революционной власти».

А дальше. Дальше по образцу и подобию петроградских товарищей. Но... с миролюбивой тульской спецификой.

ЗАПРЕТ НА ЛИСТОВКИ

Меры только что провозглашенной в Туле власти советов были на порядок гуманнее столичных. Что и естественно, так как столкновения партий здесь происходили без участия революционных солдат и матросов — исключительно силой ораторского мастерства, а не ружей и пушек.

Одними из первых решений петроградского ВРК (военно-революционного комитета. — С. Т.) было закрытие оппозиционных газет. Тульский ВРК ограничился следующими мерами: *«Вчера военно-революционным комитетом при Тульском совете р. и с. д. разослано по местным типографиям обязательное постановление, в котором владельцам и заведующим, под страхом денежного штрафа в размере 3.000 руб. или ареста до двух месяцев, запрещается принимать заказы на листовки, воззвания и другие печатные произведения, призывающие население не подчиняться и не признавать рабоче-крестьянской советской*

власти, народных комиссаров и власти советов в городе Туле и Тульской губернии».

ПОЯВЛЕНИЕ ДИКОВИНКИ

Революционная стихия, бушевавшая котрый месяц, утомила туляков. Политическая нестабильность сделалась самым стабильным из явлений своего времени.

По случаю установления советской власти торжественных собраний, как в первые дни после отречения Николая II, не было. Манифестаций тоже. Поистине историческое событие сопровождал серый, однообразный быт туляков. Слишком трудно было жить, чтобы по-прежнему надеяться на лучшее. Но кое-что все же произошло.

8 (21) декабря, на следующий день после победы большевиков в тульском Совете, в городе появился... белый хлеб. Ну и что в этом такого? — справедливо спросите вы. Как хорошо, что нам этого не понять. Вот что писала «Тульская молва»: *«Вчера в городских хлебопекарнях отпускаялся белый хлеб».*

На пешеходов, несших ковриги белого хлеба, обыватели смотрели с благоговением».

Как жалко, что дальше неуместно будет вспомнить слова из монолога Райкина про специфический вкус всего дефицитного. Война, разруха, полуголодные будни, но самое главное — совершенно неясное будущее сделали свое дело: не многие спешили полакомиться ароматными батонами.

«Казалось бы, местный житель, получив давно невиданное — белый хлеб, должен бы быть удовлетворен, — риторически вопрошал корреспондент газеты. — Но... у многих, по-видимому, были свои соображения».

Белый хлеб, во-первых, и дороже, и менее питателен, чем черный. Появление диковинки — белого хлеба — вызвало в тот же день... меновую торговлю».

Нам передают, что ковриги белого хлеба выменивались в этот день на... ржаную муку».

За ковригу белого хлеба в 10—12 фунтов давали 25—30 фунтов ржаной муки».

Каким бы критическим не был момент, а предприимчивые люди всегда найдутся».

ЧИТАЛЬНАЯ В БИЛЬЯРДНОЙ

Вместе с появлением в Туле белого хлеба анонсировалось открытие дешевой столовой — быть может, первого в городе советского общепита!

«Тульская молва» писала: *«На днях открывается дешевая столовая... в помещении бывшего трактира Тихонова на Пушкинской улице, реквизированного военно-революционным комитетом за допущение азартной игры на бильярде и за высокие цены на кушанья».*

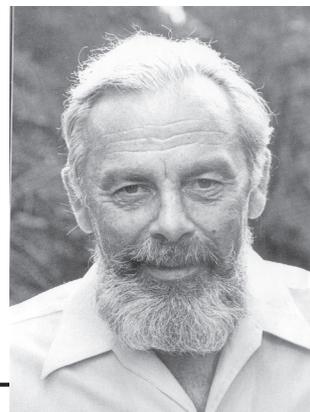
Союз служащих решил в бильярдной комнате организовать читальню для посетителей».

Вот с чего в Туле начиналась советская власть.

© Сергей ТИМОФЕЕВ

Федор ПОЛЕНОВ

Ф. Д. Поленов (1929—2000) — директор Музея-заповедника В. Д. Поленова, писатель, общественный деятель, представитель славного рода Поленовых, давшего России крупных ученых, морских офицеров, архитекторов, художников, врачей, учителей, — всегда достойно представлявших Россию. В публикуемых отрывках из книги «Родники России» («Поленово», 2004), он предстает перед нами как летописец и художник среднерусской природы,

ДОМ НАД ОКОЙ

На неоднократные вопросы — каковы мои самые первые воспоминания об этом доме — всегда затруднялся дать исчерпывающий ответ. Трудно выделить что-то. Дом настолько слит с самым началом жизни, что и сейчас не знаю — чему отдать предпочтение, у какого запоминающегося события — самая ранняя дата...

Отец мой всю жизнь занимался фотографией. Пожалуй, все-таки одно из первых впечатлений, связанных с музеем, — его фотопринадлежности, деревянные катушки с металлическими ободками. Назначение их ясно: фотопленка тогда была большой редкостью, да и пользовался отец при съемке только стеклянными негативами. Меня же эти катушки привлекали тем, что хорошо катались по полу, могли пересечь всю комнату и докатиться до противоположной стены. Помню, что катушек было много в комнате третьего этажа, которая издавна называлась «Сундучной». Там стояли сундуки с разными, порой очень привлекательными, вещами. Чтобы попасть в «Сундучную», надо было подняться по всегда темной лестнице, получившей еще в начале девятисотых годов название «Кисейный откос», в отличие от «Всегонария» — главной лестницы, которая «гоняла» постоянно вверх и вниз всех многочисленных в ту пору обитателей дома. Чаще других темной лестницей пользовалась учительница французского языка, жившая на третьем этаже. Она носила кисейные платья.

По их шуршанию в темноте знали — идет Елизавета Даниловна. Кроме «Кисейного откоса», «Всегонария» и «Сундучной», была еще «Ламповая» — тесная комнатка в проходном коридоре первого этажа. На ее полках днем стояли керосиновые лампы, которые по вечерам разносились по всему дому: электричества в те времена не было.

У дома всегда, на протяжении всей его более чем столетней жизни, было много своих названий, своих загадок, больших и малых тайн, своих символов. Все они заслуживают памяти и отдельного рассказа. Многие сохранила «Белая книга» — своеобразная летопись столетней жизни поленовского Дома; она цела и сейчас. «Белой» она была из-за цвета своей обложки. Автор одной из записей Белой книги назвал дом «маяком в жизни». Верная мысль, глубину и справедливость которой подтвердило время. Когда же меня просят назвать наиболее характерную из черт дома, отвечаю не задумываясь и сразу: его притягательная сила. Некая путеводность, сравнимая именно со светом маяка, открывшегося мореплавателю в ненастную штормовую ночь или в спокойствии тихих голубых сумерек, или в предрассветный час на краю штилевого морского простора. В основе этой притягательности — средоточие творческой мысли, общность интересов и высота стремлений.

Много разного хранит более чем столетняя история музея. Были в ней и горькие, и суро-

вые, и трагические страницы. Сейчас, на рубеже второго столетия, можно сказать определенно: дом сохранился и существует благодаря тому светлому началу, во имя которого был построен, оно было заложено, сопутствовало его судьбе на сложных и противоречивых путях бурного XX века, оно хранит дом и поныне.

Дом над Окой... В ранней юности мне пришлось с ним расстаться. В то время мне казалось — навсегда. Одиноким путником на пустынной осенней дороге — до ближайшей станции надо было отшагать восемнадцать километров проселками — я поднялся на высокий холм над долиной речки Скнижки у слияния ее с неприметной лесной речушкой Любосной. Сетью зарастающих узких тропинок был покрыт склон. Я выбрал самую короткую и прямую. Остановился на гребне холма, и, обернувшись, посмотрел назад. В слепящей голубизне погожего осеннего дня раскинулась внизу просторная долина притихшей речки. По лесам уже прошла первым заморозком ранняя осень, леса были пестрыми. Далеко-далеко по ту сторону долины маячили сизые сосновые боры, замкнувшие горизонт. Меня ждали неизведанные дороги, ждали десятки и сотни тысяч морских миль, ждали долгие годы разлуки с домом, где навсегда осталось детство.

Вскинув рюкзак со своими нехитрыми пожитками — единственное, что уносил я отсюда, не оглядываясь, зашагал на станцию. Чем-то тревожным звучал для меня всегда волнующий призыв Александра Блока «не строй жилищ у речных излучин...» Ближе были появившиеся в годы военного безвременья другие стихи:

И верю я — в наш сложный век,
Как Китеж-град для посвященного,
На чистом плесе вольных рек
Стоит далекое Поленово...

И уж совсем близкими стали, показавшиеся мне вещими, строки Антуана Экзюпери, когда, много позже, я впервые прочел их: «Был где-то парк, густо заросший темными елями и липами, и старый дом, дорогой моему сердцу. Что за важность, близок он или далек, если он не

может ни укрыть меня, ни обогреть, ибо здесь он только греза: он существует — и этого довольно, в ночи я чувствую его достоверность... Я возвращаюсь уже не из дальнего уголка парка, но с края света, и приношу с собой дыхание песчаных вихрей, терпкий запах нелюдимых далей, ослепительное сияние тропической луны! — Не знаю, что со мной творится. В небе столько звезд-магнитов, а сила тяготения привязывает меня к земле. И есть еще иное тяготение, оно возвращает меня к самому себе. Мои грезы куда реальнее, чем эти дюны, чем луна, чем все эти достоверности. Да, не в том чудо, что дом укрывает нас и греет, что эти стены — наши. Чудо в том, что незаметно он передает нам запасы нежности — и она образует в сердце, в самой его глубине, неведомые пласты, где, точно воды родника, рождаются грезы...»

Память дома над Окой, в который мне суждено было вернуться через много долгих лет, всегда была со мной. На полярных и на южных широтах. В море и на берегу. На тех дальних дорогах, которые пройдены до конца. Я счастлив, что многое увидел, обо многом услышал, многое узнал на этих дорогах.

Какой бы долгой ни была человеческая жизнь, ее никогда не хватит для того, чтобы полностью осознать величие и смысл того важнейшего, что вложено в понятие Родина. И еще я счастлив оттого, что на всех нелегких путях мне светила Красота. Ее средоточием всегда был дом над Окой.

В поздние вечерние часы тишина дома заставляет сосредоточиться, что-то вспомнить, о многом задуматься. И начало этого многого — здесь, на тропинках окского берега, так хорошо знакомых с детства.

ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

Мартовский день догорает туманной зарей. К вечеру смолкли капли, заметно подмораживает, сиренево-палевой дымкой затянута окская даль. Виснет тишина над лесом, та весенняя предвечерняя тишина, в которой безошибочно угадаешь близость равноденственного дня. Он всегда мудр, этот день. Пасмурным или солнечным он будет, тихим или ветре-

ным — какая разница? Сравнив день с ночью, он справедливо воздаст должное темноте и свету. Он вдвойне прекрасен тем, что откроет путь весне, торжеству обновления, роста, бегу шумливых ручьев. Сегодняшний вечер — его предвестие.

Замерли сосны и ели, околдованные тишиной вечернего часа; снег еще бел, лишь синеют восточные бока сугробов. И узор уходящего в чащу заячьего следа налился голубизной.

Иду по тропинке, ведущей среди сугробов к реке, и вдруг останавливаюсь, потрясенный. И долго не могу сделать ни шага, стою и смотрю. Сквозь пелену легких облаков западной стороны горизонта внезапно прорвалось уходящее солнце. Плавленным червонным золотом вспыхнуло что-то сквозь чащу соснового бора. В том-то и чудо — солнца не видно, а ярким, сказочным пламенем горит, пером жар-птицы светится сквозь еловую и сосновую хвою непонятный волшебный огонь. Что-то вещее, невысказанное, но очень Родное и очень русское есть в этих черных древесных стволах с огнем пера жар-птицы за ними. И что-то зовущее в неизведанные дали. Как в стихах Валентина Берестова: «Нашел перо, так добывай жар-птицу!».

Далеким летом сорок восьмого года на штурманской вахте в Рижском заливе довелось увидеть с крыла ходового мостика легендарный зеленый луч. Изумрудной вспышкой мигнул он над утонувшим в море солнечным сегментом. Говорят, что морякам он приносит счастье. Немало трудного счастья было на морских и земных дорогах. И было оно полноценным лишь тогда, когда в основу его ложились свершения непрерывного труда. Сегодня, глядя на это закатное пламя, я вспомнил зеленый луч. Они равноценны.

Сегодня — очередная годовщина скорби. Ровно сорок лет назад, при мартовской попытке прорыва обороны под Вязьмой, погиб мой старший брат. Несколько русских, грузина, украинца и татарина навсегда соединила братская могила в деревне Поддубье Новодугинского района Смоленской области. Тогда же и в тех же местах угасли жизни моих одно-

сельчан, друзей детства — Ванюши Саблукова, Миши Калабухова, Коли Бабкина. Места их могил не знаю. Все они были совсем юными, еще не знали жизни и верили сказкам — вчерашние мальчишки. Возраст был помножен на веру в будущее. И, бросаясь в атаку под шквальный автоматный огонь, они наверняка верили, что схватили заветное перо. А дальше — как в стихах поэта: «Нашел перо, так добывай жар-птицу!»

Добывать ее — удел нашего и следующих поколений. Добыть ее нелегко! Здесь нужны непрерывные свершения ежедневного упорного труда.

Сиреневые тона над окской далью постепенно переливаются в голубизну ранних сумерек. Постепенно тускнеет, гаснет волшебный свет за соснами. Свет, напомнивший о прошлом и так явственно позвавший в неизведанные дали будущего с его неведомым счастьем новых свершений. Каким им быть — покажет время. А сейчас, оглядываясь назад, я твердо верю, что высшее счастье человеческой жизни — стоя на родной земле, на высоком холме над Окой, дожидаться, когда за чащей потемневшего бора, прорвавшись из-за облаков, вспыхнет уходящее солнце и осветит вечеряющий мир ярким пламенем пера жар-птицы...

МОЖЖЕВЕЛОВЫЕ ЯГОДЫ

Можжевельник свалило поздним вечером. Он долго сопротивлялся порывам сырого апрельского ветра, но потом что-то хрустнуло в древесных сухожилиях его корней, и он упал, прошумев ветвями. Случилось это на четвертый день болезни деда Гаврилы.

Занемог дед Гаврила как-то сразу. Еще вечером он долго сидел на крыльце, глядя, как тонет солнце в заокских лесах, радовался установившейся погоде. В огороде на распушившихся вербах скрипели шалые от весны скворцы, на почти просохшую улицу ложились густые тени. А потом голубыми апрельскими сумерками дед залез на печь, да так уж и не слезал. Обеспокоенная бабушка Наталья грела самовар, сыпала горячую золу в литровую бутылку-грелку, растирала деда настоем бодяги — легче ему не станови-

лось. Он тихо лежал в уютных потемках своего кирпичного ложа и медленно, как бы нехотя, думал... Угасающая старческая память открывала ему прожитое, и дед Гаврила всматривался в полузабытые, траченные временем лица и события. Думал он образами, и воспоминания его были несвязны. Медленно припоминая прожитую жизнь, он смотрел на нее равнодушными глазами постороннего человека.

Светлый летний полдень с плывущими по небу стайками белоснежных кучевых облаков. Облачка снизу подбиты синевой: быть к вечеру грозе. На выгоне за деревней маленький Гаврюшка топчет босыми ногами и в знойный день прохладную полевую ромашку. На меже — границе овсяного поля, кажущегося Гаврюшке бескрайним, — растет маленький можжевельный куст. В соседней рощице монотонно считает мальчишке непрожитые годы одинокая кукушка: не подавилась еще овсяным колосом. Да и рано колоситься овсу — грива его стоит аккуратно вровень с макушкой маленького куста. «Кукушка, кукушка, сколько мне лет жить осталось?» Только спроси так — обязательно насчитает, глупая, меньше двадцати. А вот он до сотни сосчитать может и не передохнет ни разу...

Рос Гаврюшка, голубой сизоворонкой пролетало детство в зарослях орешника на берегах Оки, со сладким вкусом березового сока и стеблей полевых баранчиков веснами, с криками дроздов-рябинников и тонкой корочкой молодого льда на лужах по осени. В один из таких по-осеннему прозрачных дней послала его мать за можжевельными ветками — выпаривать кадушку под капусту. Хорошо запомнил Гаврюшка, как обрубил он отцовским топором все нижние ветви разросшегося куста, оставив тонкий прутик-ствол с кисточкой зеленой хвои на макушке. С тех пор и пошел, на диво всем, можжевельник в рост, потянулся к солнцу прямым стволом, чтобы через много лет прошуметь над овсами стройным деревом.

Засуха где-то в начале девятисотых годов: крестные ходы с водосвятием на родник за деревней, раздутые коровьи туши на отмели за

Окой — начался падеж скота. Наверное, в тот год и свила себе в густой макушке можжевельника гнездо пара маленьких горихвосток. Самка положила в него восемь крошечных белых, в крупную коричневую крапину яиц и сидела на них, грела материнским теплом будущих птенцов. В этот несчастливый год отец ушел в губернский город на заработки, а мальчишку определили подпаском в гурт богатого зареченского купца.

Еще помнит Гаврила, как незадолго до свадьбы, теплой августовской ночью, урожайной на падучие звезды, провожает он после гулянья Наташку Карпову на верхний конец деревни. Сорвется в вышине звезда, сверкнет по черному небу мимолетной искрой — и нет ее. Хочется им загадать что-нибудь, да все никак не успеть — уж больно скор полет спелой августовской звезды. А тишина вокруг такая, что нет-нет да услышишь, как в заречном селе отбивает часы колотушка ночного сторожа. Идут они полевой межей, и на редкость стройным и прямым видится им впереди ствол можжевельного дерева. Подойдешь к дереву в эту пору позднего лета — увидишь на нем нежно-зеленую завязь первых можжевельных ягод.

Еще и такое видится деду Гавриле: проволочные заграждения на замерзшем, темнеющем ольховым подлеском болоте где-то в Полесье. Змеями ползет по болоту поземка. Здесь наткнулся рядовой Гаврила Колотов с солдатами своего взвода на шесть изрубленных волчьих трупов. Рядом валялась полузанесенная снегом шашка, были рассеяны конские кости, и жутко глядел пустыми глазницами человеческий череп. На колючей проволоке остались следы одежды — лохмотья шаровар с кровавой струей казачьего лампаса. «Отбивался, сердешный», — крестясь, сказал кто-то, и солдаты снимали папахи. Всегда, думая о войне, вспоминал почему-то Гаврила этот давний случай. Красные зарева над черными лесами, неизбежная сосущая тоска по дому и ночной полет немецких аэропланов над стонущими в хрусте человеческих костей Польшей и Белоруссией. В одну из таких постылых ночей узнал Гаврила из Натальино письма о рождении сына...

А потом видит он сенокос в заливных лугах утром жаркого летнего дня. Отдыхают косцы, пробив, по обычаю, в высокой траве полукружья — начин для следующего ряда. Уже высоко стоит солнце, и от деревни гурьбой идут ребятишки, несут косцам харчи. Известные харчи у каждого: ржаные лепешки и бутылки с молоком. Издалека узнает Гаврила светлую голову своего Ванюшки.

Когда человеку перевалило за семьдесят, на долю его остаются воспоминания. Но старик не думал о прожитом, он вспоминал его, но вспоминал как-то отчужденно, словно прожито все было не им, а кем-то другим, хорошо знакомым. И только память об одном голубом июльском утре до сих пор ранила сердце, заставляя его сжиматься неумной острой болью. Провожал в то утро Гаврила сына на необычно людном дебаркадере ближней окской пристани. Провожал, чтобы никогда уж больше не увидеть... Оттесненный толпой призывников от пароходных поручней, Иван махал отцу кепкой. Надрывно прозвенел пароходный гудок, вызвав на пристани волну женского плача и причитаний.

Пароход обдал борт дебаркадера струей мятого пара, и сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее начали бить воду лопатки его колес. Смутно, как в тумане, видел Гаврила коренастую фигуру сына на пароходной корме. Кто-то из новобранцев развернул мехи ливенки, и несколько голосов подхватили песню, бросая припев с безнадежной удалью:

Эх, загулял, загулял, загулял
Парень молодой, молодой,
В красной рубашоночке —
Хорошенький такой...

Молча стоял на пристани Гаврила, обходили его посторонние люди, а пароход шел, унося песню в светлый простор окских плесов, где на пустынных отмелях одиноко маячат серые цапли. Качает пароходная волна красные и белые бакены на перекатах, колышет прибрежный камыш и уходит дальше, на новый плес, к новым берегам... На повороте пароход еще раз залиvisto свистнул, и проворно перекатили

звонкое эхо чуткие заокские леса... Давно все это было! Где-то под Курском в жарком танковом бою у станции Поныри сгорел живьем экипаж самоходного орудия во главе с командиром — гвардии лейтенантом Иваном Гавриловичем Колотовым — не найти могилы. Одна отрада у деда с бабкой теперь: внук Колька, но давно отслужил Колька действительную службу и живет с семьей в далеком городе Владивостоке. Фотография Кольки в матросской форме висит у деда в чистой горнице на тесовой перегородке — вот кого повидать бы довелось перед смертью...

С вечера пошел дождь и шел почти всю ночь. Только под утро вызвездило, и чуткой тишиной встретила ночь раннюю зорьку. С утра дед Гаврила почувствовал себя настолько легко, что слез с печи и ходил по избе. А под вечер, на закате солнца, впервые за время своей болезни вышел на улицу. Теплый весенний день догорал тихой зарей. Под плетнями, где весело зеленела молодая крапива, копилась сиреневые тени. С поля, перепаханного осенью под озимую рожь, тянуло запахом влажной земли. Опираясь на старую ясеновую палку и подволакивая правую ногу (плохо слушалась), дошел дед Гаврила до околицы и присел отдохнуть на бревна, лежавшие у плетня с осени. Потом он долго шел полевой межой, хотя идти было совсем недалеко. Силы кончались... На меже увидел поваленное дерево и, подойдя к нему, долго стоял, разглядывая густую зелень кроны. Ветви хранили свою первозданную красоту, а молодая травка оттеняла спокойные темные тона пахучей хвои. Можжевельник упал макушкой на закат, и правая сторона ствола, обращенная при жизни дерева на север, темнела наплывами старого мха.

«Вот оно, значит, как получилось», — подумал старик равнодушно и, обойдя дерево со стороны подгнившего корня, остановился и посмотрел на закат. Но заката он не увидел. Увидел теплую августовскую ночь, урожайную на спелые звезды, себя — молодым парнем, провожающим Наташку Карпову после гулянья на верхний конец деревни. Увидел и ствол мо-

лодого дерева, на редкость стройного и прямого. Увидел настолько ясно, что почему-то ощутил во рту терпкий вкус можжевельных ягод. Дед Гаврила поднял свою палку и постучал по толстому стволу. Дерево ответило чистым, сухим можжевельным звоном. Звон этот все громче раздавался в ушах, не стихая, — наполнял весь мир.

Последним, что видел в жизни дед Гаврила, были изумрудные всходы ржаной озими.

Омытая ранним весенним дождем, разбухшая первым пароходным гудком с Оки, земля буйно гнала вверх молодые всходы.

МИЛАЯ ДУША

Имя у старика было сложное — Феофилакт Мокеевич. Упрощенно — Филатмокев. Под этим-то именем он и остался в памяти всех, кто его знал. Как-то так случилось, что он совсем не запомнился мне в зимнее время, вероятно зимой больше сидел дома. Зато с ранней весны до поздней осени встретить его можно было в лугах, по берегам лесных речушек, на вырубках, полянах и просеках, но чаще всего — в лугах. На нем всегда были затасканные порыжелые яловичные сапоги, темные брюки и синяя, выгоревшая на солнце рубаха. На голове — ветхий рыжий картуз с долгим мятым козырьком. Усы тоже были рыжие от махорочного дыма. И какой-то наивно-вопрошающий взгляд очень ясных и чистых голубых глаз. Через плечо у него всегда висел холщовый мешок — для травы.

Филатмокев нигде не работал и не состоял в колхозе — по старости. Главным его занятием было собирание трав. При встрече с ним любого из односельчан разговор был всегда один и тот же: «Здорово, Филатмокев!» И — указывая на травяной мешок: «Оброк бабке несешь?» Старик степенно приподнимал над плешивой головой свой картуз и, не без достоинства, произносил: «Продналог. Милая душа, куда плетешься?» Коренному жителю наших мест ясно, что звучало это так: «Куды плетесси?» Проговорив это, Филатмокев неизменно начинал доставать из кармана брюк махорочный кисет.

«Продналог» состоял из самых разнообразных трав, которые бабка Вера сортировала с великим знанием дела, сушила и умело варила из них всякие лекарственные снадобья для людей и для скотины. Вообще, она была интересным человеком, эта бабка Вера: врачевала настоями и отварами, костоправила, то есть могла лечить вывихи и даже переломы, применяя самодельные лубки. Хорошо знала она народные приметы: в определенные часы, посмотрев на зимнее звездное небо, предсказывала весеннюю погоду, угадывала урожаи. Жили старики на отшибе, за деревней. Детей у них не было.

Неудивительно, что молва тех времен, когда бытовало такое понятие, как «продналог», считала бабку Веру чем-то вроде колдуньи. Встретить ее, например, с пустыми ведрами у всей деревни было наихудшей из примет: месяц удачи ни в чем не жди.

Удивительного нет и в том, что Филатмокев имел прозвище. Односельчане дружно называли его не иначе как «дед-травоед». За глаза, конечно. Похоже, он и правда был вегетарианцем. Во всяком случае, никакой живности, кроме кур, они с бабкой не держали.

Так и жили старики на отшибе, на косогоре за небольшим овражком у верхней слободы. И умерли как-то незаметно, в один год, незадолго до войны. Сначала бабка Вера, вскоре за ней — «дед-травоед». И, как часто бывает, только после их смерти всем стало ясно, что старики-то были безобиднейшие люди. Мало того, оказалось, что бабка Вера врачевала и людей, и скот совершенно бескорыстно. Как ни странно, это было неожиданным открытием для всех.

Почему я вспомнил Филатмокева? Да просто потому, что все стежки и тропинки, исхоженные и избеганные в детстве, то и дело пересекались с его путями. Иногда и сейчас ловлю себя на мысли, что в Гребелатовской низине, где-нибудь за Федотовским оврагом, Волчьей вершиной или у бывшего лошадиного погоста появится вдруг привычная фигура и состоится краткий, до боли знакомый разговор: «Здравствуй, дедушка Филат!» И, указав на мешок с травами: «Оброк?» Старик помедлит, припод-

нимет рыжий картуз, глянет из-под нависших седых бровей своими детски-чистыми глазами и степенно ответит: «Продналог. Милая душа, куды плетесси?..»

УЛАЙСКИЕ РОДНИКИ

Края леса не видно, но за его стеной чувствуется простор. Чувство это безошибочно. Вероятно, оно подкреплено тем, что сразу за заглохшей лесной дорогой начинается крутизна. По кручам спускается лес, вершины берез и дубов глядят из его чащи на уровне дороги. А она действительно совсем заглохла. Ездят по ней только раз в году — во время летнего сенокоса. Подорожником и мятой зарастают тележные колеи к середине лета, а по весне — гусиным луком и баранчиками. Неожиданно на проезжей части в сыром месте взметнется годовалыми побегами куст черноклена или ольхи; завесили дорогу по краям густые ветви лещины, бересклета и волчьих ягод.

Многое может открыть эта дорога человеку, впервые идущему по ней. Такого путника ждут богатства раскрытых тайн и волшебных превращений здешнего леса.

Пройти придется немного — не больше трех километров правым берегом Оки от тарусских лугов к родникам Улая, постепенно поднимаясь все выше — здесь берег нависает над рекой. Дорога выведет на широкую лесную поляну с одиноким старым дубом на ней и еле заметными следами людского селения — остатками земляной насыпи, рва и палисада. «Разбойничья усадьба» — название этого места, уходящее корнями едва ли не в позапрошлый век. Похоже на правду. Все селения верхней Оки тяготеют к свету и простору, к высоте древних городищ — здесь издавна селился человек, еще со времен неолитических стоянок. Жилье в глухом лесу — редкость, вызванная, вероятно, крайней необходимостью. Вообще любое из местных названий и прозвищ дано не зря. За каждым — память события, человека или эпохи. Пройдя через десятилетия и века, память эта становится преданием, и живет в ней поэзия, без которой не бывает на свете сказок.

«Боярина Бутурлина палаты задавили», «Окольников Иван Засекин свиным ухом подавился» — пометки, сделанные рукой Петра Первого на рапорте чрезмерно осторожного адмирала Крюйса, возражавшего против решительного морского сражения со шведами. И там же: «Боярин Стрешнев ехал в санях через Оку и вез бочонок пороху. Порох взорвало, боярину обе ноги переломило». Крюйс был приговорен Петром к смертной казни, замененной пожизненной высылкой в Казань. А к славе русского оружия прибавились блистательные победы над шведским флотом при Гангуте и Гренгаме. Так вот, как ни странно, глухие отголоски взрыва, при котором «боярину обе ноги переломило», слышны в этих местах верхней Оки и в наше время.

Ни одно место в округе не породило столько легенд, не исполнено такой таинственности, как улайские кручи правого берега Оки ниже Велегожа. И человек, идущий лесной дорогой на Улай, не сможет остаться равнодушным к истории этих мест.

Высок окский берег на Улае. Высок и труднодоступен. Само название это уводит к далеким-далеким временам удельной Руси. По одной версии дал имя окскому берегу кудеяров есаул — легендарный разбойник Улай, по другой — связано оно с татаро-монгольским игом. Одно достоверно — во времена набегов на Русь прятались тарусяне на Улае, скрывались в знаменитых некогда улайских пещерах. Следы этих разрушенных пещер можно найти и сейчас.

Высок окский берег на Улае, и далеко видно с него вокруг. И если теперь он — глухое место, то что же было здесь четыреста и больше лет назад, когда на Скниге и Мышеге было полно бобровых вотчин, а на ночной Непрядве тревожно били крыльями лебеди, вещая трудную победу московскому князю Дмитрию? Загорались костры па сторожевых холмах между Тарусой и Оболенском при приближении литовской рати князя Ольгерда, жестокой сечей встречала, пеплом и углями провожала Таруса конные тьмы Девлет-Гирея. Свидетели той давней поры — улайские кручи окского бере-

га. Спокойна Ока под кручами, спокойны в ее заводях камыши под крутым берегом...

Новая слава Улая — слава разбойничьих дел. Глухие леса за Окой надежно укроют каждого, кому тесен боярский двор и дорого приволье сырого леса с тенью вековых дубов над журчащими родниками. Преданья, живущие на Руси с XVI века, темно и глухо говорят о разбойничьем атамане Кудеяре. Нередко грозное это имя в народной памяти связывается с защитой обездоленных, с надеждой на справедливость, которую якобы несли разбойники Кудеяра. Может быть, идеализирована память об этом своеобразном Робине Гуде российских лесов, имя которого многократно повторено в различных источниках. Разно толкуется и его происхождение, но всегда упоминает легенда о том, что был Кудеяр не простого рода. Одна из версий говорит о его кровном родстве с Иоанном Грозным. Много мест связывают с именем Кудеяра. Козельский уезд, берега Жиздры, лесные просторы за Окой — места его грозной деятельности. По-видимому, побывал-таки Кудеяр и здесь. Что-то дало право церковным летописям тульского края связать его имя с Улаем. И совсем был я удивлен, прочитав там же точные сведения о Кудеяре — беглый белевский дворянин, поклонившись «государыне-пустыне» из-за притеснений знати. Летопись называет его «московским изменником». Название ближнего села Страхово принято объяснять тем, что в страхе держали улайские разбойники всю округу, страх и ужас сеяли они на некогда оживленном почтовом тракте, последний этап которого пролегал по дремучему лесу между Страховом и Тарусой. Как бы там ни было, а до сих пор можно услышать в окрестных деревнях передающийся из поколения в поколение рассказ о давным-давно затопленной в омутах под Улаем лодке с золотом — Кудеяревым кладе. Впрочем, золотой клад упоминается во многих местных преданиях и поверьях, так или иначе связанных со свидетелями древности — сторожевыми курганами за Тарусой, холмами городищ над Окой, культовыми камнями, которые нет-нет да и найдешь повер-

женными у подножия холма, бывшего в незапамятные времена языческим капищем. Не случайно, по-видимому, и упоминание лодки. Могла видеть Ока стародавних времен челны неведомых разбойничьих флотилий. Недаром и во второй половине восемнадцатого века строились помещичьи усадьбы подальше от берега из-за опасности нападения с воды. Так именно построился опальный генерал Кар, замененный Суворовым и попавший в немилость императрицы Екатерины за бегство от Пугачева.

Каменную колокольню села Карово на левом берегу Оки только и увидишь с реки над прибрежным лесом в самую высокую полуиюльскую воду. Издревле держится за Улаем слава разбойничьего места. Не только в восемнадцатом и девятнадцатом, а и в двадцатом веке пошаливали здесь на дорогах. Даже на моей памяти были нападения на почту, которую возили на лошадях в Тарусу за восемнадцать километров с ближайшей железнодорожной станции.

Тихим летним утром не шелохнутся камыши под улайским берегом, спокойно лежат на воде широкие листья кувшинок. Тишину в этот рассветный час только и нарушит говорливый родник. Хорош голавлиный клев на улайских омутах в ранние июльские утра. Тропинка ведет по берегу, прячась в ивовых кустах, выбегая на небольшие луговины, где в зарослях сочных трав до вечера гудят шмели и пчелы, а над цветами полевой ромашки, мяты и цикория вьются бабочки-махаоны. Внезапно тропинка ныряет в густые ольховые кусты, совсем закрывшие небо над головой. Продутый речными ветрами простор сменяется лесной сыростью и горьким запахом папоротника. Крутой подъем, поворот вправо, тропинка выводит к небольшому обрыву. Здесь прохладно и сыро даже в самые знойные летние дни. И никогда не смолкает голос падающей воды. В зеленоватом сумраке чащи под обрывом рождаются улайские родники. По глинистому руслу, по замшелым корням журчит прозрачная ледяная вода. Зарослями ежевики и лесной сныти надежно скрыто от глаза начало родника. Березы, вязы, ясени

и клены, могучие дубы улайских круч! Лишь вам доверил окский берег судьбу родившегося ручья...

Ручей не одинок. Под небольшим обрывом, образованным лесистым берегом, берут начало семь разных по величине родников. Совсем недолго их путь по земле — сливаясь в прибрежном овражке в один стремительный поток, падают улайские родники в Оку и пропадаются в россыпи прибрежной окской гальки. Есть нечто таинственное в начале родников, как и во всех этих местах. К ним не приложимы традиционные легенды о появлении источника, обычно связанные с падением небесного огня — ударом молнии, о котором, как о некоем указующем персте, толкуют древние поверья. В памяти людей моего поколения осталась часовенка с иконами над родником Святого колодца под Бёховом. Культурные представления и обряды — с каких же давних времен? — были связаны и с другими родниковыми ключами над Окой. Но никто никогда не поклонялся семи улайским родникам. Иначе и не могло быть на разбойничьем лесном Улае. Труднодоступными остались эти места и по сей день. Нигде не встречал я такого обилия и такой величины крупных прохладных ландышей, как на самом вершине улайских круч в пору золотистого очарования майских сумерек, когда еще не смолкли голоса улайских кукушек. И вряд ли еще где в Подмосковье найдешь такие болотные ирисы, такие нежные и неповторимые в своей завершенности цветы орхидеи — белого и желтого Венерина башмачка.

Последний подъем тропинки. Гребень горы, и на гребне — знакомая дорога к разбойничьей усадьбе. В глубоких ее колеях долго держится вода после летних ливней, а ближе к осени коричневыми тугими шляпками белых грибов бывает усыпана дорога. Всегда на Улае грибные колонии располагаются по кругу, и ведьмиными кольцами прозваны в народе такие грибные скопления. В одном из ведьминых колец на Улайской дороге насчитал я сразу двадцать семь грибов-братьев — случай, конечно, редчайший.

Много чудес встретит на своем пути человек, углубившийся в лесную глушь за этой дорогой. Сухие сосновые перелески, где в жаркую дневную пору скипидарный запах плавленной смолы мешается с едким ароматом муравьиного спирта вблизи громадных муравейников, которые встречаются только на Улае. В июле здешние вырубки, поляны и просеки красны от спелой земляники, на сочных травах лесного сенокоса настоен их воздух в безветренные дни. Впрочем, лесные поляны здесь почти не знают ветров. Вязнет порывистый ветер окских просторов в листве улайского леса — в самые ветреные дни тихо на поляне. Дальше и дальше уводит старая дорога, начинают встречаться какие-то загадочные ручейки, сырые луговинки сплошь покрыты золотом цветущих купавниц. Непроходимыми лесными чашами славятся эти места, к самой дороге подступают лесные крепи, где еще сравнительно недавно держался волчий выводок. Уже почти неразличимая, перешедшая в еле заметную тропинку, выводит дорога к Черному пруду. В воронке карстового провала, одного из многочисленных на Улае, почему-то держится вода — случай единственный и никем не объясненный. И растут могучие дубы у Черного пруда: в пору сидеть здесь Соловью-разбойнику.

Каждый год настаивается вода на дубовой листве и совершенно черной кажется на поверхности. Всегда зеркально-гладок Черный пруд, и нет в нем никакой жизни — даже жуков-плавунцов и вездесущих водомеров не встретишь, даже ряской не покрывается водная поверхность. Плохая слава у Черного пруда. Издавна связаны с ним суеверный страх и темные слухи о его колдовских чарах. Как и над многими сырыми низинами па Улае можно видеть весенними ночами колеблющиеся болотные огни над Черным прудом. Недолго идти теперь по лесной глуши — две широкие поляны пролегли как некий рубеж между болотистым местом и веселыми березняками, сбегаящими по другую сторону Улайского нагорья, к Страховской долине. Небесно-голубыми бывают обе поляны в пору цветения незабудок.

Обрывается лес, и с высоты улайского берега открывается весь плёс Оки от Тарусы до Велегожа.

Велегож... Многие объясняют происхождение его имени слиянием наречия и прилагательного в их древней транскрипции: вельми гожд, велегожд. Вряд ли это верно. В «Русской старине» более чем столетней давности удалось мне найти интереснейший дневник помещицы соседнего со Страховом села Кошкина Золотухиной — документальный памятник событий Первой Отечественной войны. Ценность этих дневниковых записей в том, что они в хронологической последовательности восстанавливают все события в округе, сопутствовавшие нашествию Наполеона. В записках Золотухиной деревня названа Велёгушь, что, конечно, больше соответствует и улайским чащобам, и произношению коренных жителей деревни, упорно не желающих делать ударение на «о», а налегающих на второе «е»: Велёгожд, а в просторечии Велёгово. Есть и еще одна любопытная запись, в которой церковная летопись дает другое название — Велеговши. «Село Велеговши расположено в лесистой местности, на полусклоне правого берега Оки, на расстоянии от города Тулы — 60 верст, от уездного Алексина — 25 верст и от станции Иваново Московско-Курской железной дороги в десяти верстах. В состав прихода, кроме села Велеговши, входят соседние деревни: Благодать, Горки, Харино и Антоновка. Общее число прихожан 423 души мужеска пола и 527 женского пола. История прихода становится известной с 1730 года, когда на месте сгоревшего, неизвестно когда построенного храма был устроен в 1731 году на средства прихожанина князя Ивана Юрьевича Трубецкого, настоящий каменный». Стало быть, велегожской церкви четверть тысячелетия! Тому, кто хоть раз побывал на ее колокольне, конечно, на всю жизнь запомнился потрясающей красоты и величия вид на Оку и заокские дали в сторону Айдарова, Ладыжина и Егнышевки. Судьба же здешнего имения и его последних владельцев — двух сестер совсем не знатной фамилии, романтична и загадочна. В девяностых годах прошлого века они принимали в своем доме какого-то случай-

ного гостя, охотившегося в здешней глуши. Был сервирован чай в гостиной, зажжены свечи, из распахнутого в вечерний сад окна неслись звуки старинных клавикордов. А наутро не оказалось ни гостя, ни обеих хозяек, исчезнувших в ту же ночь, если верить народной молве, неизвестно куда. Имение было брошено, посреди двора стоял тарантас с кожаным верхом, в котором наседка вывела цыплят, а в душной и жаркой из-за закрытых окон гостиной бились в стекла бабочки. На старых клавикордах лежали открытые ноты... Таковы давно забытые, кажущиеся сейчас наивными страницы истории прославленного Велегожа.

По обочинам лесных дорог цветут ландыши и белая ветреница. Кричит в березовом лесу иволга. Еще одна тропинка сбегает от разбойничьей усадьбы вниз, к истоку улайских родников.

Чист и звонок плеск воды улайского ручья. Лучшей музыкой для усталого путника в жаркий летний полдень звенит он из густой чащи. Так же прозрачна его вода, как прозрачен здесь воздух, промытый вчерашним дождем и просвеченный первыми солнечными лучами раннего росистого утра. Такой водой может напоить человека только родная земля.

СТРИЖ

Не поленитесь открыть «Жизнь животных» Брэма и прочесть все, что сказано там о стрижах. Вы узнаете удивительные вещи. Оказывается, примелькавшийся нам в своем стремительном полете стриж — ближайший родственник экзотического колибри. Оказывается, семейство стрижей делится на три рода и десять видов. Стрижи больше всех других птиц живут в воздухе, с утра до поздней ночи стриж пролетает свыше сотни километров, а вес его дневного рациона намного превышает вес самой птицы: он измеряется весом сотен насекомых. Нетрудно подсчитать, что за лето только одна семья стрижей уничтожает не меньше центнера крылатых губителей леса и сада. Веками заботятся стрижи о том, что мы сейчас называем экологическим равновесием и чистотой окружающей среды.

Тот, кому приходилось бывать в Сергиевском — старинной языковской усадьбе под Тулой, вероятно, заметил специальные карнизы с выемками для стрижиных гнезд, мудро предусмотренные еще в XVIII веке. Оказывается, усадебный дом в Сергиевском, помимо всех функций, присущих жилому дому, честно, непрерывно и незаметно выполняет труд столетий — продолжает очищать окрестные рощи, поля и берега Упы. Есть ли в истории архитектуры подобные примеры разумного вмешательства человека в биологические процессы? Хочется поклониться памяти строителя — «гвардии прапорщика» Ивана Александровича Языкова. Он задолго до Брэма знал, что стриж не может взлететь с земли, полет его начинается падением из гнезда.

А вот и само гнездо — образец классической простоты и завершенности. Им можно любоваться, его нужно беречь и охранять. Пусть больше таких гнезд будет под карнизами домовых крыш.

БЕЛЫЕ ФЛОКСЫ

Тихий августовский вечер, спокойный закат. В прогретом жарким днем воздухе не шелокнется березовая листва. В такие вечера долго держится над цветочными клумбами горьковато-нежный запах флоксов — терпкий аромат. Белой пеной залили флоксы ровную полукруглую площадку цветника. Пестроту мальв, однолетних георгинов, яркое пламя настурций оттенила их снежная белизна.

По тропинке идет совсем маленькая девочка, на днях ей исполнилось два года. Она только начинает познавать мир. С обеих сторон тропинка обсажена флоксами, девочка идет словно по аллее — цветы выше ее роста.

По каким только путям не поведет жизнь! Знаю — не все они будут счастливыми, на многих наверняка придется узнать разочарования и утраты. Какими будут дороги в этой всегда таинственной и загадочной стране будущего? Не скажешь...

Но на весь остаток моей жизни в памяти останется августовский вечер, в котором устой-

чивый аромат белых флоксов смешался с запахом спелых яблок, неподвижная листва берез, вечернее небо. И маленькая светловолосая девочка, уверенно идущая по аллее из белых цветов, словно добрый эльф из давно забытой детской сказки...

ЕГОР НИЛЫЧ

Так звали старика портного из деревни Бёхово, появлявшегося в нашем доме, когда, по народной примете, «леший сквозь землю проваливался» до будущей весны, устанавливалась зима, надежно ложился снег. Егор Нилыч был непревзойденным мастером своего дела. В те трудные времена он, умело перелицовывая, перекраивая, перешивая, делал из разного старья совсем новые вещи. Одним словом, как он сам говорил, «поборол всю дряхлость». Хорошо помню его руки с корявыми пальцами и кривыми ногтями. Руки много пожившего, много поработавшего человека...

И встает перед глазами давняя-давняя картина: за окном темно, при свете керосиновой лампы Егор Нилыч делает мне пальтишко из заношенной красноармейской шинели. Конечно, я — на вершине блаженства: настоящее пальто, мне, да еще из шинели! За работой старик любил разговаривать. Собеседницей его бывала моя мать. Мне в ту пору было всего пять лет — какой из меня собеседник?..

Егор Нилыч положил работу и поднял очки на лоб.

— Как с пуговицами-то будем?

— А в моей коробке не смотрели?

— Нет, я твой мюр-мерилиз весь подобрал, ни крючочка не осталось.

В окно неожиданно забарабанил крупный дождь, в печной трубе завыл порывистый ветер, что-то зашуршало на крыше.

— Вот те и крещенские морозы,— сказал старик,

— Егор Нилыч, а в ваше время зимы снежные были? — спросила мать.

— Всего было. Под Новый год мы с папашей в Серпухов ездили — пыль столбом вилась. Он меня в ученье свез. И в каких только качествах я не был: и в речке утопал, и от волков спа-

сался, и вот на старости лет гнилушки в голод есть пришлось, и снега большие помню. Я еще совсем махонький был. После Святка дело то было, уж дни стали прибавляться. Вот аккурат в эту пору...

Он взял большие ножницы и, нажимая по столу, стал резать солдатское сукно. В окно и по крыше еще сильнее забарабанил ливень.

— Так вот, помню я еще, дед с бабкой упокойники (царство небесное!) живы были, с вечера погода понесла. Убрали скотину, затворились в доме и на печку легли спать. Ночи зимние долгие, до полуночи куды наспишься. А все темно, и лежим себе. А в погоду-то спится крепко, спали да спали. Поглядим в окошко — темно, не светает — и опять на печку. Часов тогда не знали и грамоте-то не знали. Так впотьмах кое-как и жили. Только уж и спать-то не спится, выспались и слышим — на дворе скотина ревет, корму просит.

Папаша и говорит: «Что, — говорит, — за притча: темно и не светает. Надоть на двор выйти поглядеть...» Взаялся за дверь, а дверь не отворяется. Снегом ее привалило и окна снегом позавалило. Взяли топор, лопатку, откопали дверь, вылезли... Батюшки мои, до самой кровли горой сугроб навален, и на двор к скотине прокапываться надо. А погода на тепло пошла, снег оседать стал. Насилушки прокопались. Дали корма скотине, помой вынесли, а за водой к колодцу до вечера всей деревней работали. Вот-то снега какие бывали!

А то еще помню — середь зимы Ока тронулась. Как, скажи, весенний ледоход — не хуже, и льдины все крупные. Льдом берега завалило. А снег сошел весь. Тоже об эту пору было. Иной раз и не упомнишь — в каких только качествах мы не бывали!..

Егор Нилыч снял очки, собрал ножницы, мелок и наперсток, завернул все в бумагу и сунул в карман пиджака. С трудом разгибая спину, выпрямился, достал из другого кармана матерчатый кисет с махоркой и прошелся по комнате, мягко переступая старыми валенками,

Дождик все так же барабанил по крыше, и слышно было, как из водосточного желоба

льется и «шьется» вода в специально поставленную бочку. Старик покачал головой: «Черная ягода...»

Память о Егоре Нилыче, встреченном в раннем детстве, со мной всю жизнь.

РАЗЛИВ СКНИЖКИ

Десятое сентября, а тепло совсем по-летнему. Погода выкинула неожиданное колено: грозы с обильными долгими ливнями, с ослепительными молниями и такими громовыми раскатами, каких и летом-то не услышишь. Под сплошной стеной дождя, в свете автомобильных фар на ночном шоссе прыгают лягушки, обширными лужами стоит вода у обочин даже на песчаных буграх. Что же теперь делается в низинах? Прямо потоп какой-то, и конца ненастью не видно. Так — два дня и две ночи подряд.

А на третий день утром неяркими лучами осеннего солнца пронизан туман над речкой, радужными дождевыми каплями покрыта древесная листва. В полдень тихо и тепло, на небе — ни облачка. А небо по-сентябрьски глубокое и ясное. Свою начинающую желтеть листву склонили старые ивы над руслом маленькой речушки Скнижки. Речка разбушевалась не на шутку: после прошедших дождей вода в ней поднялась, пожалуй, метров на пять. Стремительным мутным потоком несется Скнижка в Оку. А вода все прибывает, скоро выйдет на заливной луг. Не узнать тихой речки.

Когда поток житейских дел чересчур нарастает и мутнеет, иду на берег Скнижки. И не было случая, чтобы она бескорыстно не помогла мне — велика ее благодатная сила...

Все в природе циклично, все подчинено вечным законам нарастания и спада. И сейчас, глядя на непривычно полноводную речку, видишь это особенно ясно. Спадет вода, а устоявшаяся погода бабьего лета возвратит Скнижке знакомый облик. И спокойное течение скажет о его основе — той неторопливой мудрости, без которой ничто не познается на этой по-осеннему притихшей земле.

© Федор ПОЛЕНОВ